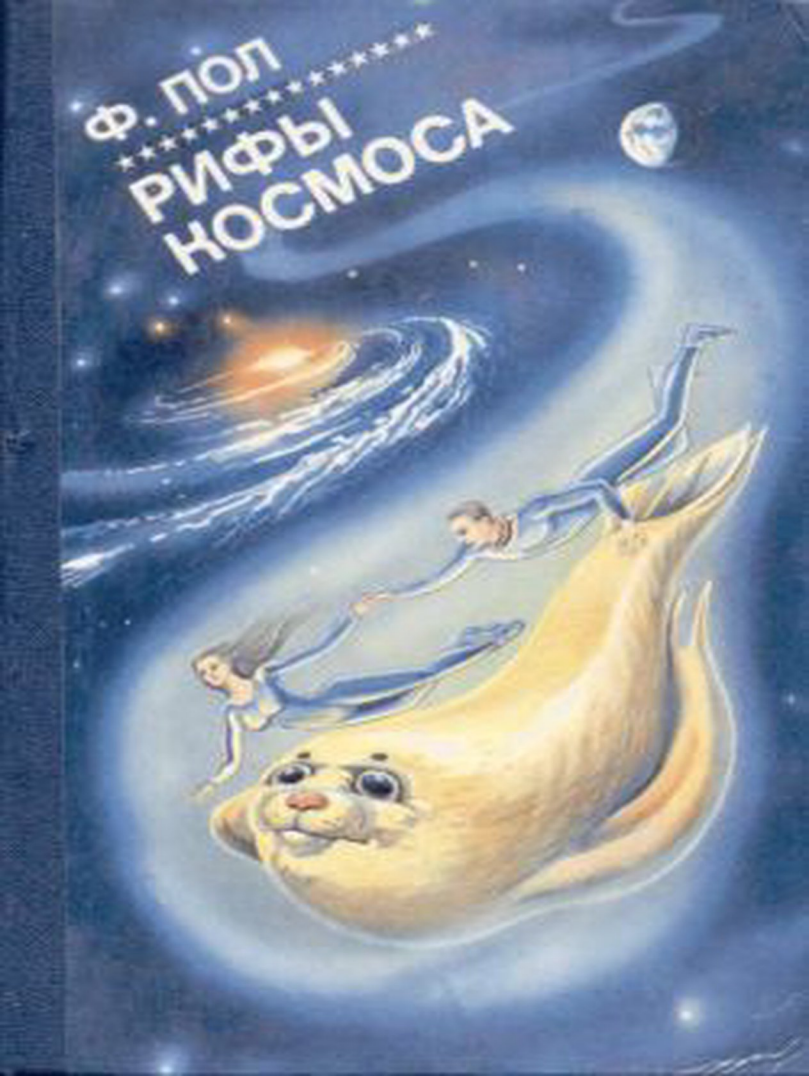
Ф. ПОЛ

РИФЫ КОСМОСА



Дитя звезд

Фредерик Пол, Джек Уильямсон

Фредерик Пол, Джек Уильямсон. Дитя звезд
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18

Фредерик Пол, Джек Уильямсон
Дитя звезд

1

Это был день, час мгновение весеннего равноденствия на Земле... и вдруг ближайшие звезды на мгновение погасли.

Целая их дюжина мигнула одновременно. Сверкающий Сириус и его сверхплотный спутник-карлик. Ярко-желтые близнецы Альфы Центавра. Тусклая красная точка Проксимы... далекие огоньки Эты Эридана и 70-А Змееносца... и само яркое Солнце.

Могучие космические моторы объявили о перерыве в своем вращении: в синтезе более крупных ядер из мелких, трансформации избытка массы в энергию, просачивании этой энергии сквозь слои бушующего газа, излучении энергии ядер в пространство.

На берегах земных океанов, в кратерах Луны, в песчаных пустынях Марса, на спутниках Сатурна и за космической завесой на самих Рифах все миллиардоголовое человечество вздрогнуло, зашевелилось и познало страх. По всей Галактике пронесся фотонный шепот, летя со скоростью света:

— ДИТЯ ЗВЕЗД!

Так все началось.

Мигание ближайших звезд продолжалось всего несколько секунд, и сначала его заметили на Рифах, ближайших к данной звезде. Потом медлительный Плутон поймал подмигивание 70-А Змееносца. Тем временем Нептун, не спеша крутившийся по своей погруженной во мрак орбите по другую сторону, первым заметил потускнение белого накала Сириуса. На Землю, где старый растолстевший Планирующий сидел, хихикая, в своем золотом кресле, все пульсации тьмы прибыли одновременно.

Планирующий перестал хихикать. Его обрюзгшее лицо помрачнело. Когда астрономы доложили о случившемся, он взорвался гневом.

Первые доклады пришли из подземной обсерватории в зоне терминатора на планете Меркурий, где на дне кратера с зазубренными краями медленно раздвинулись бетонные плиты, открывая ствол шахты.

Из шахты медленно выдвинулся в блеск близкого Солнца серебряный купол. Из-под громадной полусферы выползли стволы дюжины оптических и радиотелескопов, пирометров, телекамер. Над ними сияли бронзовые литеры:

НАИМОГУЩЕСТВЕННЕЙШИЙ НАГРАЖДАЕТ НАИВЕРНЕЙШИХ

Внутри бронированной, охлаждаемой, термоизолированной обсерватории три астронома напряженно следили за сотней индикаторов и циферблатов. Они ждали.

Потому что были предупреждены.

Старший вахтенный офицер поднял глаза от циферблата хронометра и проворчал:

— Пять минут!

Двое остальных молча следили за своими приборами. Поседевший капитан Технокорпуса взглянул на них в бледном свете экрана, который заглушал отсветы шкал и индикаторов. На экране плавало изображение Солнца, золотого, распухшего, медленно протягивающего толстые щупальца сверхраскаленного газа. Солнце висело над ощерившимися пиками скал горизонтом Меркурия.

— Ну же, — проворчал он наполовину сам себе. — Мы готовы.

Самым младшим членом вахты был худощавый молодой тех-кадет, честолюбивый юноша, уже познавший на себе тяжелую реальность службы и продвижения в Технокорпусе. Он осме-

лился заметить:

— Готовы — но к чему? По-моему, это идиотский блеф.

Старший офицер повел в его сторону желтоватым глазом, но ничего не сказал.

— Разве? — проворчал третий астроном. Это был невысокий полноватый тех-лейтенант, недавно повышенный в звании и поэтому склонный к оптимистическому взгляду на мир. — Значит, задание Машины — тоже идиотское?

— Нет, постой! Я не имел в виду...

— Понятно. Но ты забыл и подумать заодно. Машина следит за всем Планом, мы исполняем только частные задания. Если Машина уделяет внимание этому забавному существу, называемому Дитя Звезд, то мы не можем подвергать сомнениям ее мотивы.

Тех-кадет показал на огромный солнечный шар и сердито воскликнул:

— Посмотри! Что может погасить *его?*

Тех-лейтенант пожал плечами, а старший офицер сказал только:

— Осталось четыре минуты.

Военная дисциплина кадета успела обветшать за время их долгой вахты. Сердито нахмурившись, он взглянул на показатели телеметриче-

ских пирометров.

— И с места не двигается! Мы здесь уже три недели, и мы ничего не увидели.

— Мы останемся еще на три года, если прикажет Машина, — пророкотал капитан. — Машина не совершает ошибок. Она была построена, чтобы управлять Планом, и она предохранена от человеческих оплошностей.

— О, да, сэр. Но мы ведь совсем ничего не обнаружили! — воскликнул кадет. — Никаких детей звезд. Никаких крупных пятен — или что бы мы там ни должны были увидеть.

— Упражняй терпение, — посоветовал ему толстый капитан. — Или тебе придется послужить Плану более непосредственным образом. В органбанке всегда нужны запасные органы. Осталось три минуты.

Кадет немедленно умолк. Все трое сидели, пристегнувшись, в креслах наблюдателей, следя за большим золотистым изображением Солнца. Закутанное в красные потоки короны, испещренное в средних широтах оспинами мелких черных пятен, оно висело над темным горизонтом, словно глаз бога. Приборы в кабине пощелкивали и попискивали.

— Я видел, — сказал наконец тех-лейтенант

словно самому себе, — как Солнце ничем не отличалось от других звезд. Даже не ярче Веги.

— Вы были там, в Рифах? — возбужденно воскликнул кадет.

— Две минуты, — проворчал капитан, но взгляд его был обращен к молодому лейтенанту.

Тот кивнул.

— Искал... парня моей сестры. Или жениха? Его звали Бойс Ганн. А он искал Дитя Звезд. И мы не нашли ни первого, ни второго.

— Я никогда не видел Рифов, — только и сказал кадет.

— Очень красиво там, сказал лейтенант. — Шипастые силиконовые растения, сверкающие собственным светом. Как драгоценные камни, и такие острые, что запросто проткнут скафандр. Еще встречается растение, у него такие наросты из чистого серебра, напоминают по форме черенки, а также штуки вроде цветов — они из чистого алмаза.

Дыхание кадета вдруг стало шумным, и седой капитан обернулся, посмотрев на него. Все недавнее презрение исчезло, уступив место тоске — и некоторому страху.

— Займись своим делом, парень, — проворчал он отрывисто. — Рифы — опасная тема!

— Да, сэр, — с серьезным видом согласился тех-лейтенант. — Там опасно. Я видел громадного монстра величиной с лошадь, с туловищем скорпиона...

— Молчи, болван! Рифы опасны для Плана Человека. Мы однажды уже едва не погибли из-за этих Рифов. Если Дитя Звезд настоит на своем...

Тут он прервал себя и сказал только:

— Одна минута!

Тех-лейтенант покраснел.

— Прошу прощения, сэр. Я совсем не хотел начинать непланированный разговор. Я даже не предполагал представить эти орды дикарей, скитающихся за Космическим Заслоном, как что-то стоящее внимания, даже если они верят, будто Дитя Звезд — сверхчеловек...

— Следи за приборами. — Капитан подал пример, отвернувшись от товарищей и уставясь на экран, на ряды циферблатов и указателей на панели перед собой. Какая-то заблудившаяся мысль вдруг заставила его вспомнить о светловолосой девушке-общительнице, которая первая прошептала ему эти два слова: «Дитя Звезд».

Что случилось с ней потом? Попала в орган-банк?

Но времени на воспоминания не оставалось. До

срока всего тридцать секунд. Несмотря на работу рефрижераторов и идеальную изоляцию купола, в кабине вдруг стало душно. Капитан почувствовал, как по спине стекают струйки пота.

— Двадцать секунд!

Глаза капитана прикипели к бегущей черной стрелке хронометра, догонявшей красную. Когда черная соединится с неподвижной красной, наступит момент весеннего равноденствия на Земле. И угроза Звездного Дитя окажется пустым блефом... или не окажется.

— Десять секунд!

Скрытые в полу лампы погасли. Теперь только свет циферблатов соперничал с фосфорическим сиянием изображения Солнца на экране.

— Пять секунд... четыре... Три!..

Двадцать катушек с лентой быстро закрутились в темноте. Дыхание вырывалось из легких людей, словно всхлипы.

— Две... Одна!..

— НОЛЬ!

Капитан сглотнул и протер глаза.

Изображение Солнца гасло. Потом были убраны фильтры, вспышка яркости — и темнота.

Свет вдруг погас. Полностью. Изображение Солнца на экране словно смахнуло рукой. Он

услышал, как кто-то из его людей громко вздохнул, потом закричал:

— Дитя Звезд! Это он!

— Мы ослепли! — всхлипнул второй.

* * *

И это тоже было началом. Но это еще не все.

Круги по воде от брошенного в тихий пруд камня — волна тьмы разошлась от Солнца во все стороны. Три минуты спустя после момента весеннего равноденствия она достигла щелкающей в куполе на Меркурии камеры, невидимая для потерявших способность видеть глаз.

Немногим менее трех минут после этого волна поразила наблюдателей на орбитальных станциях вокруг вечно раскаленной, закутанной в облака Венеры. Их накрыла тень ужаса, они побледнели, но продолжали видеть свет приборов и не были, казалось, ослеплены последней вспышкой яркости Солнца, как люди на Меркурии.

Пройдя путь в восемь минут, волна темноты омыла Землю. На всей солнечной стороне планеты внезапно наступила кромешная тьма. В ошеломлении люди застывали на месте, пока спустя несколько секунд не оживали городские огни. Ужас пронизывал тех, кто слышал об угрозе

Звездного Дитя. На ночной стороне Земли и на Луне астрономы заметили, как погасли на мгновение знакомые звезды-соседи, и многие из них побледнели. Кое-кто из них слышал о Звездном Дитя и о Требовании Освобождения. Остальные просто увидели вдруг, что в узоре световых пятнышек, отраженном от огромных вакуумных зеркал или преломленном линзами, глядевшими в небо на высочайших горах Земли, вдруг пропали так хорошо знакомые световые точки.

Потом они снова возникли...

Но Солнце не загорелось. Пока. Пока не прошло полчаса и даже больше. Тем временем началась паника.

Новость достигла Планирующего, восседавшего в золотом кресле, и он позабыл о своем вчерашнем приятном расположении духа. Его дряблое толстое лицо побелело от страха.

О том, что происходит, человек по имени Бойс Ганн узнал косвенным путем — он услышал, как охрана камеры в недрах Машины, где он был заключен, начала перешептываться:

— Дитя Звезд!

К девушке с отрешенным взглядом, разговаривавшей с бусинками-сонарами перед консолью Машины, эта весть донеслась в словах языка,

изобретенного не человеком, языка, который мало кто мог бы понять. Имя девушки было Дельта Четыре, и она не испытывала страха, ей было все равно...

Таким образом это началось для них всех, а потом волна темноты унеслась дальше, в бесконечное пространство. Через двенадцать минут она нахлынула на Марс, приостановив новый грандиозный проект извлечения кислорода и воды из мертвой коры планеты. Заместитель Планирующего на Марсе, плохо спланированный человек, который своими глазами видел Требование Освобождения, выхватил у охранника лазерный пистолет и застрелился.

В течение следующей четверти часа тень омыла астероиды, напугав нескольких, оставив остальных равнодушными. Поскольку они не знали о происходящем, погрузившись в шахты, прорытые в богатых драгоценными материалами недрах крохотных планет. Или же были настолько утомлены и отуплены непрерывной тяжкой борьбой за жизнь и трудом, что испугать их уже ничто не могло.

Мчащаяся впереди волна темноты достигла разбросанных по спутникам Юпитера станций Плана. Она заставила погаснуть кольца Сатурна,

поглотила спутники Урана и Нептуна. Она упала на Командный комплекс Космического Занавеса, расположенный на далеком Плутоне, где ее заметили только те, чьи глаза случайно обратились к Солнцу — но и они испугались.

Волна затопила и сам Космический Заслон — скорее сеть, чем стену, сеть разбросанных с большими промежутками станций, лазерные излучатели и патрульные корабли которых следили за малоисследованными бесконечными пространствами вне пределов Системы, готовые защитить План Человека от пришельцев из Рифов или от таких врагов, как Дитя Звезд.

Волна неожиданного страха заставила команды тысячи медленно вращающихся космических фортов послать аварийные вызовы патрульным кораблям, на которых взвыли десять тысяч аварийных сирен. Замигали лазерные лучи, передавая миллионы сигналов, несущих замешательство и ужас.

Через сутки пути, за орбитой Плутона волна достигла границ Солнечной Системы, снежно-ледяных протопланет из твердого метана и аммиака. На слишком дальнем расстоянии от Солнца его гравитационные руки не смогли собрать их в настоящие планеты.

И наконец, спустя дни после прохода последнего погруженного в панику форпоста Плана, волна начала заливать Рифы Космоса.

* * *

Но там, на Рифах, на этих живых астероидах, выросших за века работы микроскопических организмов, фузоритов, поглощавших разреженные моря межзвездного водорода, эта волна темноты не означала ничего ужасного. Она стала еще одним событием в жизни, полным опасностей и чудес.

На одном из маленьких рифов одинокий старатель с раздражением взглянул в ту сторону, где только что было Солнце. Потом он порылся в рюкзаке, отыскал светящийся кристалл фузоритного алмаза, снова и снова принялся сверлить породу.

На другом Рифе проповедник Церкви Звезды посмотрел на часы, потом на небо. Он не испугался, увидев, что Солнце исчезло. Он ждал этого.

Он повернул лицо к голубому сверкающему Денебу; опустился на колени, прошептал несколько слов благодарности и мольбы. Потом он вернулся к работе, заканчивая космосапог, потому что по профессии он занимался изготовлением обуви.

Тень прошла над могилой, но ее никто не уви-

дел. Там никого не было, даже трупа — могила была пуста.

Волна тени легко пронеслась над городом решительных закаленных беглецов из мира Плана Человека — большим скоплением Рифов, где строилась великая космическая армада из фузоритной стали. Девушка по имени Карла Снег смотрела, как гаснет Солнце, и в глазах ее ярко отблескивали слезы.

На другой живой скале пастух внимательно охранял принесшего детенышей члена своего стада от нападения хищного пиропода. Притаившись за выступом органического железа, посматривая время от времени на разрешающегося от бремени пространственника, он искал среди звезд бронированных убийц, стараясь отпугнуть их короткими вспышками из лазерного пистолета. И он не заметил, что Солнце вдруг погасло.

Вот как все это началось для всех — для всех живущих мужчин, женщин и детей.

* * *

И тридцать девять минут спустя Солнце снова принялось изливать мощный поток света и тепла, но волна сияния, прокатившаяся по Солнечной

Системе, увидела уже изменившийся мир.

Атомные моторы Солнца снова вращались. Водород синтезировался в гелий через углеродный цикл. Энергия просачивалась к поверхности Солнца. Радиация устремлялась в пространство.

Три минуты спустя волна излучения ударила в термоизолированный купол на Меркурии. Это зарегистрировала щелкающая камера, данные проанализировали тысячи автоматических приборов. Всхлипывая от радости — или ужаса — ослепленные астрономы послали на Землю сигнал лазерным лучом: «Солнце ожило!»

Но свет самого Солнца достиг Земли раньше сообщения.

Первые лучи возродившегося Солнца коснулись горы, где сидел в золотом кресле Планирующий. На плече его устроился серый металлический сокол, бросавший по сторонам сердитые взгляды красных светящихся глаз, шелестя сильными крыльями. Планирующий глядел на лист кремового цвета пергамента, в заголовке которого значилось: «ТРЕБОВАНИЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ».

Пергамент был доставлен Планирующему одним из личных охранников, который обнаружил свиток у дверей кабинета. В документе говорилось:

«Дитя Звезд требует освобождения всех своих последователей, которые удерживаются на службе Плана с помощью воротников безопасности.

Звездное Дитя требует, чтобы все его последователи, направленные в орган-банки, были приведены в первоначальный вид и тоже освобождены.

Наконец дитя Звезд требует, чтобы препятствие, называемое Космической Завесой, было демонтировано и был разрешен свободный доступ к Рифам Космоса и от Рифов Космоса к планетам Системы.

Дитя Звезд сознает, что План Человека мнит себя неуязвимым, и поэтому подготовил предупреждающую демонстрацию своих возможностей. В момент весеннего равноденствия на Земле Солнце будет погашено. Двенадцать ближайших звезд мигнут.

Если Планирующий откажется пойти навстречу требованиям Звездного Дитя после этой демонстрации, то будут приняты дальнейшие меры. Следствием окажется уничтожение Плана Человека.»

— Непланированная чушь! — застонал Планирующий. — Наглость! Предательство!

Высокий полковник Технокорпуса сказал с неловкостью:

— Сэр, мы должны принять меры...

— Меры... — проворчал Планирующий, а его стальной сокол тем временем со звоном ударил крылом о крыло. — Что говорит Машина?

— Нет данных, сэр, — ответила девушка в халате с капюшоном. Голос ее звучал, как далекая музыка, выражение лица было безмятежным.

— Нет данных! Найдите мне данные! Узнайте, кто такой Дитя Звезд! Объясните, как он это сотворил... и как мне помешать ему сделать то же самое еще раз!

Тех-полковник кашлянул.

— Сэр, уже несколько лет мы получаем донесения о Церкви Звезды. Это новая религия, возникшая, по всей видимости в Рифах...

— Опять Рифы! Их нужно было уничтожить двадцать лет назад!

— Да, сэр. Но мы этого не сделали. И колонисты, то есть, сэр, бродяги, живущие среди Рифов, изобрели новое суеверие. Они поклоняются, кажется, звезде Денеб. Она же Альфа Лебедя, верхушка Северного Креста. Они воображают, что на ее пла-

нетах находится рай. Они желают переселиться туда, по крайней мере, некоторые из них желают, хотя при максимуме возможностей современного космолета, — продолжал полковник серьезным голосом, — способного развить одну сотую скорости света, учитывая четыреста световых лет расстояния до Денеба, путешествие займет не менее сорока тысяч...

— Ближе к делу! — раздраженно окрикнул Планирующий. — Что такое этот Дитя Звезд?

— Э-э, сэр, исследуя этот новый культ, мы наткнулись на слухи о такой личности. Несколько лет назад мы послали... гм, особого уполномоченного, чтобы провести расследование по этому делу. Имя уполномоченного было Бойс Ганн, сэр, м...

— Приведите его ко мне! Он здесь, на Земле?

— Да, сэр. Но... видите ли, сэр, он вернулся неожиданным образом. Фактически... — лицо полковника представляло полную картину замешательства, — я *должен признаться,* сэр, что не знаю точно, каким образом он к нам вернулся.

— Болван! — закричал Планирующий. — Приведите его ко мне! Мало ли чего вы не знаете! Доставьте мне Бойса Ганна!

* * *

И это тоже было начало. Но практически многое началось еще раньше.

* * *

Для Бойса Ганна все началось за много месяцев до того, когда он был шпионом.

2

Для Бойса Ганна все началось на станции Поларис — большом металлическом обруче, плавающем в ледяном пространстве за Плутоном, который служил одним из звеньев завесы, отделявшей планеты Плана Человека от Рифов.

Бойсу Ганну было всего двадцать шесть лет, и он был уже оператор-майором.

Он имел шесть футов росту, каштановые волосы, голубые глаза. Он был широк в плечах и строен в талии. Он двигался с грацией веселого кота. У него был вид человека, умеющего за себя постоять, и таким он был на самом деле.

Он прибыл на борт станции Поларис с веселой улыбкой и обезоруживающим взглядом ярко-голубых глаз.

— Докладывает Бойс Ганн, сэр, — обратился он к вахтенному офицеру. — Тех-кадет Ганн прибыл в ваше распоряжение.

Это была жизнерадостная ложь. Он не был кадетом, но в шпионской школе на Плутоне офицеры-инструкторы решили дать ему это новое звание, чтобы облегчить выполнение задачи.

Оператор-майор — важная персона. За ним будут наблюдать. А кадет мог ходить где угодно и делать все, что угодно.

Вахтенный офицер выдал ему предписание на место в каюте, помог расположить вещи в багажном отсеке, пожал руку, приветствуя нового члена команды, и приказал явиться к коменданту станции машин-полковнику Мохаммеду Зафару.

В задание Ганна входило расследование по поводу слухов о странной анти-Плановой деятельности на станции Поларис. Ганн был солдатом Плана и едва ли мог вообразить анти-Плановость иначе, как нечто прогнившее насквозь, мерзкое, злобное и вредное. Прибыв на станцию, он ожидал увидеть беспорядок и развал, встретить экипаж, превратившийся в угрюмых оппозиционеров.

Но дисциплина оказалась в порядке. Люди выглядели вполне опрятно. По пути через пластиковые коридоры кольца станции, высоко подпрыгивая в слабом поле тяготения, он отметил, что все металлические части ярко начищены. Но у него была задача, и он знал, как с ней справиться.

Он постучал в дверь кабинета коменданта и получил разрешение войти. Вытянувшись по

стойке «смирно», Ганн отдал честь по всем правилам.

— Тех-кадет явился по предписанию, сэр!

Машин-полковник, как и положено, отдал честь. Это тоже слегка удивило Ганна, но он не позволил удивлению выдать себя сквозь военную выправку и симпатичную улыбку. Машин-полковник Зафар оказался невысоким смуглым человеком в тщательно выглаженной белоснежной форме. Вид он имел такой же прочный и непоколебимый, как сам План.

— Добро пожаловать на борт, кадет, — сказал он. — Передайте мне ваше предписание, пожалуйста.

— Есть, сэр! — Предписание Ганна тоже было подделкой. В соответствии с ним он являлся оператором лазерных устройств, только что прибывшим с Земли. В документе не упоминалось его настоящее звание, так же, как и интенсивная подготовка на Плутоне. Комендант внимательно прочел предписание, потом кивнул.

— Кадет Ганн, — мы рады вашему прибытию на станцию Поларис. Как вам известно, эта станция является важным звеном Завесы. Нашей первейшей обязанностью является обнаружение и предотвращение незаконной коммуникации

между Планом Человека и районами за Плутоном, так называемыми Рифами Космоса. Вторая обязанность — следить по мере возможности за активностью в самих Рифах. Радарные, лазерные и оптические системы — сердце этих двух задач. Поэтому, кадет Ганн, вы исполняете наиболее ответственную часть нашей работы. Не подведите нас.

— Сэр! — торжественно сказал Ганн. — Я не подведу! Я служу Плану Человека без сомнений и отдыха.

Он отдал честь и вышел.

Но прежде чем выйти, он уронил свои документы и тут же подобрал их, сверкнув в сторону полковника извиняющейся улыбкой.

Он вышел с высоко поднятой головой. Потому что в тот момент, когда он поднимал предписание и находился вне поля зрения коменданта, он прикрепил подслушивающее устройство — «жучка» — к внутренней стороне стола машин-полковника Зафара.

* * *

В течение следующего часа Ганну на шею был одет воротник безопасности.

Он ждал этого. В таком уязвимом и важном

устройстве, как станция, каждый член команды носил железные воротники. Таким образом он мог быть уничтожен в любой момент и в любом месте. Иного пути не было. Сошедший с ума космонавт, предатель, пробравшийся к запасам топлива, пьяный оружейник у пульта мощных ракет станции — любой из них мог нанести столько вреда, что необходимо было иметь постоянный контроль за каждым человеком на борту.

И все же чувство было неприятное. Ганн притронулся к кольцу, и улыбка покинула его жизнерадостное лицо. Было трудно сохранять спокойствие, зная, что кто-то или что-то — Машина на далекой Земле, или один из ее ближайших сателлитов-трансляторов, или офицер безопасности на Плутоне, или комендант станции Поларис — могут одним радарным импульсом включить взрыватель, и заряд мгновенно обезглавит Ганна.

Соседом по каюте Ганна оказался высокий худощавый нигериец, тех-кадет по имени М'Буна. Прогуливаясь у двери в отсек Службы Безопасности, поджидая Ганна, он увидел невольный жест последнего и засмеялся. Когда они оба направились к своему служебному посту, М'Буна сказал:

— Щекочет нервы, а? Ты не волнуйся, если он

вдруг сработает, ты об этом даже не узнаешь!

Ганн усмехнулся. Ему понравился М'Буна. Уже при первой встрече он понял, что найдет в нем внимательного и умного товарища. Но он сразу поспешил ответить:

— А кому нравится воротник? К тому же... — он сделал паузу, оглянулся по сторонам. — Я слышал, что имеются в одном месте люди, которые умеют избавлять от них. Там, в Рифах. Они знают секрет — как снять воротник.

— Я такими вещами не интересуюсь, — напряженным голосом сказал М'Буна. — Вот наш отсек.

Ганн кивнул и продолжать разговор не стал. Но четко отметил один факт, очень важный факт, которого не заметил М'Буна. В намеке Ганна имелся призыв к анти-Плановому поступку, предательству Плана. Обязанности М'Буны были очевидны: он должен был оборвать Ганна на месте, потребовать немедленных объяснений — на что он намекал? — и потом немедленно доложить о словах Ганна.

* * *

Огромная, как океанский лайнер, хрупкая, как воздушный змей-дракон, станция Поларис

представляла собой большое колесо из пластика. Вращение создавало центробежную силу, достаточную, чтобы суп в обеде не вылетел из тарелки, а тарелка держалась на столе. Ступица же колеса была неподвижна. На одном ее конце находился купол радарно-лазерной следящей системы, на другом — воздушные шлюзы.

Станция была запущена в этот район более четверти века назад, чтобы исследовать скопление Рифов непосредственно к северу — в галактических координатах — от Солнца. Скопление аммиачного снега, снабдившего старые ядерные ракеты реактивной массой, по-прежнему находилось в поле зрения радаров, вращаясь в сотне миль от станции по их общей орбите. Теперь в реактивной массе не было необходимости, но снеговое скопление могло еще послужить. Оно превратилось в космический мусорник, сборник отходов станции, которые доставлялись на его поверхность после каждой вахты, чтобы частицы мусора, вращаясь по свободным орбитам, не мешали следящим системам станции и не вызывали ложных тревог.

За сорок восемь часов своего пребывания на станции оператор-майор Бойс Ганн установил «жучков» в кабинетах коменданта, старшего

помощника, интенданта и начальника Службы Безопасности. Каждый такой миниатюрный приборчик передавал на тайной волне каждое слово, произнесенное в этих святая святых. Ганн лично прослушивал передачи, когда время позволяло. В остальное время сигналы записывались специальными устройствами на Плутоне, затем передавались на Землю, в подземную цитадель Планирующей Машины как таковой.

Но «жучки» ничего не помогли ему выяснить.

Ганну был дан более чем ясный приказ: ИСКАТЬ И ВЫЯВИТЬ ВРАГОВ ПЛАНА. Все остальное относилось к категории слухов. Какие-то крупномасштабные контрабандные операции, перевозка ценных стратегических материалов с внутренних планет Плана в Рифы. Какой-то странный новый культ — грозящий объединением всех Рифов против внутренних планет. Предводитель его, призывающий к бегству в Рифы... Утечка информации в системе безопасности... Но была ли здесь доля истины — если вообще могла быть — этого Ганну не сказали. Не в правилах Безопасности было разъяснять детально агентам, что они должны искать. Считалось, что время свое они используют наиболее продуктивным способом, идя по собственному следу — или нескольким

следам.

Но здесь вообще не было следов — никаких.

Во всяком случае, действительных следов. Несколько неосторожных реплик за столом. Какие-то запасные части к лазерным батареям исчезли без надлежаще убедительного объяснения. Даже за меньшие промахи люди попадали в орган-банки. Это были анти-Плановые беспорядки. И со станции Поларис кое-кто тоже отправился на утилизацию, потому что Ганн аккуратно зафиксировал имена и данные. Но он был уверен, что должен искать что-то гораздо более серьезное и опасное, чем ошибки небрежного офицера.

За неделю Ганн убедился, к своему удовольствию, что если и существует крупное анти-Плановое подполье, то не на станции Поларис.

Искать нужно было в другом месте.

Но в каком?

Он успел побывать там дважды, пока сообразил, где может находиться это «другое место».

* * *

Как член младшего персонала Ганн вносил свою долю в КВ — камбузную вахту, а также в команду по уборке, избавлению от отходов и

так далее. Как правило, такая работа была не из обременительных. Высококачественные духовки и киберуборщики исполняли почти всю работу. Людям оставалось только убедиться, что все автоматы работают как следует. И даже короткий рейс со станции на снеговую мусорку был приятным разнообразием в рутинной жизни.

Он отправился в мусорный рейс вместе с М'Буной, и они коротали время за отрывочными разговорами у пульта «шаланды» — нереактивного космического тягача — пока контейнеры с мусором самостоятельно опорожнялись и возвращались на место. М'Буна никогда не возвращался к первоначальной реплике Ганна о воротниках безопасности. И Ганну тоже не удавалось навести его на разговор на неплановую тему, он даже оставил попытки. Они разговаривали о доме. Обсуждали проблемы продвижения по службе. А также достоинства девушек.

У Ганна была одна девушка. Ее звали Джули Мартин.

— Маленькая такая, — серьезным голосом говорил Ганн, — и с такими красивыми черными глазами. Она меня ждет. Когда я вернусь...

— Правильно, — сказал М'Буна. — Так вот, эта девушка, которая была у меня в Лагосе...

— Ты говоришь об *этой* девушке, — сказал Ганн, — а Джули была не эта, она была моя девушка. Единственная, все остальные не в счет.

— Отчего же ты никогда не получаешь от нее писем? — спросил М'Буна.

Ганн замер.

— Она не любит писать письма, — сказал он после секундной паузы, ругая себя. Какой глупейший промах! Он не получал писем от Джули Мартин по одной весьма существенной причине — письма эти накапливались на Плутоне, ожидая его. Он был в этом уверен — сюда их не могли переслать. Слишком велик был риск, что кто-нибудь прочтет одно из писем и по косвенным замечаниям догадается, что Ганн — не простой техник-лазерщик, каким кажется.

При первой же возможности Ганн сменил тему разговора.

— Слушай, — сказал он, — что это на экране?

На экране радара маленькая искорка сигнала опускалась с легкостью перышка на поверхность снежной протопланеты. Какой-то мусор, несомненно. Ничего больше. Ничего необычного не было в том, что часть партии отходов вырвалась из непрочных оков и принялась кружить в пространстве, чтобы через минуты или часы

все-таки осесть на поверхность.

Но М'Буна, мельком взглянув на экран радара, сказал как бы между прочим:

— Наверное, это комендант. Он время от времени проверяет, все ли здесь в порядке.

Тщательно стараясь скрыть охватившее его возбуждение, Ганн сказал:

— Интересно, что он тут делает.

М'Буна пожал плечами, протянул руку и повернул выключатель. Контейнер опустошил себя и вернулся на корабль.

— Знаешь, что, — сказал Ганн, — давай поглядим, что там такое.

Он не стал ждать ответа. Контейнер вернулся в гнездо, «шаланда» была в готовности — ничто не могло помешать ему. Он включил корректирующие курсовые ракеты. «Шаланда» двинулась вперед.

— Нет! Брось, Ганн. Старик вовсе не обрадуется, если заметит, что мы за ним подсматриваем, — с напряжением в голосе сказал М'Буна.

Но Ганн не слушал его. Он был целиком поглощен наблюдением за экранами.

Если машин-полковник Зафар совершает тайные визиты на планетоид, то должна иметься на то причина. И он должен выяснить, что это за

причина. Он дал на экран максимальное увеличение, и навстречу ему прыгнула поверхность маленькой протопланеты, состоявшей из замерзших газов.

Планетоид был в восемь или десять миль толщиной, формой напоминая более контейнер для золы, чем шар. Для дальних протопланет из метана и водорода он был необычно плотным — подойдя поближе к Солнцу, он бы превратился в крупную комету. Его зеленоватая кора из твердых газов казалась на экране медленно крутящейся метелью. Потревоженный толчком выброшенного мусора, весь планетоид вибрировал, покрывавший его газовый снег медленно вздымался и опадал волнами.

И больше ничего не было видно.

Но даже небольшой планетоид имеет солидную площадь поверхности — по человеческим меркам. Где-то здесь находился полковник Зафар. Ганн снова протянул руку к пульту двигателя, чтобы пустить корабль в облет протопланеты.

Какой-то шум отвлек его.

Он обернулся и увидел, что М'Буна подался в его сторону, на лице его было странное выражение ненависти и жалости, смешавшихся вместе. В руке он держал блестящий металлический

карандаш, направив его в сторону Ганна.

В оставшуюся у него долю секунды Ганн успел лихорадочно подумать: «Если бы я только мог послать сообщение... Здесь происходит что-то анти-Плановое...»

И эта мысль была его последней мыслью. Он услышал шипение и едва успел понять, что в шею его ужалила нейропуля, выпущенная из контрабандного пистолета М'Буной. Потом все погасло. Темнота и холод сомкнулись вокруг него.

3

Нейропуля мгновенно анестезирует всякую нервную деятельность. Но это еще не все.

Ее действие не ослабевает со временем само по себе. Жертва нейропули не возвращается в сознание, пока ей не будет введен нейтрализующий препарат.

Когда Ганн пришел в себя, он не имел понятия, как долго пробыл под воздействием пули. Но одно он знал наверняка — он больше не находился в рубке управления «шаланды»-мусоровоза.

Кроме того, место было ему вообще совершенно незнакомо.

Он лежал на неровном скалистом выступе, на подстилке из чего-то мягкого, теплого, чего-то напоминающего лишайник или мох, растущего толстыми ступенчатыми слоями. Мох слабо, но ровно светился. На ближайших скалах свет был зеленоватым, на более дальних он казался красным и пурпурным.

И небо над скалами было бархатно-черным, с одной-единственной сверкающей звездой.

Бойс Ганн с трудом поднялся на ноги — и воспа-

рил в воздух. Опустившись, наконец, обратно на землю, он осмотрелся вокруг. Если он не смотрел на яркую звезду над головой и на светящиеся скалы, то глаза привыкали к темноте и он мог разглядеть остальные звезды. Знакомые созвездия... И тут он все понял.

Яркая звезда была Солнцем.

Он находился на одном из Рифов Космоса.

* * *

Ганн никогда не узнал, как он попал сюда. Знал об этом наверняка один М'Буна, а с ним Ганн никогда больше не встретился. Но одно было ясно — пока он находился под воздействием нейропули, его привезли и выбросили на этом осколке рифа. Без радиопередатчика, инструментов, корабля, скафандра — он мог уцелеть на этом осколке, но все равно рано или поздно он умрет. Потому что никогда не сможет его покинуть.

Да, это был отличный способ избавиться от лишнего человека, даже более простой, чем убийство, поскольку не оставалось тела, которое нужно было еще спрятать.

Ему было холодно, он чувствовал скованность в суставах. Кисти пук распухли, лодыжки онемели. Судя по всему, его похитители не доверяли

нейропуле и как следует связали его. Но путы уже исчезли, а вместе с ними и всякие указания на личность, доставившую его на этот риф. Голова болела. Во рту пересохло, и хотелось есть.

Сначала нужно было найти воду и еду, но он не мог устоять перед соблазном прежде всего осмотреть чудесную местность. Металлические листья папоротников позвякивали, как ветровые гонги. Откуда-то доносился далекий звук, похожий на хлопанье крыльев целой стаи птиц. Откуда здесь птицы, подумал Ганн, это невозможно. Но здесь могла быть какая-то жизнь. Рифы Космоса были сотворены живыми организмами, подобно кораллам в океанах Земли. Здесь должна была быть жизнь.

Но эта жизнь не всегда была совместима с человеческой — и даже не очень часто. Потому что Рифы были сформированы скоплениями фузоритов, питающихся межзвездным водородом, в соответствии с законами неохойловской гипотезы, превращая атомы водорода во все более и более тяжелые элементы. В Рифах имелась и углеродная, дышащая кислородом, теплокровная жизнь. Но в большинстве Рифы населяли металлические и кристаллические формы. В лучшем случае они не годились в пищу, в худшем — пред-

ставляли смертельную опасность.

Солнце, выглядевшее, как яркая звезда, находилось у южного полюса небесной сферы, как успел обнаружить Ганн. Соответственно сам он находился к галактическому северу от Солнца, на одной прямой со станцией Поларис. Но насколько далеко от нее? Способа узнать у него не было, не считая того, что, по предположению, основные скопления Рифов находились в двухстах астрономических единицах от Солнца. То есть примерно в двадцати миллиардах миль.

Ганн перевел взгляд со звезд на окружающую местность. Перед ним был мир, который нужно было исследовать. Конечно, он может не достигать и сотни ярдов по длиннейшей оси, но ничего другого у него сейчас не было.

Он потер саднящие запястья и лодыжки и отправился в разведку. Он осторожно выбрался из маленькой, светящейся, зеленоватой лощины, потому что знал о подстерегавшей на небольшом рифе опасности. Фузориты-симбиоты создавали и удерживали атмосферу вокруг осколка. Но она напоминала мыльный пузырь — если Ганн неосторожно подпрыгнет слишком высоко, он может очутиться в вакууме космического пространства и его настигнет жуткая смерть, когда

кровь выкипит подобно взрыву и лопнут стенки клеток его тела.

Взобравшись на гребень лощины, он приостановился и огляделся.

Впереди лежала еще одна лощина, и на этот раз ее заполняли какие-то блестящие кусты. Растения достигали в высоту человеческого плеча, их узкие соцветия напоминали плюмажи, усыпанные самостоятельно светящимися точками — видимо, отдельными клетками фузоритов. Каждый лист у черенка был зеленым, ближе к краю цвет переходил в черный. Кроме того, на каждом листе имелась ярко-красная ягода.

Невероятно, но кусты росли рядами.

Больше всего это напоминало ферму в одной из плодородных долин на Земле. Ганн мгновенно почувствовал, как желудок сжала спазма голода. Ягоды казались такими привлекательными и съедобными! Волоча ноги, он затрусил к кустам...

И откуда-то из-за его спины послышался голос:

— Молодец! Наконец-то ты проснулся. И сразу решил подкрепиться, а?

* * *

Майор Бойс Ганн был подготовлен к любой неожиданности. Полученный на тренировках рефлекс остановил его на полупрыжке, заставил повернуться и приземлиться на мшистую светящуюся поверхность рифа, сразу заняв оборонительную стойку на полусогнутых коленях. Но фигура человека, приближающегося к нему, имела вид совершенно не воинственный. Это был невысокий коренастый мужчина с толстым животом и грязной желтоватой бородой. Одежда его была соткана из каких-то грубых волокон. Она была грязной, полурасстегнутой и полной прорех.

Прижимаясь к загорелой лысой голове мужчины, на плече его сидело существо размерами с обезьянку-капуцина, с зеленой чешуей, красными глазами и черными клыками. Оно походило на игрушечного дракона. Из-под острых, как лезвие ножа, краев чешуи сочились тонкие струйки дыма.

— Привет, — осторожно сказал Бойс Ганн.

— Ну-ну, привет, — добродушно ответил человек. — Ты спал. Я и подумал — пусть лучше спит. Добро пожаловать — я не надеялся обзавестись

компанией.

— Я сам не ожидал, что окажусь именно здесь.

Мужчина кивнул и протянул грязную мозолистую ладонь.

— Я так и подумал. Какие-то двое оставили тебя здесь пять-шесть часов назад. Похоже было, что они не слишком ласково с тобой обошлись, поэтому я решил тебя не беспокоить.

Существо на его плече завертелось, когда мужчина повернулся, и уставилось на Ганна красными горящими глазами.

Ганн пожал руку, протянутую ему, и сказал:

— Мне нужна вода. И немного еды.

— Сейчас устроим. Пошли...

Мужчина кивнул ему, существо закачалось, сохраняя равновесие, потом он повернулся и повел Ганна вдоль возделанного поля к крохотному черному озеру.

— Омер не любит незнакомых, — возвестил он через плечо. — Но ты его не бойся. Просто не делай резких внезапных движений. Омер — он из пироподов. Детеныш, конечно, но и они бывают опасны.

Ганн внутренне согласился. У маленького существа был достаточно зловещий вид, который усиливали струйки дыма и огненные глаза.

Пробираясь сквозь мерцающие ряды растений фермы, они добрались до берега озерка, а скорее всего, лишь пруда, не более пятидесяти ярдов в поперечнике. Поверхность его волновали медленные высокие волны, характерные для слабого притяжения. На дальнем его берегу поднимался обрывистый утес, усеянный сверкающими выходами металлических жил. Местами его силуэт смягчали светящиеся мхи и прочие растения, а у подножия виднелся металлический навес, скрывавший вход в пещеру.

— Вот мы и дома, — жизнерадостно сказал мужчина. — Добро пожаловать. Входи и отдыхай.

— Благодарю, — сказал Ганн. — Кстати, мы так и не познакомились.

— Разве? И то верно, — сказал мужчина. — Меня зовут Гарри Хиксон. А ты... — Ганн открыл было рот, но Хиксон не сделал паузы. — Ты ведь, как это называется, оператор-майор Бойс Ганн из шпионской школы на Плутоне.

* * *

Уже сутки Ганн отдыхал в пещере отшельника Гарри Хиксона, и мысли его были мрачны. Каким образом Хиксон узнал его имя? Более того, откуда он мог знать, что Ганн — не техник-лазерщик, а

выпускник шпионской школы?

Ответ на ум не приходил, поэтому Ганн оставил догадки и занялся восстановлением физической формы и исследованием окружающей обстановки.

Очевидно, он пробыл на выбросившем его здесь корабле более долгое время, чем предполагал, потому что успел потерять в весе и силе мышц, а на подбородке выросла щетинистая борода. Но Хиксон кормил его и заботился о нем. Он устроил Ганну постель — всего лишь, правда, кучу вонючих одеял, но не хуже, чем его собственная — и он делил с ним содержимое горшка, в котором варил что-то вроде слишком жирного жаркого. Пища была грубой, но обильной, ее разнообразили плоды и коренья растений, произраставших на утесе. Красные ягоды, по вкусу похожие на очень кислый лимон, оказались хорошим источником всех необходимых витаминов, как настойчиво объяснял ему Гарри, а один из лишайников давал протеин.

Вопрос питания Ганна не волновал. Хиксон прожил на этой диете несколько лет и был здоров. Значит, Ганн тоже продержится достаточно долго, чтобы вырваться с этого рифа.

Это не должно было занять много времени.

Потому что, как он узнал от Хиксона, существовал способ сообщения, позволяющий в случае необходимости позвать на помощь.

— У меня такой нужды не было, — сказал Хиксон, вылавливая из жаркого длинный стебель похожего на ревень овоща и облизывая пальцы, — но приятно чувствовать, что в тылу все надежно... Слушай, Бойс, тебя беспокоит воротник?

Рука Ганна замерла, он вдруг заметил, что бессознательно трогает воротник на шее.

— Не совсем, — тихо сказал он.

— Могу снять, если хочешь, — доброжелательно предложил Хиксон. — Плевое дело. Я уже сто раз такие снимал.

Ганн уставился не него.

— Ради Плана, о чем ты говоришь? — сердито сказал он. — Ты что, не знаешь, что это такое? В эти штуки встроен автоматический контур-взрыватель вместе с дистанционным запалом. Если ты только попробуешь снять его... — Он сделал кончиками пальцев веерообразное движение в стороны и вверх от кольца, изображая действие обезглавливающего заряда.

— Да нет, ясное дело, об *этом* я все знаю, — сказал Хиксон. — Сиди тихо. Да нет, не ты, Ганн. Это

я Омеру. Омер! Не ерзай, ты меня раздражаешь.

Он поднялся от неуклюжего стола из досок, где сидел на корточках за едой, обошел его и остановился за спиной Ганна.

— Ты только сиди на месте, Бойс, — сказал он. — Можешь шевелиться, но только не смотри на мен я... Омер! Черт бы тебя побрал! Убери когти! Я его вывел из яйца, этого дьяволенка, прямо вот тут, в пещере. Но он начинает нервничать каждый раз, когда я... Ага, вот и все.

Что-то коснулось шеи Ганна. Он не видел, что делает Хиксон, но он был уверен, что у отшельника нет в руках никаких инструментов. Но вдруг горло что-то сжало...

Он услышал, как щелкнул замок...

Кольцо упало на пол пещеры. Ганн рывком вскочил на ноги, побледнев, ожидая, что сейчас произойдет взрыв. Но взрыва не было.

— Успокойся же, Бойс, — проговорил отшельник. — Ты до смерти перепугаешь Омера. Эта штука больше никогда не взорвется.

Он небрежно подобрал кольцо и поднял к глазам, чтобы рассмотреть получше в свете никогда не гаснущего алмазного кристалла, который на Земле стоил бы миллионы.

— Отличная работа, — сказал он с восхищени-

ем. — Сколько деталек-то. Жалко, что больше они ни на что не годятся. — И он швырнул кольцо в дальний угол пещеры. — Ну, так что? — спросил он. — Ты готов двигаться дальше?

— Двигаться куда? — сказал Ганн, помолчав секунду, глядя на Хиксона.

— Ну, ну, Бойс, не волнуйся. Я знаю, о чем ты думаешь. Ты думаешь, что меня нужно доставить к Планирующей Машине на предмет исследования. Ты не понимаешь, как я это делаю, но ты уверен, что это анти-Плановое свойство. Что ж, ты прав. Я весь полностью анти-Плановый. И я не буду тебе мешать. То есть можешь взять лазерный пистолет и вызвать сигналом помощь. Но я с тобой не полечу, Бойс Ганн. Это ты запомни хорошенько.

— Ну, хорошо, — сказал Ганн, сдаваясь. Но внутри он вовсе не собирался складывать оружия.

Хиксон выразил намерения Ганна в очень мягких выражениях. Ганн не просто думал, он намеревался доставить Хиксона в лабораторию Плана для исследования. Честно говоря, он еще никогда в жизни не желал чего-то с подобной силой. Даже продвинуться на службе Машине. Даже обрести счастье в любви Джули Мартин.

Этот человек, Гарри Хиксон, был катастрофой

Плана в процессе развития.

Кем бы он ни был, как бы он ни делал то, что делал, он был страшной угрозой Плану Человека. В ушах Ганна едва ли не наяву звучали инструкции старшего офицера на Плутоне, которые он мог бы получить, если бы доложил о Хиксоне и старший офицер отдал бы приказ:

«Подопытный Хиксон является отрицательным фактором. Его неизвестные свойства должны быть рассмотрены и сохранены для блага Плана. Затем каждый орган его тела должен быть уничтожен...»

Но как доставить Хиксона в руки Плана?

Нужно было найти способ. Он должен был существовать. Оператор-майор Бойс Ганн был в этом уверен. Главное — сохранять спокойствие и выжидать — и, когда представится случай, не упустить его.

— Тогда давай пошлем сигнал прямо сейчас, — сказал Ганн. — Я готов двигаться дальше.

Хрипло дыша и отдуваясь, Гарри Хиксон вывел Ганна на вершину скалы из красноватой породы. Пироподы, взобравшийся на его лысый скальп, ерзал и крутился, не спуская горящих красных глаз с Бойса Ганна.

— Видишь, вон там? — спросил Хиксон через

плечо. — Вон ту яркую звезду рядом с Вегой?

Бойс Ганн проследил за указательным пальцем Хиксона.

— Ты имеешь в виду Тету Лиры?

Отшельник обернулся, поглядев на Ганна с легким удивлением.

— Это верно, Бойс. Вас там кое-чему учат, в шпионской школе. Вот только не... Ладно, не важно. Я имею в виду вон ту, прямо под Тетой Лиры. Тусклая красная звезда. Не помню, как называется. В той стороне лежит Свободное Небо.

Ганн почувствовал, как в висках застучала кровь.

— Свободное Небо? Я слышал об этом. Кажется, это колонии рифовых крыс?

— Ай-ай, Бойс, так говорить нельзя. Они просто свободные люди. Это самый большой Риф — Свободное Небо, значит. Вроде как бы город, почти в сотню тысяч миль в длину. До него где-то полмиллиона миль.

— Понятно. — сказал Ганн, чувствуя гордость и подъем духа. «С каким подарком я вернусь на Плутон! Целый город будет возвращен Плану, снова войдет в братство Машины!» Он уже почти видел, как светящиеся следы двигателей крейсеров Плана сходятся в этом секторе, направляясь в

одну точку — в скопление рифов...

— Не возносись особенно в мечтах, Бойс, — сухо сказал Хиксон. — Ты еще туда не добрался. А если доберешься, то по телефону Машину тоже не вызовешь оттуда. А теперь погоди, пока я вызову за тобой...

Он поднял старинный неуклюжий лазерный пистолет, который хранился в куче промасленного тряпья в пещере, проверил индикаторы настройки, аккуратно прицелился в далекую красную искру, служившую маяком прямого курса на Свободное Небо. Он трижды дернул за спуск, потом опустил пистолет и повернулся к Ганну.

— Вот и все. Теперь подождет, пока они сюда доберутся. Можно спокойно вернуться в пещеру.

Он помолчал, косо глянул на Ганна, словно чем-то немного смущенный. Потом, видимо, принял решение.

Он снова повернулся лицом к звездам, опустил пистолет и протянул руки. Губы его двигались, но Ганн не мог разобрать ни звука. Пироподобный, взобравшийся на его лысую макушку, шипел и то и дело соскальзывал. Казалось, отшельник всем телом устремился куда-то. Но куда?

Ганн не мог понять. Очевидно, к Свободному Небу. К слабой красной звездочке, определяющей

его положение... или, может, к Тете Лиры... или к ярчайшим гигантам Летнего треугольника, доминировавшего в той части неба — к Веге, Альтаиру и Денебу...

Потом Гарри Хиксон успокоился, и пироподскатился с лысины ему на плечо, в то время как отшельник поднял руку и сделал сложное веерообразное движение. Словно змея извивается, подумал Ганн. Или изгибается шея лебедя...

Лебедя? Что-то неясное зашевелилось в памяти Ганна. Что-то, касающееся лебедя... и звезды...

Но вспомнить ему ничего определенного не удалось, и он последовал за Гарри Хиксоном обратно в пещеру.

* * *

Маленький риф Гарри Хиксона был всего лишь островком в расширяющейся бесконечности материи и пространства. Неохойловская гипотеза говорила ясно: вселенная бесконечна во времени и пространстве, и материя в ней тоже бесконечна. Новое вещество постоянно формируется в виде новосотворенных атомов водорода, пока старые скопления вещества — звезды, планеты, пылевые облака и галактики — медленно разбегаются во все стороны.

Риф Хиксона был младенцем среди мира организованной материи — возраст его составлял всего несколько миллионов лет, размеры — сущая пылинка... Но в этом он был сходен со всей остальной вселенной, поскольку вещество в ней преимущественно было молодым. Причиной тому был спиральный рост темпа появления нового вещества. Некоторые галактики и даже некоторые рифы в пространстве между ними были так стары, что возраст их не поддавался исчислению — находящаяся в состоянии динамического равновесия вселенная не имела ни начала, ни конца. И жизнь была самым древним феноменом. Более древним, чем самые древние звезды — и одновременно оставалась молодой, в то время как звезды эти уже погасли и превратились в мертвые тела.

Жизнь в пространстве в буквальном смысле не имела конца.

Формы ее принимали самые разнообразные обличья, эволюция шла самыми невообразимыми путями.

Наблюдая, как Гарри Хиксон играет с ручным пироподом, Бойс Ганн подумал, что человек — самая странная из всех форм жизни, какие он знал. Потому что перед ним был коренастый облысевший отшельник, анти-Плановый и грозящий

смертельной опасностью по всем меркам Планирующей Машины — и он со всей серьезностью пытался научить летать своего пиропода.

Он снял маленькое чудовище с головы и осторожно усадил на высоком выступе. Потом отошел в сторону. Шипя и плюясь дымом, сверкая огненными глазами, испуская сквозь чешую дым от внутреннего пламени реактивного двигателя, пиропод тонко завыл, призывая хозяина вернуться за ним. Потом, отчаявшись, он взлетел в воздух, промахнулся мимо Хиксона на несколько ярдов и врезался в скальную стену в дальней части пещеры, где и остался лежать, вздрагивая и шипя, пока Хиксон не сжалился и не поднял его.

— Как бы он себе башку не расшиб, — пробормотал Ганн, когда существо в пятый раз врезалось в камень стенки.

— Да, надо бы поосторожней, — мягко согласился Хиксон. — Однако она у него совсем, должно быть, пустая. Неуклюжее создание этот пиропод, верно, Омер? — и он с искренней привязанностью погладил маленькое чудовище, потом вздохнул и опустил его на пол.

Он аккуратно накрыл его перевернутой корзиной, потом положил на корзину кусок светящегося фузоритного коралла. Пиропод взвизгивал и

шипел, но Хиксон не обращал на него внимания.

— Думал, что успею научить его, — сказал он с сожалением. — Бойс, за тобой должны прибыть через час. Любопытно тебе узнать, как выглядит пилот, — он извлек старомодное двухмерное цветное изображение из кармана своей изношенной до лохмотьев куртки. На снимке была совсем молодая симпатичная девушка, одну руку она положила на голову похожего на морского котика существа. Позади нее светилась серебром и пурпуром масса Рифа.

— Ее зовут Карла, — с любовью сказал старик, — Карла Снег. Она дочь моего старого друга. Он меня вылечил несколько лет назад. Он доктор, мой друг, и хороший доктор. Мало, правда, понимал, что со мной случилось...

Тут отшельник заметил, что он начал разговаривать сам с собой, и сразу замолчал.

— Думаю, что это все, — сказал он немного спустя со смущенной улыбкой. — Дай Лебедь тебе счастья, Бойс. Передавай привет Карле.

И едва Ганн понял, что он собирается делать, старик повернулся, отодвинул в сторону металлический лист, прикрывающий вход в пещеру, и вышел наружу.

Ганн покачал головой наполовину с сочув-

ственным любопытством, наполовину с удивлением.

— Эй! — позвал он. — Хиксон! Ты куда? Подожди! — И он поспешил к выходу из пещеры, выскочив прямо на газон, который с таким тщанием оберегал старый отшельник.

Старика нигде не было.

Следы его остались, они были ясно видны на покрытой мхом поверхности.

Но Гарри Хиксон как сквозь землю провалился.

Ганн обыскал всю поверхность рифа, потратив несколько часов. Никто не отозвался на его крики, и найти ему тоже никого не удалось.

Старый отшельник просто исчез.

4

Вернувшись в пещеру, оператор-майор Ганн отыскал там старинный лазерный пистолет старика — допотопную техно-корпусную модель. Должно быть, ее контрабандой провезли в Рифы еще до создания Завесы. Сознание, что он вооружен, придало Ганну немного уверенности, хотя врагов видно не было.

Но ему необходима была уверенность.

Человек не может быть одинок. Каждый имеет свое место в системе Плана Человека, под благотворным руководством Машины. Каждый служит Плану, и таким образом План служит всем...

Такова была доктрина, и Бойс Ганн вдруг обнаружил, что, как глупец, повторяет эти слова, взбираясь на вершину скалы, откуда Хиксон послал сигнал на Свободное Небо. Это ему мало чем помогало.

Человек не должен быть одинок... Но Бойс Ганн чувствовал себя и в самом деле ужасно одиноким, заброшенным на маленьком рифе, летящем в пространстве среди миллиардов сверкающих

звезд.

Особого смысла взбираться именно на вершину скалы не имелось. Он мог с таким же успехом ожидать и в любой другой точке рифа. Не было причины вообще надеяться на помощь. Потому что все, что говорил полусумасшедший отшельник Гарри Хиксон, казалось не слишком достойным доверия...

Но он продолжал часами ждать на вершине скалы. Прислонившись к камню, он взглядом прочесывал небо. Но находил там лишь блеск недружелюбных звезд. Он присел, облокотясь о камень, и погрузился в дремоту. Царило полное безмолвие и неподвижность. И вдруг...

Вдруг в низком черном небе сверкнуло что-то зеленоватое и туманное. Это что-то двигалось на самом пределе возможностей человеческих глаз.

Ганн прыжком вскочил на ноги, уставясь в бесконечную пустоту над головой. Зеленоватое мерцание было таким слабым, что он совсем не был уверен, видел ли он его на самом деле. И все же... что-то там наверняка было, и за этим непонятным объектом еще тянулся хвост красноватых искр...

Ганн поднял пистолет, проверил индикатор мощности, чтобы не выстрелить разрушитель-

ным зарядом в небо, потом три раза потянул за спуск, как это делал Хиксон, направив пистолет в сторону зеленоватого мерцания.

Секунду спустя... зеленоватое свечение приблизилось к нему.

Это была помощь — он был в этом уверен. Но что это за красные искры? Пока он смотрел, далекие мерцающие огоньки тоже изменили движение, следуя за зеленым свечением. Они быстро приближались...

Потом одна из красных искр вырвалась вперед, оставляя за собой голубой светящийся хвост. Она походила на зловещую комету, нырнувшую в зеленоватое облако.

В уши Ганна вдруг ударил рев — словно работали двигатели старинной ракеты.

Непонятные объекты вошли, наконец, в мелкую атмосферу рифа, с визгом раздирая сопротивляющийся воздух.

И кто-то еще кричал.

Красная искра с грохотом промчалась над ним, пронизав зеленое облако, и помчалось к Ганну, как старинный ракетный снаряд, ведомый сигналами радара. Потом в последний момент, в дюжине ярдов над его головой, оно вышло из пикирующего полета, и Ганну удалось мельком

рассмотреть его. Это было чудовище из ночного кошмара. Чудовищные когти, с которых на грунт сыпались дождем какие-то золотистые капли. Красная искра превратилась в две — в два красных, огромных мигающих глаза. Зеркальная голова наводила на мысли о взбесившемся драконе. А хвостом чудовища служило ревущее голубое пламя.

— Пиропод! — выдохнул Ганн, окаменев от страха.

Он никогда раньше не видел взрослую особь, до него доходили лишь неясные слухи, наподобие рассказов о привидениях, которые в доплановые времена родители рассказывали детям. Общество маленького ручного пиропода, который был у Гарри Хиксона, не подготовило его к встрече с реальным, громадным и грозным существом, которое с оглушительным визгом пронеслось над его головой. Пораженный, он стоял, не шевелясь.

Пиропод представляет собой живую ракету, и он смертельно опасен. Химические процессы в его теле коренным образом отличаются от тех, что происходят в кислородных организмах. Эволюция пиропода имела своим источником ту же неуглеродную жизнь, что и развитие фузоритов. С помощью своих плазменных двигателей, пи-

таемых энергией фузоритов-симбиотов, пироподможет обогнать крейсер Плана, а по свирепости в погоне за добычей ему нет равных среди хищников на Земле. Добычей же для пиропода служит все, что движется. Их двигателям требуется огромное количество реактивной массы. Их аппетит никогда не насыщается. Стервятники космоса, они нападают на все, что угодно.

К счастью для существующей на внутренних планетах жизни, атмосфера действует на пироподов как медленный яд, а притяжение замедляет рефлексы. Их дом — межзвездные пространства, где самые крупные монстры достигают размеров космической яхты, и даже на пороге зрелости они не уступают величиной пещерному медведю. Не в силах сдвинуться с места, Бойс Ганн смотрел, как пульсирующие красные глаза, окруженные телескопическими зеркалами, делали петлю и разворачивались, а в его воображении черные когти рвали металл или камень, словно хлеб...

И почти слишком поздно он сообразил, что сам является мишенью для гигантских когтей.

Рефлекторно он вскинул пистолет и выстрелил.

Заряд был установлен на минимум, только для того, чтобы посылать сигналы, но пироподм

почувствовал удар луча, завопил и метнулся в сторону. Ганн бросился под прикрытие скального выступа. В небе медленно растворялось продырявленное облако зеленоватого свечения. Струи тумана истощались и исчезали. А на том месте, где висело облако, стало видно, что скрывалось у него внутри.

Пространственник. Одно из тех теплокровных, похожих на морских котиков существ, скитающихся в пространстве меж звезд, являясь природной жертвой пироподов, но другом людей. Это он принес с собой облако, потому что в способности пространственников входило умение удерживать вокруг себя атмосферу — с помощью поля, основанного на эффекте Райленда — что и позволило этим существам, дышащим кислородом, жить в открытом космосе.

Пространственник был тяжело ранен. Даже издалека Ганн увидел, что вдоль всего гладкого золотистого тела животного протянулась ужасная рваная рана. На спине его кто-то прижался к золотистому меху. Наездник? Ганн не мог разобрать, но в одном он был уверен — конец пространственника и сидящего на его спине был совсем близок.

Пиропод, атаковавший его, развернулся и мчал-

ся теперь на раненое существо. В его вое утонул вопль пространственника. Чудовище показалось из темноты над гребнем пурпурной скалы, огненные глаза его пульсировали, страшные когти тянулись к жертве.

Ганн прореагировал быстрее, чем успел подумать. Он повернул регулятор кристалла своего старого лазера на максимальную интенсивность, оперся трубкой ствола о камень и выстрелил прямо в сверкающие глаза пиропода. Глаза взорвались.

Пиропод заревел в агонии. Он остался без глаз — или подобных глазам органов. Как было известно Ганну, эти структуры по функциям скорее напоминали лазерные прицелы. Но что бы они собой ни представляли, сейчас они превратились в мельчайшие осколки, подобные корпусу субпоезда, когда исчезает поле туннеля и его сплющивает расплавленный камень. Слепой пиропод помчался вверх, издавая жуткие вопли, пока звук этот резко не прекратился, словно отрезанный закрывшейся дверью.

Чудовище покинуло атмосферу рифа, выскочив в пространство. Ослепленное, раненое, оно уже не вернется, подумал Ганн. И к счастью, потому что на пистолете мигал оранжевый индикатор, пре-

дупреждая, что батареи полностью истощились.

Но там, за пределами атмосферы оставались другие пироподы. Ганн видел их красноватые точки глаз, сопровождаемые голубыми хвостами выхлопа их огненного чрева. Они все разом повернули и метнулись вслед за удаляющимся кометным хвостом раненого пиропода. Вздулось голубоватое облачко раскаленных газов...

Ганн смутно осознал, что сотоварищи уничтожили раненого собрата, разорвали его на куски и теперь крутились и сплетались в драке за свою долю добычи. Но у не было времени наблюдать за ними. Пространственник рухнул на грунт, и Ганн, спотыкаясь, поспешил к этому месту.

* * *

Животное упало на самом краю маленькой плантации Гарри Хиксона. Его голубая кровь заливала зеленый мох. Над страшной раной склонился наездник, пытаясь остановить кровь обеими руками.

Наездником была девушка. Хиксон не ошибся. Это была та самая девушка с фотографии, которую он показывал Ганну.

Пространственник стонал и вздрагивал. Когда Ганн подошел ближе, существо издало неясный

звук, похожий на всхлип. Девушка тоже всхлипывала.

— Могу я вам помочь? — спросил Ганн.

Девушка, Карла Снег, быстро повернулась. Она смотрела на Ганна, словно это был пироподи или какое-то не менее ужасное существо из легенд. В глазах ее был страх и, как это ни странно, подумал Ганн, почти облегчение, словно она ждала чего-то похуже. С таким выражением человек встречает один на один волка, в то время как ожидал встретить тигра.

— Вы кто? — спросила девушка. Голосом она вполне владела. Она была высокая и сильная, хоты и очень молодая.

— Я Бойс Ганн, — сказал он. — А вы Карла Снег. Гарри Хиксон предупредил, что вы прилетите.

Рука девушки метнулась к губам. Глаза расширились от ужаса. На мгновение Ганну показалось, что она сейчас бросится бежать. Потом она с жалостью тряхнула головой и повернулась к пространственнику.

Кровь больше не текла, животное больше не вздрагивало. Стоны его затихли.

— Султана умерла, — тихо сказала девушка, словно самой себе.

— Мне очень жаль, — сказал Бойс Ганн, пони-

мая, что это очень слабое утешение. Он бросил взгляд вверх — пироподы полностью исчезли — потом снова посмотрел на девушку. Лицо Карлы Снег, покрытое умеренным загаром, по цвету почти соответствовало медовым волосам. Они были почти такого же цвета, как ее пространственник. На белом комбинезоне виднелись пятна крови, с пальцев капала золотистая слизь. И все же она казалась очень красивой.

На секунду глубоко погребенные чувства вновь ожили внутри Ганна. Он вспомнил Джули Мартин и вкус соли на ее губах, когда он поцеловал ее на прощанье на морском берегу в маленьком мексиканском курортном городке Плайя Бланка. Эта девушка совсем не напоминала Джули. Она была светловолосой, а у Джули волосы были черны, как ночь. Она была высокого роста, а Джули — миниатюрна. У нее было крупное доброе лицо, и даже в минуту горя оно выдавало любовь к жизни, в то время как Джули Мартин была девушкой, склонной к печали. Но и в первой, и во второй было нечто, волновавшее Ганна.

— Эти звери могут вернуться, — поспешно сказал он. — Нам нужно уходить отсюда.

Слезы на щеках девушки высыхали, она немного успокоилась. Она посмотрела на бесполезный

пистолет в руках Ганна и чуть улыбнулась.

— От него пользы мало. Он пустой.

— Я знаю. Нужно вернуться в пещеру Хиксона. Он мог оставить запасные заряды.

— Оставить? Но вы, кажется, сказали, что он здесь! — лицо ее снова омрачилось, в ярких глазах виднелся страх.

— Он был здесь. Но теперь его уже нет. Исчез. Не знаю, куда и как.

Девушка механически кивнула, словно засыпая, не в силах воспринять слова Ганна. Она опустилась на колени рядом с мертвым пространственником и погладила его золотистый мех.

— Бедная Султана. Я этого себе никогда не прощу. Когда я получила ваш сигнал, я... я испугалась. Я не знала, что делать. Папа улетел по вызову. Он взял наш корабль... и я решила отправиться на Султане, сама.

Она плотно сжала на секунду побелевшие губы.

— Я не подумала об опасности. Здесь редко встречаются пироподы — их вывели несколько лет назад, хотя они постоянно снова плодятся. Но раньше я столько раз убегала от них на Султане. Я забыла о том, что она... стареет.

Она легко встала и тронула Ганна за руку, ста-

раясь придать ему уверенность.

— Но вы не волнуйтесь. Мы не потеряемся. Папа за нами прилетит, как только вернется домой. Я оставила сообщение.

Ганн кивнул.

— Он, наверное, подождет немного, — сказал он, раздумывая, — а потом, если вы не вернетесь, через день-два отправится искать вас.

Но Карла Снег покачала головой, тряхнув золотистыми волосами.

— Нет. Он не станет ждать. Ни одной минуты. Я сказала в записке, что получила старый аварийный сигнал Гарри Хиксона. Он отправится на полной скорости, какую только способен развить корабль, чтобы узнать, кто послал сигнал Гарри.

Ганн уставился на нее.

— Как кто? Гарри и послал. Гарри Хиксон. Я же вам сказал.

— Я помню, — сказала девушка спокойно, но в голосе ее чувствовался отголосок удивления и страха. — Но, понимаете, это не мог быть Гарри. Я... Нет, подождите, я вам покажу.

Она повела его прочь от возделанного поля обратно к красной скале, где лазерным пистолетом Ганн опирался о каменную пирамиду, стреляя в пиропода.

— Видите? — сказала она, касаясь пирамиды.

Он нагнулся, всматриваясь, и на самом нижнем камне, на полированной лицевой стороне валуна разобрал слабо видимые буквы, выжженные линия за линией лучом пистолета. Их невозможно было заметить, если человек не знал, куда смотреть. Надпись гласила:

ГАРРИ ХИКСОН
Умер от фузоритной инфекции
Да светит ему в пути Денеб

— Видите? — сказала девушка. — Гарри не мог послать сигнала. Он умер три года назад.

5

Все это произошло за много месяцев до появления Требования Освобождения. Старый Планирующий на Земле пребывал в радостном единении с Планирующей Машиной. В пространстве Системы сновали между планетами и лунами крейсера Плана, достигая самых дальних постов Космического Заслона, привозя оружие и приказы Машины в самые дальние форпосты территории, контролируемые Планом Человека. В орган-банке на острове Куба бывший служащий Технокорпуса, нигериец, отдал последние жизненные органы в пользу какого-то более полезного слуги Плана и умер. (Когда-то его звали М'Буна, он был пойман и осужден трибуналом за дезертирство). Девушка по имени Джули Мартин сидела в спальне общежития глубоко под перуанскими Андами. Она сжимала в руке стило, раздумывая, что написать — письмо человеку, «которого любила, но уже давно не получала от него известий», или просьбу о приеме ее на специальную службу Планирующей Машине.

И в далеких Рифах, в растянувшемся на сотню

орбит сообществе, называемом Свободное Небо, оператор-майор Бойс Ганн пришел к выводу, что величайшая в его жизни возможность сослужить службу Плану — и получить величайшее вознаграждение! — преподнесена ему на серебряном блюдце.

Потому что он находился на Свободном Небе, в самом сердце Рифов Космоса — и был полностью свободен. И он знал — или считал, что знает — способ вернуться к мирам Плана.

Само собой, далеко не все было ясно и понятно. Некоторые вопросы даже вызывали — почти — неприятную дрожь.

Чего надеялась достигнуть Карла Снег, делая вид, будто Гарри Хиксон давно умер? Что же тогда, по ее мнению, видел Ганн на рифе? Привидение? Значит, это привидение кормило его, лечило, сняло с его шеи кольцо?

И он начинал подозревать, что с самого начала он попал на риф Хиксона совсем не по чистой случайности.

Доказательств не было, конечно. Но он был уверен, что М'Буна, а возможно, и полковник Зафар имели отношение к Хиксону и к анти-Плановой деятельности, которая кипела в этом опасном, упадочном, неплановом месте — Рифах Космоса.

У него имелись косвенные данные. Неосторожное слово, взгляд, замечание, оборванное на полуслове — всего этого было достаточно, чтобы Ганн понял, что существуют какие-то связи между Рифами и мирами Плана. Эти связи захватывали даже Технический корпус, даже жизненно важные центры самого Космического Занавеса.

Если бы ему удалось вернуться... Нет! *Когда* он вернется вместе с уликами и доказательствами, которые немедленно отправят конспираторов в орган-банки, тогда самая великая награда из тех, что во власти Машины, не окажется для него чрезмерной. А Джули Мартин ждет его...

Ганн не решался делать записи или добыть фотографии и магнитные ленты, но он не упускал возможности побывать во всех частях невероятного сообщества Свободного Неба. Даже название было какое-то странное, приводящее в смущение. Свободное Небо.

Как будто «свобода» так важна!

Однако Бойс Ганн не мог не заметить, что обитавшие на Свободном Небе толпы упадочников, никем не управляемых и анти-Плановых, казались даже более крепкими, более счастливыми и даже более процветающими, чем миллиарды живущих под всемогущей и благотворной властью

Планирующей Машины.

Этот факт сбивал с толку.

Но задача была ясна. Ганн погрузился в изучение всего, что он мог изучить.

* * *

Свободное Небо представляло собой сообщество примерно двух тысяч человек, разбросанных по сотне фузоритных рифов на пространстве в сотни тысяч миль. Многие рифы были трансформированы в пригодные для обитания с помощью специального лишайника, выделяющего кислород — с ним Ганн познакомился еще на рифе Гарри Хиксона. Большинство не имело атмосферы, но все они снабжали развивающуюся экономику Свободного Неба необходимыми металлами и минералами.

Ганн не совсем представлял, что ожидал увидеть здесь — возможно, покрытых татуировкой дикарей, пляшущих под разнузданные звуки тамтама — но наверняка он совершенно не был готов встретиться с современной деловитой колонией. Здесь имелись фермы и стада — не только пространственников, но даже коров молочной гернзийской породы — шестьдесят голов, каким-то образом выкраденные и переправленные на

крохотный астероид, удаленный от Солнца на двадцать миллиардов миль. На одном безвоздушном рифе, состоявшем преимущественно из фузоритного железа, находился сталеплавильный завод — одно из компактных ядерных устройств, сконструированных инженерами Технокорпуса для использования в поясе астероидов, чтобы не доставлять металл с Земли. Ганн был просто поражен всем, что видел. Однажды он сказал об этом Карле Снег и ее отцу, у которых он жил в качестве гостя — или пленника, он так и не выяснил, что именно. Они как раз обедали — Ганн наслаждался отличной отбивной и вином, не уступающим по букету французскому.

— Дело не только в еде, молодой человек, — прогремел в ответ доктор Снег, — здесь сама жизнь прекрасна! Она имеет вкус, о котором никогда не узнают на мирах Плана.

Ганн улыбнулся как можно дружелюбнее.

— Возможно, вы правы. Я... видите ли, я прошу меня извинить, но ведь я никогда ничего не видел, кроме планет Плана.

Отец Карлы энергично кивнул.

— Естественно. Так же, как и все мы, пока не добрались сюда. Не считая, конечно, Карлы и еще нескольких родившихся уже здесь. Они были

свободны с самого рождения.

— Но я не совсем понимаю, — сказал Ганн с необходимой ноткой сомнения, — как работает ваша система. Кто указывает вам, что вы должны делать?

— Никто! На то и свобода! Мы бежали сюда, потому что не хотели жить в ошейниках Машины. Мы работаем вместе и, как ты видишь, работаем неплохо. Процветание и счастье! Вот что мы выстроили почти что из ничего, подобно фузоритам, которые построили для нас наши миры из газа и энергии. Я помню, когда мы с Гарри Хиксоном сюда прилетели... — Он вдруг замолчал и потер подбородок, хмуро глядя на Ганна.

— И что же? — спросил Ганн. — Вы и Хиксон?..

— Тогда все было по-другому, — коротко ответил доктор Снег. — Парень, ты до сих пор уверен, что мы поверили в эту историю о Хиксоне? Я сам помогал хоронить его.

— Видите ли, сэр, — осторожно сказал Ганн, понимая, что задевает небезопасную тему, — я ничего не знаю о Гарри Хиксоне, но все, что я рассказал, — чистая правда. Человек, пославший сигнал Карле, сказал, что его зовут Гарри Хиксон, и у меня не было никаких оснований не верить ему.

Снег мрачно кивнул и больше ничего не сказал. Но Ганн заметил, что доктор продолжал обедать без прежнего удовольствия.

Ганн решил отложить эту проблему в сторону. Его занимало нечто более серьезное и значительное. Он думал о том, как отблагодарит его Машина после возвращения, когда он сбежит на одном из пространственников Карлы — она как раз учила его обращаться с животными — и принесет сведения о мире Свободного Неба, отличный урожай из нескольких тысяч прекрасных кандидатов в орган-банки!

Он поднялся из-за стола и вместе с Карлой вышел наружу. Ручной пироподГарри Хиксона, который был спасен вместе с ними по настоянию Карлы, шипел и метался за дверью, насколько позволяла ему цепь.

Ганн взял ее руку в свою, они оба смотрели сквозь зеленые вьющиеся лозы на дальний маяк, означавший положение главного центра Свободного Неба.

— Ты обещала мне, что покатаешь на одном из своих пространственников, — сказал он, сжимая ее руку и улыбаясь. — Если мне суждено стать постоянным местным жителем, то чем раньше я получу полезный навык, тем лучше.

Она задумчиво посмотрела на него, потом улыбнулась. По контрасту с медово-золотистыми волосами ее глаза казались ярко-голубыми.

— Почему бы и нет? — сказала она. — Но не дальше границ атмосферы, Бойс. Не все сразу.

— Я думал, что пространственники несут с собой необходимый воздух.

Она кивнула, но твердо повторила:

— Не дальше атмосферы. Во-первых, могут напасть пироподы.

— Здесь, так близко к Свободному Небу? — спросил он недоверчиво.

Она заколебалась.

— Видишь ли... — начала она, но ответить ей так и не пришлось. Бледно-голубое зарево осветило небо над их головами.

Они оба повернулись. На посадку шел корабль, двигатели работали на полную мощность, тормозя его стремительное движение. Кто бы им ни управлял, он явно очень торопился. Всего несколько секунд спустя корабль уже стоял на мшистой лужайке перед клиникой доктора Снега, люк его открылся, наружу выпрыгнул человек. Он увидел Ганна и Карлу, крикнул: «Срочная помощь!» и повернулся к люку, откуда ему уже что-то передавали.

— Я позову отца! — крикнула Карла. — Бойс, помоги им!

Ганн уже спешил по мху лужайки, хотя тем двоим, что прибыли на ракете, особой помощи не требовалось. Сквозь люк они вытаскивал носилки, на которых лежал третий человек, завернутый в белые простыни. В слабом поле притяжения рифа они легко справлялись с ношей сами. И все же Ганн взялся за одну из ручек.

— Какой-то больной, — пропыхтел один из мужчин. — Я его не знаю, нашел без сознания у себя в загоне для пространственников. Я и подумал, вдруг это что-то опасное...

Ганн кивнул, помогая поднять носилки, на которых больной что-то бормотал в бреду...

И едва не выронил ручку, несмотря на слабое притяжение.

Челюсть его отвисла, глаза расширились. Хотя лицо человека было мокрым от испарины, глаза блуждали, хотя он и метался из стороны в сторону в безумии бреда, все равно лицо этого человека было очень знакомо Бойсу Ганну. Это был машин-полковник Мохаммед Зафар.

* * *

Наступил момент, когда Ганну понадобились все знания и навыки, полученные в шпионской школе на Плутоне. Рифная крыса, которая привезла сюда Зафара, назвала его «опасным». Для Ганна он был не просто опасен, он означал близкую возможность полного провала, потому что, если — как был почти уверен Ганн — М'Буна и Зафар принадлежали к одному анти-Плановому подполью, то Зафар наверняка знает, что Ганн — совсем не простой тех-кадет.

Он опасался, что Зафар в любой момент придет в себя и узнает его. Но верность Плану требовала использовать всякий шанс узнать как можно больше о Зафаре, а это можно было сделать, прислушиваясь к отрывистому бреду полковника.

Доктор Снег, сам того не зная, помог ему выйти из трудного положения.

— Ганн и Карла, — проворчал он, — держитесь подальше от него. Вдруг это какая-нибудь инфекция... Но будьте поблизости, если я вас позову помочь, — добавил он, склоняясь над пациентом.

Карла и Бойс остались стоять в дверях приемной срочных вызовов. Не замечая того, Бойс

сжимал руку Карлы.

— Он очень плох, Бойс, — прошептала она. — Я не знаю, что это такое. Ничего подобного не случалось с тех пор, как Гарри... — она замолчала, потом уже другим тоном обратилась к двоим, которые привезли Зафара: — Вы лучше не подходите близко, пока его не осмотрит отец. Вы можете заразиться.

Доктор Снег вытащил изо рта Зафара датчик термометра. Ганн напряг слух, пытаясь разобрать, что говорит бредящий, но до него доносились лишь обрывки, вроде: «...ловушка сознания... живая пыль... лживые мечты...»

Доктор Снег нахмурился.

— Высокая, — пробормотал он, потом посмотрел в сторону группы у дверей. — Карла! — позвал он. — Составь для меня инъекцию, Стандартный набор антибиотиков, дефибриллянты, аналгетики. Его вес — примерно девяносто килограммов. Максимальную дозу.

Карла кивнула и поспешила в комнату, где хранились медикаменты, доктор снова склонился над больным. Даже на расстоянии Ганн видел, что лицо бывшего машин-полковника искажено, словно в агонии. В диком бреду Зафара чувствовалось нечто большее, чем болезнь, в нем

ощущался ужас. Он вдруг сел прямо, уставясь в пустоту, и закричал:

— Кладбище Галактики! Дитя Звезд! Бойтесь ловушки! Бойтесь тайных желаний!

В этот момент вернулась Карла с пневматическим шприцем. Отец взял у нее шприц, вытолкнул дочь из комнаты и быстро сделал инъекцию.

Зафар тяжело опустился на кушетку, глаза его закрылись, он продолжал что-то неразборчиво бормотать.

Доктор секунду смотрел не него, потом подошел к столпившимся у двери.

— Он заснет сейчас, — сказал он. — Больше мы пока ничего не можем сделать. Нужно посмотреть, как он реагирует на лекарство.

Мужчина, который привез Зафара, спросил:

— Доктор, что это? А мы все не?..

Доктор Снег покачал головой.

— Я ничего не могу сказать, — ответил он. — Я не знаю, что с ним. Но не думаю, чтобы нам грозила опасность. С подобным случаем я сталкивался всего раз, три года назад. И я, и моя дочь, и еще несколько других людей — мы общались с больным, но не заболели.

Он помолчал, взглянул на Ганна. Потом резко

добавил:

— Это был Гарри Хиксон, мистер Ганн. Он умер.

Бойс Ганн открыл было рот, потом кивнул.

— Я понимаю.

— Понимаете? — в голосе Снега слышалась мрачная ирония. — А я не понимаю! Я совершенно ничего не понимаю. Позвольте кое-что показать вам. Потом, если вы поймете, то объясните мне!

Он сделал шаг в сторону, протянул руку и выключил свет в приемной.

— Смотрите! — воскликнул он. — Вы понимаете, что это такое?!

Четверо стоявших в дверях одновременно громко вздохнули.

— Отец! — закричала Карла, мужчины тихо выругались. Теперь, в полумраке, кожа Мохаммеда Зафара потеряла естественный цвет. Подобно крови пространственника, который погиб на глазах Ганна, она светилась золотистым светом! Лицо больного сияло, как солнце, на которое смотрят через темное стекло. Высунувшаяся из-под простыней рука мерцала желтоватым неверным светом, словно скопление миллионов фузоритов.

— Отец, это... совсем как у Гарри! — сдавленно воскликнула Карла.

Доктор мрачно кивнул.

— И конец будет тот же самый. Если не произойдет чуда, этот человек через час будет мертв.

Он вздохнул и протянул руку, чтобы выключить свет. Внезапно что-то зашипело и со свистом пронеслось в дверь над их головами.

— Что за черт! — воскликнул доктор Снег и включил свет.

На голове умирающего сидело какое-то существо. Оно ерзало из стороны в сторону и сверкало в направлении стоявших красными огненными глазами, похожими на раскаленные кнопки ботинок.

— Отец! Это Гарри... то есть это пироподь! Тот, которого привезли мы с Бойсом! — крикнула Карла.

— Смотрите, — с усилием сказал Ганн. — Он порвал цепь. — Потом он неуверенно засмеялся. — Гарри был бы доволен. — Сказал он нетвердым голосом. — По крайней мере, это создание научилось летать.

* * *

Машин-полковник Зафар прожил более одного часа, который оставил ему доктор Снег, но было ясно, что дополнительный срок не будет слишком долгим. Он умирал. Были минуты, когда, казалось, он уже почти не дышал, потом вдруг жизнь вспыхивала в нем достаточно сильно, чтобы полковник мог пробормотать одну из не имеющих смысла фраз вроде: «Дитя Звезд! Но Лебедь не поможет ему...»

Снег работал с лабораторным оборудованием в углу комнаты, отрываясь от занятия каждые несколько минут, чтобы проверить дыхание больного и покачать головой. Он подозвал к себе Карлу и Ганна и молча показал на микроскоп.

— Я хочу вам кое-что показать, — сказал он с мрачным и задумчивым выражением. — Смотрите, — и он отошел в сторону.

Карла заглянула в хромированные окуляры микроскопа, потом подняла голову, вопросительно глядя на отца.

— Понимаешь? Теперь вы, мистер Ганн, взгляните.

Бойс Ганн медленно встал на место Карлы.

— Ведь я не ученый, доктор, — запротестовал

он. — Я не знаю, чего искать.

Но в этот момент он заглянул в окуляры и замолчал. В научной подготовке не было нужды. Хотя то, что происходило перед его глазами в трехмерном пространстве видения микроскопа, выходило за рамки всего, что он когда-либо видел.

Соломенного цвета эритроциты и бледные эозинофилы плавали среди колоний полезных микроорганизмов, живущих в теле каждого человека. Очертания этих бактерий, похожих на палочки, на звездочки или вообще бесформенных, были смутно знакомы Ганну.

Но не все.

Потому что доминировали над пространством изображения неизвестные шарикообразные организмы, темные и на первый взгляд ничем не примечательные. Но прямо на глазах они испускали яркий золотистый свет. Подобно планктону в теплых морях Земли, они вспыхивали, потом угасали, потом снова вспыхивали и так далее. Как будто крохотные лампочки подавали сигналы бедствия из недр организма. Их было много, сотни, может быть, тысячи, и все пространство зрения микроскопа сияло золотым светом.

— Великий План! — прошептал Бойс Ганн. — И

от этого он умирает?

— То же самое я видел в крови Гарри Хиксона, — медленно сказал доктор Снег. — Перед самой его смертью.

Он занял свое рабочее место у стереоокуляров микроскопа, с секунду рассматривал крохотные золотистые шарики.

— Фузориты, — сказал он. — Я потратил месяц на хроматографию и масс-спектрометрию, но установил точно, что это они присутствовали в крови Гарри. Колонии фузоритов, которые начали бешено размножаться. Они его убивают.

Невидящим взглядом он снова взглянул в микроскоп, потом поспешил к больному. Машин-полковник Зафар с трудом вдыхал воздух, глаза его расширились, уставясь в одну точку на потолке, пальцы блуждали, кожа заливалась золотым светом фузоритов.

— Карла! — приказал доктор. — Загерметизируй комнату! Мы повысим давление, пустим чистый кислород. Но это его не спасет, — добавил он устало, — только продлит мучения — на несколько минут, всего лишь.

Девушка поспешно закрывала дверь, снабженную герметичными прокладками, отец тем временем поворачивал клапаны на мед-консоли.

Ганн услышал, как зашипел газ, почувствовал давление на барабанные перепонки. Он сглотнул и услышал далекий, странно далекий голос Карлы:

— Папа! Он пытается встать!

Машин-полковник Зафар сидел на кушетке. Глаза его стали более осмысленными, дыхание выровнялось в гипербарической атмосфере комнаты. Но золотистое сияние стало даже более ярким, по лбу его стекали капли пота.

Глаза его сверлили Бойса Ганна.

— Ты! — крикнул Зафар. — Лебедь унесет тебя! Возвращайся к Машине, предатель! — и он сделал руками непонятный петлеобразный жест, какой делал и Гарри Хиксон.

И в этот момент Ганн вспомнил, какая звезда горела в созвездии Лебедя.

— Альфа Лебедя! — воскликнул он. — Денеб! В созвездии Лебедя!

Зафар облокотился на локоть, свирепо глядя на Ганна.

— Не пачкай святое слово своим грязным ртом, — прошипел он. — Дитя Звезд покарает тебя. Там, в сердце цитадели Планирующего, в чреве самой Машины, которая играет со своими игрушками-людьми, там Дитя Звезд отыщет и

уничтожит врагов!

Глаза его закрылись, он задохнулся. Ганн взглянул на Карлу и ее отца, но на их лицах было такое же ошеломленное выражение, как и на его собственном.

— Дитя Звезд?.. — прошептала девушка. — Отец, о чем...

— Нет, Карла, я ничего не знаю, — пророкотал доктор. — Только слухи. Существует миф о Звездном Дитя, которое перенесет всех последователей церкви Звезды на планеты Денеба — когда настанет срок.

— Это не слухи! — крикнул золотой человек, потом замолчал, закашлявшись. — Дитя Звезд существует! Я видел его в центре Вихря! Он коснулся меня сияющей рукой!

Но доктор Снег уже стоял рядом с ним, стараясь успокоить и уложить обратно на кушетку.

— Нет! — дико завопил Зафар. — Не мешайте слову Звездного Дитя! Смотрите!

Он судорожно сунул руку в сумку на поясе балахона, в который он был облачен, и вытащил оттуда кусок плотного, кремового цвета пергамента.

— Это Требование Освобождения! — крикнул он. — Дитя Звезд поручил его мне, чтобы я послал

на Землю. И я посылаю его!

Пироподъ, принадлежавший Гарри Хиксону, метался по комнате. Его глаза еще ярче пылали в богатой кислородом атмосфере. Он шипел и топорщил чешую. И глаза Зафара тоже стали почти оранжевыми, пылая энергией крохотных танцующих золотых атомов. Они казались слепыми — или, быть может, их взгляд был устремлен на что-то более далекое, чем стены клиники доктора.

Бойс Ганн почувствовал толчок, словно пол в комнате задрожал. На самом деле он оставался неподвижным.

Он зашатался и выбросил руку, чтобы сохранить равновесие, хотя комната оставалась в неподвижности.

— На Землю! — воскликнул умирающий и отбросил кусок пергамента. — Лебедь, неси его! Дитя Звезд, направляй его! На Землю... — Он замолчал.

Доктор снова попытался успокоить его, но больной оттолкнул его в сторону.

— На Землю! — крикнул он. — И ты, шпион, раб Машины! Лебедь унесет тебя!

Ганн открыл рот, чтобы сказать что-то — что угодно — но слова замерли на его губах. Комната

снова накренилась, теперь гораздо резче. Голова пошла кругом. Остальные, казалось, ничего не замечали. Еще один толчок. Ганн споткнулся и едва не упал, выровнялся и рефлекторно протянул руку за брошенным пергаментом.

Пергамент ускользнул... и пропал. Только что он был здесь. В следующий момент его уже не было. На его месте Ганн увидел странное движение воздуха, который стал вдруг как мутное стекло. Воздух крутился.

Вихрь становился все больше и больше. Он вырос и приблизился к Ганну, и комната снова содрогнулась. Ганн в отчаянии попытался отпрыгнуть в сторону, чтобы спастись, но вдруг полетел, полетел в вихрь, в водоворот. Он падал... падал... падал...

Казалось, он падал тысячу лет. Комната покрылась мраком и исчезла. Обеспокоенные глаза доктора, пылающее ненавистью лицо умирающего — все исчезло; вокруг он различал смутные точки, огни звезд, очертания планет, галактик, пылевых облаков, они светились, вращались...

Он падал долго, сквозь миллиарды миллиардов миль безвоздушной пустоты.

Как и было на самом деле.

Потому что, когда падение закончилось и Ганн,

дрожа, как в лихорадке, поднялся на ноги, он тут же рухнул ничком, разбив лицо, расквасив нос о серый, мягко освещенный металлический пол.

Он находился в земном поле тяготения!

Он больше не был среди Рифов. Это была планета. И во все стороны расходились пустые коридоры с металлическими стенами, где мигали огни и вращались магнитные ленты. Оператор-майор Бойс Ганн наконец добрался домой. Он находился в подземных лабиринтах, где помещались могущественные электронные внутренности Планирующей Машины.

6

Вот как все это началось для Бойса Ганна — падением глубиной в двадцать миллиардов миль, после чего он приземлился в самом недоступном месте — в сердце Машины.

Между металлическими стенами узкого коридора дул теплый ветер. Доносился равномерный далекий гул, его перекрывал свист и жужжание вращающихся магнитных дисков, шум работы далеких могучих механизмов. Ганн с трудом поднялся, борясь с собственным полным весом — почти сто килограммов. Все прошедшие месяцы ему приходилось иметь дело только с его частицей или вообще обходиться без веса. Сквозь туман в глазах он огляделся.

Он стоял в длинном коридоре. В конце его, в нескольких сотнях ярдов, виднелся более яркий свет. Похоже, это была комната.

Он поплелся в ту сторону, прижимая обратную сторону запястья к разбитому носу, из которого сочилась струйка крови. Он кашлял, чувствуя соленый привкус крови во рту и в горле.

Серый свет, казалось, исходил из большого

и круглого помещения. Потолок представлял собой бетонный купол. На обширном пространстве пола островками размещались консоли и контрольные панели. За ними никого не было. Почти полную окружность стены пронизывали двадцать четыре туннеля. Из одного такого туннеля и вышел Ганн.

Он на секунду прислонился к косяку двери, ожидая, когда пройдет головокружение. Потом, собрав последние силы, он закричал:

— Кто-нибудь! Помогите! Есть тут кто-нибудь?!

Ответом ему было лишь гулкое эхо, отразившееся от купола, и далекое жужжание вращающихся лент.

На контрольных постах никого не было, коридоры были пусты. Но Ганн начал чувствовать, что в этом пустынном месте существует своя особая жизнь. Когда отголоски эха затихли, он начал различать более слабые шумы — приглушенный механический гул, гудение и жужжание. Все коридоры были так же пусты, как и тот, из которого он вышел. Он заглянул в каждый по очереди, ничего не обнаружил, кроме бесконечных рядов вычислительного оборудования и путаницы толстых кабелей под потолком.

Почти на цыпочках, оробев перед тяжестью

огромного пустого пространства вокруг, Ганн пробрался к круглому островку пультов в середине зала. Каждый пульт, усыпанный светящимися циферблатами и кнопками, смотрел лицом на один из туннелей, радиально уходящих из зала. Ганн стоял, как зачарованный, следя за стремительным бегом огоньков на индикаторах пультов.

Он никогда не бывал в этом месте наяву, но оно было более чем знакомо ему, описания его сотни раз повторялись в учебниках, он видел десятки видеофильмов на лекциях в Академии Технокорпуса. Он находился в самом центре Планирующей Машины — самом защищенном месте на всех девяти планетах системы. В мозговом центре Плана Человека.

И Планирующая Машина даже не знала, что он здесь!

Именно этот факт потряс Ганна, приведя его почти в ужас. Но боялся он не только за свою жизнь — хотя понимал, что попал в опасный переплет, так как людей отправляли в орган-банки за куда меньшие проступки. Нет, он боялся за существование Плана. Как возможно было такое?

При всех своих объемах памяти, хранивших факты о каждом поступке каждого индивида в

системе Плана, при всех запасах сведений, относившихся к любой области знания, любому научному открытию, любому закону — при всем этом Планирующая Машина не могла, казалось, заметить, что в самом ее сердце совершенно свободно расхаживает проникший туда без позволения человек.

Ганн вдруг заметил, что всхлипывает. Голова его закружилась, он в отчаянии оперся о край ближайшего пульта и попытался разобраться в незнакомых циферблатах и бегущих огоньках. Вот он, куб связи! На мгновение в нем вспыхнула надежда. Но ведь связь-кубы Машины были рассчитаны только на посвященных, на тех, кто носил имплантированную в череп пластинку металла, дававшую Машине доступ к их мозговым центрам. Неужели он осмелится воспользоваться связь-кубом?

Но что оставалось делать? У Ганна мелькнула безумная мысль нажать первую попавшуюся кнопку, повернуть любой тумблер наугад, сдвинуть какой-нибудь циферблат. Самая незначительная перемена встревожит Машину. Через несколько секунд сюда прибудут обслуживающие роботы и техники-люди.

Потом на глаза ему попалась одна-единствен-

ная ярко светящаяся кнопка. Под кнопкой виднелось одно-единственное слово. Пластинка находилась на верхушке ближайшей к Ганну консоли. Единственное слово гласило: «СТОП».

Ганн смотрел на кнопку несколько бесконечных секунд, затаив дыхание. Если назначение кнопки соответствовало ясной, недвусмысленной надписи на пластинке, то в его власти было... было..

Остановить Машину.

Оператор-майор Бойс Ганн, выпускник Академии Технокорпуса, ветеран шпионской школы на Плутоне, обученный борьбе со страшнейшими опасностями Солнечной Системы оказался вдруг на грани истерики. Остановить Машину!!! Этой мысли он не мог вынести.

Он бросился на связь-куб, нащупал выключатель, закричал, зарыдал, забормотал что-то в прибор. Он не знал языка механо, который разработала для связных машина, а если бы и знал, то в этот момент позабыл бы. Он был в буквальном смысле приведен в ужас, как никогда за всю свою жизнь.

Когда отделение План-Гвардии ворвалось в зал, потоком серых форм вырвавшись из кабин лифтов, промчавшись по коридорам с оружием

наготове, они нашли Ганна растянувшимся на полу в обмороке.

В этот момент Бойс Ганн вполне мог бы умереть, получив два десятка пуль, но тех-лейтенант, командовавший отделением, отдал отрывистую команду. Он с удивлением присмотрелся к распростертому телу Ганна, подумал секунду, потом тряхнул головой.

— Не стрелять, — проворчал он. — Он должен говорить. Доставьте его в отделение Безопасности, и побыстрее.

* * *

Четыре дня Ганна допрашивали круглые сутки самые мускулистые специалисты из арсенала Технокорпусовских умельцев, и они не слишком церемонились.

Он отвечал на все вопросы, рассказывая чистую правду, за что расплачивался ударами дубинки по почкам и пинками в ребра. Десятки раз он терял от ударов сознание и всякий раз оживал снова, чувствуя, как санитар с каменным лицом выдергивает из него шприц. Ганн был снова готов к продолжению допроса.

Наконец, они позволили ему заснуть. Не потому, что ответы их удовлетворили, а потому, что

врачи опасались, как бы Ганн не умер.

Когда он проснулся, каждая клетка тела невыносимо болела. Он был привязан к операционному столу. Орган-банк, подумал он в первом приступе паники. Но это был не орган-банк, это была тюрьма. Очевидно, над Ганном только что потрудились врачи. Хотя тело болело, но он мог двигаться. Пальцы сгибались и разгибались, слушаясь сигналов мозга. Глаза открывались, и он мог поворачивать их в любую сторону.

Только с шеей не все было в порядке — он чувствовал на ней что-то холодное, твердое, тесное.

Воротник безопасности, с такой легкостью снятый Гарри Хиксоном, был возвращен на место.

Вокруг Ганна сновали санитары, отстегивая ремни, помогая ему подняться на ноги.

— Эй, оп, — проворчал какой-то сержант в радарном шлеме. Его подбородок казался синеватым от щетины. — Поднимайся! Ты будешь говорить с генералом.

Подгоняя Ганна, он повел его по серым коридорам к лифту. Лифт был скоростной. От легкой перегрузки голова у Ганна пошла кругом. Потом лифт резко остановился. Ганн едва не упал, но один из охранников рывком поставил его на ноги.

— Вперед, оп! Пошевеливайся!

Спотыкаясь, он вышел из лифта. Новые коридоры, потом пустая серая комната, где он, вытянувшись по стойке «смирно», долго стоял и ждал.

Потом без сигнала — видимо, он был передан через радарный шлем — охранник рявкнул: «Вперед!» и втолкнул его через дверь.

Ганн оказался в комнате побольше и поярче. Мебель была превосходная, на пьедестале сиял золотом бюст улыбающегося Планирующего, на столе доминировал золотой связь-куб Машины. На столе же имелась именная табличка: «МАШИН-ГЕНЕРАЛ АВЕЛЬ ВИЛЕР».

За столом сидел генерал, собственной персоной.

Довольно долго он рассматривал Бойса Ганна. Машин-генерал Вилер сам казался наполовину машиной. Это был крупный, плечистый, с порывистыми движениями мужчина. Тело его казалось металлическим: загорелая кожа цвета бронзы, глаза цвета стали, волосы — как медная проволока. Он в упор рассматривал Ганна, потом, в полном молчании, перевел глаза на что-то, лежавшее перед ним на столе.

Бойс Ганн почувствовал, как душит его ледяной

металлический воротник. Ныли бесчисленные синяки, он был весь покрыт потом, но строго сохранял положение по стойке «смирно». В Академии Технокорпуса он изучил искусство сохранять такое положение сколь угодно долго. Неуловимое перемещение веса и перераспределение напряжения мышц уберегали от гибельного крена вперед. Он старался думать только о том, что должен стоять, как положено. Только это имело значение.

Хмурые глаза генерала были обращены к встроенным в стол экранам связи, которых Ганн не видел. Секунду спустя он нажал бесшумные клавиши, связываясь, как догадался Ганн, с Машиной. Почему же он не воспользовался связью-кубом? Ганну не пришло в голову, что генерал, быть может, опасался делать это в присутствии Ганна. Человек, который необъяснимым образом оказался в самом сердце Машины, мог равно необъяснимым способом изучить механо.

Генерал ждал, что-то читая на экране. Лоб его покрыли морщины. Вдруг он рывком поднял голову и снова взглянул на Ганна.

Экраны погасли. Плоское бронзовое лицо генерала было абсолютно лишено выражения. Оно походило на маску из мускулов, словно какой-

то неумелый хирург в центре пересадки забыл подключить к мышцам нервы, которые должны были придать им жизнь.

— Оператор-майор Бойс Ганн! — резко скомандовал Вилер. Ганн подпрыгнул — он ничего не мог поделать, голос напоминал металлический скрежет.

— Вольно!

Ганн позволил плечам слегка опуститься, глубоко вздохнул, переступил с ноги на ногу. Но настоящего облегчения он не почувствовал. Глаза генерала следили за ним, стальные, холодные и безжалостные, словно они были зондами хирурга, проникающего в мозг Ганна.

— Машина требует от вас сведений, — резко объявил он.

— Я знаю, сэр, — с трудом выговорил Ганн. — Меня уже допрашивали. Раз сто, по-моему.

— Если надо, допросят тысячу! Вас будут допрашивать снова и снова. Машине нужна правда, и срочно. — Голова генерала выдвинулась вперед, словно поршень. — Дитя Звезд! Кто он такой?

Ганн почувствовал в горле сухую спазму. Он сглотнул и упрямо сказал:

— Я не знаю, сэр. Я рассказал все, что мне известно.

— Требование Освобождения! Кто написал это?

Ганн покачал головой.

— Как вы проникли в штаб-квартиру Планирующего?

Ганн продолжал качать головой, безнадежно, но упрямо.

— Как этот документ попал на Землю? Кто такая Карла Снег? Зачем вы убили полковника Зафара и сочинили эту смехотворную ложь?

— Нет, сэр! — крикнул Ганн. — Я не убивал! Полковник Зафар был врагом Плана!

Широкий рот генерала затвердел. Бесцветные губы сомкнулись, как пасть капкана. Голос его принял глухой, зловещий оттенок.

— Обстоятельства заставляют предположить, что вы не говорите правды, — сказал он. — Вы можете доказать свою правоту или нет?

— Нет, сэр. Но...

— Оператор-майор Бойс Ганн! Дитя Звезд — *это вы?*

— Нет, сэр! — с искренним негодованием ответил Ганн. — Я...

— Оператор-майор Бойс Ганн! Известно ли вам, что произошло с «Сообщностью»?

— С чем? — воскликнул потерявший надежду Ганн. — Генерал, я даже никогда не слышал о...

что это такое? Сообщность? Я не понимаю, о чем вы говорите.

С размеренностью пульсирующего лазерного локатора генерал отчеканил:

— «Сообщность» отправился в космос сорок лет назад. Больше о ней ничего не слышали. Майор Ганн, что вам об этом известно?

— Ничего, сэр! Ведь я тогда еще даже не родился!

На мгновение в маске образовалась щель, и лицо генерала приобрело почти человеческое выражение. Озабоченное. Даже немного растерянное. Секунду спустя он сказал:

— Да. Это так. Но...

Потом лицо вновь отвердело, генерал качнулся вперед всем корпусом. Его стальные глаза сузились.

— Благонадежный ли вы член Плана Человека? — тихо спросил он.

— Да, сэр!

Генерал кивнул.

— Надеюсь, — сказал он бесцветным голосом. — Так будет лучше для Плана и для вас самого. Потому что я вам сейчас, сейчас скажу нечто, что вы никогда не сможете повторить. Стоит вам прошептать лишь слово, оператор-майор

Бойс Ганн, и смерть ваша не задержится ни на секунду. Ни на секунду.

Дело в том, что Планирующая Машина не является единственной в своем роде. Существует еще одна.

Глаза Ганна расширились.

— Еще одна... — он замолчал. Ведь это все равно, как если бы сказали, что существуют еще два Христа. — Еще одна Планирующая Машина, сэр? Где она?

Генерал покачал головой.

— Неизвестно, — мрачно сказал он. — Еще одна Машина — такая же могучая, как та, что управляет Планом Человека. И мы не знаем, где она находится.

И что делает.

* * *

Когда-то жил человек по имени Райленд, рассказал Ганну генерал. Великий математик. Выдающийся ученый. Муж дочери тогдашнего Планирующего, человек, близкий к влиятельной группе, окружавшей саму Машину. И несколько десятилетий тому назад он отправился в космос, подобно самому Ганну, и побывал в сердце Рифов, и вернулся назад с рассказом о бесчисленных

тысячах людей, живущих неплановой жизнью на фузоритных астероидах, вне сферы влияния Плана.

— Все, что он рассказывал, — сурово проскрежетал генерал Вилер, — было ложью! Но Машина мудро решила проверить его рассказ! Планирующая Машина не делает скоропалительных выводов! Она взвешивает все обстоятельства, изучает все факты... составляет план!

— Да, сэр! — сказал Бойс Ганн. — Я слышал об этом Райленде, кажется. Он до сих пор считается одним из выдающихся ученых.

Генерал кивнул.

— Сегодня, — загадочно пояснил он, — Райленд исправил ошибку. Отказался от своих заблуждений, как благонадежный слуга Плана. Так же, как и бывший Планирующий Криири... он тоже понял, что заблуждался. Но тогда... — генерал вздохнул, словно вакуумный насос.

Тогда, как он рассказал Ганну, оба они пали жертвой обмана, своими действиями заставили Машину совершить... нет, не ошибку, конечно, это невозможно, заставили ее провести эксперимент, который провалился.

Эксперимент предполагал вынос Плана Человека в Рифы.

Машина дала указание построить грандиозный космический корабль, названный «Сообщность». Самый большой из когда-либо выходивших в пространство звездолетов, являющийся по сути подвижной космической крепостью, он был собран на верфях Деймоса. Двигателями его служили шесть отделяемых нереактивных тяговых установок, которые сами по себе являлись самостоятельными мощными крейсерами. И более половины гигантского корпуса корабля занимал Двойник Планирующей Машины — единое целое компьютеров и банков памяти, такой же сложный и могучий, как сама Машина. Ему не хватало лишь коммуникационной сети и прочих дополнительных устройств, созданных Машиной при участии рода человеческого.

«Сообщность» был построен, запущен, испытан, подготовлен к полету. Был отобран экипаж, который прибыл на борт. Было погружено все необходимое для десятилетнего полета. Машина-серв приняла на себя управление... «Сообщность» миновал орбиту Плутона и исчез.

Несколько дней спустя по лазерной релейной сети пришло сообщение. Все шло нормально. «Сообщность» вышла к основному скоплению Рифов.

Больше сообщений с корабля не поступало.

Машин-генерал Вилер замолчал, не спуская с Ганна серо-стальных глаз.

— Больше сообщений не было, — повторил он. — Больше мы ничего не знаем о судьбе корабля. Поисковые корабли, пытавшиеся найти следы «Сообщности», возвращались ни с чем. Или вообще не возвращались. Или возвращались с полпути, атакованные и поврежденные пироподами или чем-то еще хуже.

Такова история «Сообщности», майор Ганн. Кроме последнего факта: скопление Рифов, о котором говорилось в последнем сообщении «Сообщности», находилось точно в том же месте, что и названное вами Свободное Небо. И вы побывали там, майор. Что вы узнали?

В изумлении Ганн покачал головой.

— Ничего, сэр. Поверьте мне. И никаких следов, даже слухов.

Генерал долго смотрел на него. Потом кивнул.

— Ганн, — сказал он мрачно, — я скажу вкратце вот что. — Он вдруг резко перекинул три выключателя на пульте стола, посмотрел на экран монитора, кивнул. — Теперь мы отрезаны, — объявил он. — Сейчас нас не видит даже Планирующая Машина. То, что я вам скажу, пред-

назначается *лишь* для ваших ушей.

Понимаете, Ганн, дело не только в процветании Плана. У меня есть особый интерес, заставляющий искать ответа на загадку. Я должен узнать ответ.

Потому что, майор Ганн, я намерен стать следующим Планирующим.

* * *

Бойс Ганн плыл в опасных водах и понимал это. До него доходили слухи о борьбе за власть среди предводителей-людей, искавших более выгодного положения рядом с Машиной. По всей Академии Технокорпуса ходили лукавые шутки на этот счет а после отбоя иногда разгорались споры. Некоторые расценивали политическую борьбу как род предательства (хотя храбрости у них хватало лишь прошептать свое мнение украдкой). Другие расценивали эти разговоры как шутки, третьи воспринимали как естественный закон человеческих взаимоотношений, которому предлагали следовать ради собственного блага. Ганн помнил брата той девушки, с которой они расстались в Плайя Бланка, ярого идеалиста, помнил одного из преподавателей, циника с чувством юмора. От его шуток, казавшихся напо-

ловину серьезными, вся аудитория приходила в волнение, смешанное с чем-то, напоминающим боязнь. В один прекрасный день преподаватель исчез. Юный кадет, брат Джули Мартин, стал примерным студентом Академии. Он даже поступил в шпионскую школу на Плутоне как раз в тот момент, когда Ганн ее покидал.

Но каким бы ни было отношение к вопросу, проблема политического маневрирования казалась отдаленной. Все это имело место где-то очень далеко и высоко... и не затрагивало жизнь Бойса Ганна.

До сих пор.

Машин-генерал подался вперед и проскрежетал:

— Я должен знать правду. Вам известно, кто послал Требование Освобождения?

Ганн покачал головой.

— Нет, сэр. Я никогда не видел документа. Я не знаю, что в нем говорится.

— Он полон глупых угроз, майор Ганн! Безумное обещание погасить Солнце! Требование к Планирующему и Машине дать свободу всем желающим — каково! И все же что-то на большом расстоянии, — возникает чувство, что за этими угрозами что-то кроется. Потому что Солнце дей-

ствительно погашено.

Он замолчал. Бойс Ганн не мог поверить ушам.

— Погашено? Солнце? Сэр, я не понимаю...

— Я тоже не понимаю, — проскрипел генерал, — но это не имеет значения. Значение имеет безопасность Машины. Это в особенности касается меня, поскольку мне доверена ее охрана. Требование Освобождения угрожает нам. Я должен защищать Машину. Если мне это удастся, я получу... соответствующую награду. Тех, кто поможет мне... — он обвел взглядом непроницаемую для подслушивания комнату, наклонился вперед еще больше, едва слышно произнося слова: — Их я тоже сумею наградить, майор Ганн.

Его стальные глаза беспокойно заметались по комнате, потом остановились на Ганне.

— Майор, — сказал он, — вы мне нужны. Как друг.

Ганн все еще не мог справиться со словами генерала о погашенном Солнце. Значит, солнце больше не сияет в небе? В это невозможно было поверить. Он постарался оставить пока в стороне жгущие мозг вопросы и сказал с неловкостью:

— Надеюсь стать вашим другом, генерал. И все же мне ничего не известно о Звездном Дитя.

Голова генерала кивнула, как стрелка метро-

нома.

— Вас снова будут допрашивать, — проскрипел он. — На этот раз вами непосредственно займется Машина, через одного из своих связных — человека, приобщившегося к Машине непосредственно. Возможно, это поможет вам кое-что припомнить. Быть может, даже вопросы, заданные служителем, наведут вас на некоторые мысли... может, вы даже сумеете догадаться о сведениях в банках памяти Машины, о которых даже я не имею понятия. В таком случае, — сказал генерал, и лицо его превратилось в бронзовую маску, — мне будет интересно услышать о них. Выбирайте сами. Или мой друг — или мой враг. И даже сейчас, — добавил он, его бронзовая челюсть отвердела, — я имею достаточную власть, чтобы наказать моего врага.

Он снова повернул выключатели, бросил взгляд на экраны связи, кивнул, выстучал ответ и снова посмотрел на Ганна.

— Сейчас вы отправитесь к Сестре Дельта Четыре. — Приказал он. — Там начнется ваш непосредственный допрос самой Машиной. Посмотрите сюда, майор!

Генерал вдруг вскинул правый кулак. Словно на дистанционном манипуляторе пальцы сжа-

лись в бронзовый молот.

— Эта рука, — мрачно протянул генерал, — когда-то принадлежала другому человеку, врагу Плана, бросившему бомбу в Планирующего. Он промахнулся, Планирующий уцелел, но взрыв раздробил мою руку. Хирурги не могли починить ее, поэтому пришлось сделать замену. Использовав руку неудавшегося убийцы. — Бронзовый кулак опустился на панель. — Помните об этом, Ганн! Если вы не сможете служить Машине тем путем, который от вас требуют, вы послужите другим способом — не иначе, как в орган-банке.

7

За дверью его ждал охранник в радарном шлеме.

— Пошли, опасник! — проворчал сержант, и Бойс Ганн еще раз поплелся по бесконечным серым коридорам, потом его втолкнули в лифт, потом вытолкнули, потом он оказался в голой серой комнате, где его оставили ждать.

Но лишь на секунду. Потом охрана вернулась, лицо у сержанта было сердитое и растерянное, он снова проворчал:

— Пошли, оп.

Похоже, иных слов он не знал и не подозревал об иных формах обращения. Ганна снова потащили по коридорам.

В дверном проеме стояла девушка. Она перебирала четки-сонары, склонив голову. На ней был белый халат с капюшоном, которые носили служители Машины — связные, изучившие механо, которым предпочитала пользоваться Машина, чьи мозговые центры были доступны электродам Машины. Проходя мимо, она обратилась к одному из охранников.

— Приказ изменили! — грубо ответил он. — Пойдемте с нами, если хотите. Мы ведем его к Планирующему!

Ганн задержался, пытаясь обернуться и посмотреть на девушку, но охранник подтолкнул его вперед. Голос у девушки был необыкновенно мелодичный, она не говорила, а скорее выпевала слова механо, перебирая свои звуковые четки.

Это была — как сказал генерал Вилер? — сестра Дельта Четыре. Она должна была допрашивать его.

Но вместо этого его вели к самому Планирующему!

За всю свою жизнь Бойс Ганн никогда не видел Планирующего во плоти. Мало кто видел его вообще. В этом не было необходимости, средства информации имели доступ в каждый дом, в любую комнату — а Планирующий был чем-то большим, чем просто человеком, он не снисходил даже до малого общения с обществом, как это делали императоры.

Ганн слегка вздрогнул. Его поведение приобретало черты, характерные для любого осужденного в любой стране и в любую эпоху. Всякая перемена приводила его в страх. Он боялся неизвестности. А Планирующий олицетворял весьма значитель-

ную неизвестность.

Снова туннели, снова скоростное падение лифта, снова Ганна втолкнули в тесную комнатку и оставили ждать.

Он был где-то глубоко под землей. Вслушиваясь, он мог различить только смутное урчание воздуха в вентиляционной системе над головой. Стены были неприятного желтовато-серого цвета. Краска потеряла чистый оттенок помещений Планирующего. Сделано ли это специально, подумал Ганн, или, может, эта камера настолько старая, что ее обитатели уделяют минимум времени. В комнате имелся металлический стол и голый металлический стул.

Воротник безопасности крепко сжимал горло.

Ганн сел за стол и склонил на него голову. Синяки снова принялись ныть. В голове крутился вихрь.

Перемешавшиеся образы заполнили его сознание. Генерал Вилер и его зловещие намеки на награду. Пространственники Карлы Снег. Пироподы. Джули Мартин. Голубое небо с невероятным образом исчезнувшим солнцем... золотистые солнечные фузориты в крови полковника Зафара... снова Джули Мартин, потом Карла Снег.

Он снова переживал бесконечное жуткое па-

дение, которое завершилось посадкой в чреве планеты Земля, среди магнитных хранилищ памяти Машины. Перед глазами его опять вставали стерильные ледяные равнины Плутона, огромное, медленно вращающееся колесо станции Поларис. Он вспомнил о Требовании Освобождения и об удивительной любви к свободе среди анти-Плановых обитателей Рифов... любовь к свободе... любовь к свободе...

Он снова подумал о Джули Мартин. Он погрузился в воспоминания о курорте — сообщности в Плайя Бланка, о миниатюрной черноволосой девушке, чье пение он услышал и с которой они встречали на песчаном берегу золотую зарю. На ее губах была морская соль. Он видел ее лицо так ясно, словно она была вместе с ним в этой комнате.

— Джули... — прошептал он нежно, и она что-то хотела ответить ему...

— Пошли, оп! — грубо сказала она. — Вставай! Вперед!

Сержант с рогами радарных антенн на шлеме сердито тряс его за плечо.

— Опасник! Проснись!

Ганн встряхнулся. Он незаметно для себя заснул. Руки, на которые опиралась голова, за-

текли.

Он еще не совсем пришел в себя, когда охранник вытащил его в соседнюю комнату — большую, ярко освещенную, роскошно убранную. Комната утопала в золоте. Золотые гобелены на стенах изображали миры Плана Человека. Золотые светильники. Золотые подносы на золотых столах. Золотой ковер на полу, мебель, обитая золотистой тканью.

Сжимая руки Ганна, с каждой стороны стояли охранники. Они вывели его на середину комнаты и остановились, ожидая, пока сержант подойдет к двери в виде золотой арки и что-то скажет офицеру Технокорпуса в форме охраны Планирующего, который там стоял. Офицер нетерпеливо кивнул и поднял руку.

Сержант в шлеме повернулся и сделал знак своим людям. *Ждать!*

Бойс Ганн был совершенно уверен, что за дверью находился сам Планирующий.

В комнате они были не одни. Повернув голову — хватка охранников не давала ему возможности повернуться всем телом — он увидел, что в комнату вошла девушка-служительница, Дельта Четыре. Она опустилась на колени на золотую подушечку и шептала молитвы в четки-сонары.

Она была невысокая и стройная. Лицо почти полностью было скрыто мягким капюшоном, но можно было сказать, что оно имеет правильную овальную форму, бледно и серьезно. Свободный халат служительницы широкими складками лежал вокруг подушечки. Пелерину украшала светящаяся эмблема тех, кто вошел в сообщность с Машиной — переплетенные символические эллипсы электронных орбит.

Охранники заставили его отвернуться. Один прошептал другому:

— Гляди! Она сейчас войдет в сообщность.

Даже находясь в столь ненадежном положении, Ганн не мог подавить соблазна увидеть, что происходит. Он никогда не видел служителя в момент связи с Машиной. Это было нечто желанное — и страшное.

Если кольцо вокруг шеи Ганна было бичом, который Машина придумала для подстегивания неверных слуг Плана, то связь-пластина в черепе служителей была пряником, которым награждали за верную службу.

Ганн знал, как она выглядит. Кажется, ему даже удалось мельком заметить яркий металлический диск, имплантированный в кожу на лбу сестры Дельты Четыре. На диске чернел узор отверстий,

в которые входили электроды связного разъема.

Он знал, что сообщность считается высшим переживанием. Связь-пластина была только внешним ее символом. Самые тонкие изменения были произведены нейрохирургами Машины в самом мозгу. Через электроды Машина награждала своих верных слуг электронным удовольствием. Сигналы шли прямо в центр наслаждения.

Ощущение было бесподобным — потому что следы реальности не портили его чистоты. Оно не вызывало усталости, оно было бесплотным. Это была квинтэссенция удовольствия. Полностью лишенная визуальных, осязательных посредников, это была та великая радость, к которой всю жизнь стремятся люди, находя ее в виде несовершенного побочного эффекта еды, питья, холодного воздуха на горной вершине рано утром, общения с представителями противоположного пола. Это было первое, второе и третье одновременно, дистиллированное, усиленное, поданное непосредственно через яркий металлический диск.

Это так хорошо, подумал Ганн, что в этом чувствуется что-то неправильное...

— Она готовится! — прошептал охранник, и

Ганн осмелился еще раз повернуть голову.

Это ему удалось — всего на секунду, но удалось. Охранники тоже смотрели и потому слегка ослабили хватку.

Сестра Дельта Четыре откинула капюшон, обнажив лоб. На белой гладкой коже он увидел яркий металлический диск — потом отвернулся, снова взглянул и увидел то, чему отказывался поверить его разум.

Он увидел лицо сестры Дельта Четыре.

От дверей послышался хриплый шепот:

— Пошли!

Охранники двинулись вперед, толчком заставив Ганна повернуться лицом к сержанту в радарном шлеме. С разгневанным лицом он яростно махал им рукой, подавая знак, что Планирующий ждет их.

Но Бойс Ганн, словно дикарь, вырвался из рук охранников.

— Нет! — закричал он. — Подождите!

Он отбивался от изумленных охранников, пытавшихся оттащить его в сторону от девушки, которая с безмятежным лицом поднимала ко лбу соединительный разъем Машины.

Ганн едва чувствовал удары охранников. Он вырвался из объятий одного, тяжело столкнулся

со вторым. Они оба упали на пол, на толстый золотой ковер. Первый охранник прыжком подскочил к ним. Но когда они падали, Ганн снова увидел лицо девушки.

Он не ошибся. Сомнений быть не могло. Сестрой Дельта Четыре была Джули Мартин.

Девушка, которую он любил больше не существовала как полноценный человек. Она стала придатком Машины, полностью завися от нее каждую секунду жизни, словно какая-то далекая подводная автоматическая шахта... Она больше не принадлежала к роду человеческому.

Джули Мартин стала частью Машины.

8

Если катакомбы Машины были мозговым центром Плана Человека, то Государственный Зал был его сердцем. Огромный как ангар космического корабля, украшенный, словно могила фараона, он служил кабинетом самого могущественного человека в истории людей, и стоил того. Стены были выложены золотыми панелями, украшены фресками, изображающими пейзажи девяти планет и тысячи более мелких миров, где правил План Человека.

В Зале ждали Приказаний Планирующего его приближенные: лечащий врач, три связных служителя в черных балахонах и со своими связь-кубами и тональными бусами, дюжина охранников. Здесь же находился вице-планирующий Венеры, подвижный маленький инженер, нос и уши которого казались непропорционально большими. По всей видимости, они достались ему от какого-то донора-великана. Тут же находился и генерал Вилер, немедленно взявший Ганна на прицел своих стальных глаз.

Все молчали.

Подавляя всех присутствующих в огромном зале, вознесясь на громадном золотом кресле, сидел сам Планирующий. Погруженный в раздумья, он рассматривал какие-то металлические и хрустальные фигурки, стоявшие перед ним на кварцевом столе.

Ганн оказался в полном одиночестве посреди вымощенного золочеными плитками пола. Охранники замерли позади. Ганн ждал, когда Планирующий заметит его.

Но глаза Планирующего были прикованы к игрушкам. Он вздыхал и время от времени протягивал руку, переставляя фигурки. Он был полностью поглощен этим занятием, словно пятилетний мальчик, играющий с солдатиками. Он выстраивал их в колонну и отправлял маршировать по сверкающей глади кварцевого стекла.

Фигурки представляли собой драконов — чудовищ из старинных сказок, а также таких существ, каких не могло быть ни в одной сказке. Некоторые сверкали, как зеркало, другие были черными. Многие фигурки были расцвечены в пышные радужные оттенки. У них не было ни ног, ни крыльев. У них были головы монстров — некоторые с длинными, как кинжалы, клыками, иные вытянутые забавным образом, словно у кротов.

Бойс Ганн никогда не видел Планирующего на таком близком расстоянии. Он был несколько разочарован. Планирующий оказался обыкновенным человеком! Старый, толстый, обрюзгший и, добавил про себя Ганн, немного чудаковатый.

И все же это был Планирующий, это был рупор самой Машины. Машина не могла ошибаться в выводах, избранный ею человек не мог быть несовершенным. Конечно, он слышал о некоторых предшественниках этого Планирующего, о Криири, например, который совершил фатальную ошибку, пытаясь позволить Рифам Космоса войти в систему Плана Человека на своих собственных условиях... Ганн быстро погасил эту мысль. В таком месте невозможно думать о предательстве!

Он снова почувствовал пронизывающую боль, охватившую его в приемной Зала, когда он узнал, что его любимая девушка Джули Мартин превратилась в жрицу Машины, в сестру Дельта Четыре. Как это могло произойти? ПОЧЕМУ ЭТО ПРОИЗОШЛО?

Планирующий поднял большую круглую голову и посмотрел на Бойса Ганна.

— Ты, — проскрежетал он, — знаешь ли ты, что это такое?

Ганн сглотнул.

— Да, сэр, — выговорил он, заикаясь, — то есть, кажется, я знаю. Некоторые из них похожи на пироподов. Это существа, которые нападают на все живое в Рифах, сэр...

Но Планирующий уже кивал своей большой, с обрюзгшими щеками головой.

— Да, пироподы! — почти прокричал он. Внезапно он одним движением смахнул тонко вырезанные фигурки со стола на пол. — Если бы у меня была тысяча пироподов! Миллион! Если бы я мог послать их в Рифы! Чтобы они уничтожили там все живое! Какое безумие — эти рифовые крысы осмеливаются толковать мне о свободе!

Он замолчал и свирепо уставился на Ганна, который стоял, замерев, потеряв дар речи.

— Мне нужна правда, — сказал Планирующий. — Что управляет Рифами, Ганн? Ты должен рассказать мне, ты побывал там. Мало им романтических бредней! — заревел он снова. — Будто бы человека можно улучшить, будто в тупых органических существах зреет дух добродетели, который может прорасти и развиться! Какое безумие! И теперь они угрожают мне в моем собственном Зале... гасят мое Солнце... похваляются еще более ужасными возможностями!

Он оперся пухлыми руками о золотые подлокотники кресла, наполовину привстал, подался вперед, к стоящему Ганну, и завопил:

— Кто такой Дитя Звезд, Ганн?! Это ты?! — Словно пронзенный ударом тока, Ганн задушенно пробормотал:

— Нет, сэр! Это не я!!! Я его никогда не видел! Я о нем ничего не знаю... кроме того, что слышал здесь, когда меня допрашивали люди генерала Вилера. И какие-то слухи. Но я не Дитя Звезд!!!

— Слухи?! Какие слухи, Ганн? Я должен знать!

Ганн беспомощно оглянулся вокруг. Все присутствующие в зале бесстрастно наблюдали за ним хладнокровными глазами. Он был предоставлен самому себе, помощи ждать было неоткуда.

— Сэр, — сказал он в отчаянии, — я рассказывал все, что знаю, тысячу раз. Я расскажу все еще раз. Все, что мне известно. Но дело в том, что мне почти ничего не известно о Дитя Звезд!

— В этом дело, — во все горло проорал Планирующий, — или не в этом — решаю я! Продолжай! Говори!

Ганн послушно начал всю историю с самого начала.

— Сэр, я был направлен на расследование некоторых беспорядков на станции Поларис...

Когда он заново пересказывал так хорошо знакомый ему рассказ, в зале царила мертвая тишина. Планирующий бесстрастно слушал, облокотившись на один подлокотник своего громадного золотого кресла, остальные следовали его примеру. Голос Ганна разносился по пространству зала, словно крик, брошенный в колодец. Ему отвечало одно эхо, лишь движение зрачка, легкая перемена положения тела указывали на то, что слушатели его понимают. Он закончил на своем аресте в катакомбах Машины и стоял теперь неподвижно, молча.

Планирующий проговорил задумчиво:

— Ты упоминал о знаке, знаке Лебедя.

— Да, сэр, — Бойс Ганн, насколько это было в его силах, продемонстрировал плавный жест, движение руки у предплечья, которые он наблюдал у Гарри Хиксона и умирающего полковника Зафара. — Мне кажется, он имеет отношение к созвездию Лебедя, где главной звездой является Денеб, нечто вроде предмета поклонения так называемой Церкви Звезды...

Планирующий повернул свою массивную голову в сторону трех служителей-связных, облаченных в черные балахоны.

— Денеб! — рявкнул он. — Показать!

Один из служителей что-то сказал мелодичным голосом в свой связь-куб. Свет в зале мгновенно померк, и на сводчатом потолке ожила звездная панорама. Планирующий вытянул шею, вскинул голову, вглядываясь в потолок. Глаза присутствующих последовали за его взглядом.

Ощущение было такое, словно тысячи ярдов камня и земли над их головами вдруг были сдвинуты в сторону. Перед ними открылась космическая бездна, видимая словно в безлунную ясную ночь поздней осенью, решил Ганн, оценив положение созвездий. Время — около полуночи. Над головой сияли крупные звезды Летнего Треугольника — Альтаир на юге, Денеб и Вега на севере. Млечный путь опоясывал ствол потолка могучей лентой звездной пыли. Низко над западным горизонтом пылал красный Антарес, на востоке сиял Фомальгаут...

Внезапно поле зрения начало сокращаться. Они словно помчались вперед, прямо к созвездию Лебедя. Исчезли из виду Фомальгаут и Антарес, созвездие Орла с Альтаиром, а также Полярная звезда и Цефей под ней. Остался один Лебедь, созвездие Лебедя. Оно повисло над их головами, как сверкающий гобелен.

Послышался приятный мелодичный голос:

— Созвездие Лебедя. Звезды: Альфа Лебедя, другое название — Денеб, бело-голубая звезда первой величины; Бета Лебедя, другое название — Альбирео, двойная звезда, компоненты: ярко-голубая и оранжевая звезды; Гамма Лебедя...

Планирующий проскрежетал:

— Мне нужен только Денеб, идиот!

Мелодичный голос продолжал без запинки:

— Денеб. Дистанция — четыреста световых лет. Температура поверхности одиннадцать тысяч градусов. Сверхгигант. Данные спектрографии: водород, кальций...

— Планеты! — завопил Планирующий раздраженно.

— Существование планет — не обнаружены, — пропел невидимый голос. Ганн вытянул шею — голос принадлежал одному из служителей в балахонах, но их лица были спрятаны под капюшонами, и он не мог сказать, кому именно.

Планирующий долго молчал, глядя вверх. Наконец он сказал:

— Имеет ли Машина сведения о физической связи между Денебом и Дитя Звезд?

— Нет сведений, сэр, — пропел немедленно невидимый голос. — Возможны исключения: данные о связи Церкви Звезды и Денеба. Возможная

связь между Денебом и 61 Лебедя в этом же созвездии. Это одна из звезд, погасить которую угрожал Дитя Звезд, что имело место. Все вышеназванные факты не приняты Машиной как важные.

— Очень хорошо. Отбой, — проворчал Планирующий.

Изображение на потолке погасло, вспыхнул свет. Планирующий несколько секунд сидел в тяжком раздумье, с отсутствующим выражением в глазах. Он рассеянно обвел взглядом комнату, глядя поверх Бойса Ганна, поверх разбросанных фигурок, поверх охранников генерала Вилера.

Взгляд его остановился на черных балахонах служителей. Потом он вздохнул и пальцем поманил одного из связников. Он всего лишь согнул и разогнул палец, но фигура в черном тут же подошла к нему. В руке служитель что-то держал. Это был золотистый кабель, выходивший из связь-куба. На конце кабеля виднелся золотой штепсель с восемью электродами.

Глаза Ганна расширились.

Если он не сошел с ума — а он оставался в здравом рассудке — то... Служитель уже стоял рядом с Планирующим. Он коснулся его лба, отодвинул в сторону редкие волосы, закрывающие блестящую пластинку, имплантированную в лоб.

Планирующий собирался вступить в сообщность с Машиной.

* * *

Зрелище было захватывающим и... жутким.

Не обращая внимания на глаза, устремленные к нему, Планирующий расслабленно ждал, пока служитель ловко вставил электроды штепселя в приемные отверстия пластинки.

И мгновенно выражение лица Планирующего изменилось. Он закрыл глаза. Раздраженное, сердитое выражение словно растворилось. Челюсти его сжались, обнажились зубы, это напоминало мгновенный приступ боли в агонии... или экстазе.

Немного спустя волна прошла и лицо Планирующего снова расслабилось. Дыхание его участилось. Пока тончайшие электроды раздражали центры удовольствия в его мозгу, он начал выказывать какие-то чувства. Сначала он улыбнулся, потом нахмурился, потом снова улыбнулся. Губы зашевелились. Он что-то неразборчиво и хрипло зашептал... сначала медленно... потом все быстрее и быстрее. Его пухлое тело затряслось, пальцы заметались. Облаченный в черное служитель спокойно коснулся его руки,

что-то прошептал на ухо.

Планирующий утихомирился. Тело его расслабилось. Он больше не шептал.

Служитель подождал секунду, потом кивнул и вытащил штепсель, неслышно отойдя в сторону. Планирующий открыл глаза и посмотрел по сторонам.

Перемена, которая произошла с Планирующим, показалась Ганну еще более странной, чем все чудеса, виденные в Рифах. Мрачный, сердитый, раздраженный человек вступил в сообщность с электронными удовольствиями Машины. В мир вернулся уже совсем другой Планирующий — веселый, жизнерадостный, энергичный. Зал наполнился его громким хохотом.

— Ага! — завопил он. — Ого! Вот это да! Хорошо!

Он уселся поудобнее в кресло и застучал кулаком по кварцу стола.

— Мы их изничтожим! — кричал он. — Рифовых крыс и Дитя Звезд — всех, кто осмелится совать палки в колеса Плана! Мы их раздавим вместе с их фантазиями! И ты нам поможешь в этом, Бойс Ганн, потому что станешь в этом деле избранным инструментом Плана.

На какой-то безумный момент Ганна охватило

желание повернуться и побежать... или прыгнуть на Планирующего, пусть сработает заряд в кольце на шее, и все его проблемы будут решены раз и навсегда. В веселом тоне Планирующего ему чудилось что-то дикое и страшное. Если Машина способна произвести такую перемену в самом любимом слуге, то... Ганн почувствовал страх. Он боялся Машины! И сама эта мысль была страшна, потому что для него Машина всегда была великим добрым повелителем, чьи суждения безошибочны, который всегда вознаграждает за верную службу, наказывает за плохую. Но именно такая награда показалась Ганну ужасным наказанием...

Но он сказал только:

— Да, сэр. Я служу Плану, сэр!

— Служи ему как следует, сынок! — с радостным выражением прокричал Планирующий. — Служи ему всем сердцем и умом — или ты послужишь ему глазами, руками, печенкой и прочим — в орган-банке! Мы все служим Плану, сынок! Так или иначе! — И он разрешил Ганну идти, весело махнув рукой и повернувшись к генералу Вилеру. Когда охранники сомкнулись вокруг Ганна, он успел бросить взгляд на генерала Вилера. Серостальные глаза казались холодными и пустыми,

но Ганн прекрасно понимал, что они говорили.

— *Не подведи меня, Ганн,* — говорили они.

9

Было когда-то время, подумал Бойс Ганн, когда жизнь казалась простой, а обязанности — ясными. В те полузабытые, похороненные времена, — неужели это было всего несколько месяцев назад? — он встретил и полюбил девушку по имени Джули Мартин. Он помнил ту ночь, когда они встретились, помнил проведенные вместе долгие часы, бесконечные обещания, сияющую надежду на счастье впереди. Он помнил уходящий вдаль песчаный пляж в курортном городе Плайя Бланка и ее прощальный поцелуй. Очаровательная, любящая — она была всем, что мог желать человек. Воспоминания о ней Бойс Ганн пронес через всю свою одиссею в двадцать миллиардов миль от Солнца в оба конца.

Но никогда он не был так далек от нее, как в этой комнате. Он мог бы, если бы осмелился, коснуться губ, которые целовал на берегу Плайя Бланка — но скрытое под капюшоном лицо больше не принадлежало девушке по имени Джули Мартин. В нем обитала сестра Дельта Четыре.

— Джули! Джули Мартин... — невольно сорвал-

ся шепот с губ Ганна.

Она стояла неподвижно, глядя на него серьезными темными глазами. Он искал в них хоть какой-то намек на то, что она узнала его, искал отзвука тепла любви, наполнявшей их в Плайя Бланке, но ничего не мог найти.

Она качнула головой в капюшоне.

— Меня зовут Дельта Четыре, — сказала она мелодичным, как звон колокольчиков, голосом. — Я буду вести ваш допрос для Машины. — Она продолжала стоять неподвижно, ожидая его ответа, бледное лицо наполовину прикрывал капюшон. Светящаяся эмблема на ее балахоне, казалось, подсмеивалась над Ганном. Это был знак «Не приближаться» — и он не осмелился бы нарушить его.

Но он не выдержал и спросил:

— Джули, разве ты совсем не помнишь меня?! Что с тобой случилось?

Она провела пальцем по длинной нити электронных бус, каждая бусина отвечала звенящим тоном на прикосновение ее пальца.

— Майор Ганн, — пропела она в тон электронному звуку бусины, — насколько вам известно, я служительница Машины. Не напоминайте мне о прошлой жизни.

— Но пожалуйста, Джули, скажи мне хотя бы, зачем ты это сделала? Почему ты не...

Девушка медленно кивнула.

— Хорошо, у нас еще есть время, — пропела она. — Спрашивайте.

— Почему ты... Я хочу сказать, почему Джули Мартин не подождала моего возвращения? Я послал с Плутона письмо...

— Ваше послание было доставлено, — пропела она. — Но Джули Мартин уже была принята на обучение в служители Машины. Она уничтожила ваше послание. Она не желает вспоминать об этом.

— Но я тебя любил! — взорвался Ганн. — Как ты могла бросить меня?

Безмятежное лицо смотрело на него без всякого любопытства.

— Джули Мартин любила вас, — поправила она мелодичным голосом. — Меня же зовут Дельта Четыре. Пожалуйста, садитесь, майор Ганн. Я должна начать допрос для Машины.

Ганн заставил себя опуститься на стул. Девушка пододвинула поближе второй стул и присела с тщательной плавностью движений.

Из складок пелерины она извлекла маленький, покрытый черным пластиком связь-куб.

— Майор Ганн, — сказала она, — я должна спросить вас — являетесь ли вы тем же лицом, что и Дитя Звезд? — Ее голос был чистой мелодией, холодный, ровный, такой же далекий, как ее бледное овальное лицо.

— План его побери, нет! — вырвалось у Ганна. — Я этим вопросом сыт по горло! Я уже сто раз повторял...

Но девушка качала головой.

— Подождите, — прервала она его. — Одну минуту, пожалуйста.

Он хмуро следил за ней, боль от кровоподтеков усиливалась глубоким страданием его сердца. Девушка склонила голову в капюшоне, снова коснулась длинной нитки блестящих черных бусин. Всякий раз, когда раздавался звук электронного колокольчика, ее голос повторял ноту, упражняясь в сложной гамме тоновых фонов, составляющих искусственный язык механо.

Механо был труднопреодолимым мостом между Машиной и сознанием человека. Раньше компьютеры преодолевали этот мост с помощью перевода, трансформирую язык людей в Фортран или любой другой машинный язык, Фортран — в двоичные числа, двоичные числа — в указания и сведения для операций. Изобретенный же

Машиной язык сам по себе был уже своего рода набором двоичных чисел, определявших процесс в структуре Машины: открытие и закрытие контура, разрядка или зарядка емкости, то или иное состояние ферромагнитного слоя ленты. Люди не могут научиться говорить на языке двоичных чисел, в то же время Машина, управляющая Планом Человека, не могла тратить время на перевод. Вместо этого она создала язык, который человек все же мог выучить — с большим трудом, при условии сосредоточения, которое достигалось удалением от всех остальных аспектов жизни, но все же выучить и говорить достаточно хорошо.

Механо был мостом, но преодолеть его было нелегко. Машина, для которой счет времени шел на миллиардные доли секунды, не могла снижать темп до скорости медлительной речи человека. Высчитав, что пропускная способность человеческого уха и звукопроизносящего аппарата составляет около 50000 двоичных единиц в секунду, она разработала язык, позволявший приблизиться к теоретическому максимуму.

Обыкновенная человеческая речь передавала всего пятьдесят единиц информации в секунду, язык механо был в тысячу раз эффективней.

И, как было известно Ганну, его было в тысячу

раз труднее изучить.

С горечью понял он, что именно голос, который когда-то обратил его внимание на Джули, музыкальный тихий голос стал виновником потери. Машина постоянно вела поиск людей, которые были способны изучить механо, и если находила, то они становились ее служителями навсегда. Только одаренные особым талантом люди могли изучить механо в совершенстве, хотя практически любой человек, затратив соответствующее время и усилия, мог изучить основы, чтобы кое-как говорить и понимать. Настоящий же связник должен был обладать не только широким вокальным диапазоном, но и абсолютным музыкальным слухом. Ему помогали тональные четки. Перед разговором с Машиной служитель мог использовать их в качестве эталона настройки, камертона. Но даже тональные бусины были не в силах превратить обыкновенного человека в служителя, бегло говорящего на механо.

Глядя, как повторяет Дельта Четыре вызваниваемые бусинами ноты, Ганн представил, сколько недель утомительных тренировок лежит у нее позади. Он знал, что обучение требует полной концентрации, полной самоотдачи. И окончательной его наградой была блестящая

металлическая пластина на лбу.

Дельта Четыре пропела серию серебристых нот, похожих на чириканье птицы. Связь-куб ответил электронной серией похожих звуков. Сосредоточенные, бесстрастные глаза остановились, наконец, на Ганне.

— Теперь мы готовы, — сказала она. — Майор Ганн, Дитя Звезд — это вы?

Сотня вопросов — и теперь еще сто первый.

Бойс Ганн теперь мог отвечать на вопросы девушки совершенно автоматически. Долгое повторение научило его губы и язык двигаться почти что самостоятельно.

Нет, я не Дитя Звезд. Я его никогда не видел. Я ничего не знаю о Требовании Освобождения. Я никогда не участвовал в анти-Плановых движениях.

И все это время его сердце кричало: *Джули! Вернись!*

Каждый раз, когда он отвечал на вопрос, сестра Дельта Четыре пропевала ответ в связь-куб. Странные ноты совсем не напоминали его слов, но Ганн знал, что каждая сложная фонема была одновременно и полнозначной морфемой, каждый слог — синтагмой. И всякий раз, задав вопрос, она с абсолютным спокойствием делала

паузу, ожидая его ответа. Ее правильное лицо выглядело таким же нечеловеческим, каким казался голос.

— Для исполнения этого опасного задания я отправился на станцию Космического Занавеса... — сказал Ганн, и дальше шла его длинная, столько раз повторенная история.

У него возникло чувство, будто яркие золотые стены душат, сжимают его со всех сторон. Сколько над нами тысяч футов скалы, подумал он. Сияет ли там, наверху, Солнце, которое грозили погасить, заливая своими лучами леса и раннюю весеннюю зелень на лугах? Или над нами расположились арктические льды? Или мили темной глубины вод мирового океана?

Он ничего не знал.

И внезапно ему вдруг отчаянно захотелось снова оказаться в Рифах, на Свободном Небе, с Карлой Снег. Эти странные космические образования вдруг показались ему куда ближе Плана Человека. Он ощущал ностальгию по бесконечным пространствам... по фантастической идее свободы...

Сердитое ворчание, послышавшееся из связь-куба, вернуло Ганна к реальности.

— Продолжаем, — проворковала Дельта Четы-

ре. — На вас напали пироподы?

Ее голос напоминал звон хрустального колокольчика, холодный и пустой, как черное пространство между Рифами. В нем не было и искры чувства, так же, как и на абсолютно бесстрастном лице служительницы.

Он устало кивнул, потом вспомнил.

— Да, но перед этим — я забыл упомянуть раньше — перед этим Хиксон снял с меня воротник.

Блестящие черные глаза сестры Дельта Четыре не расширились от ужаса. Она спокойно пропела ответ в связь-куб, продолжая внимательно смотреть на Ганна, хотя во взгляде ее появилась некоторая отрешенность, словно внутренне девушка уже была поглощена тайным экстазом предстоящей сообщности.

Черная коробка заворчала.

— Машина требует пояснений, — пропела сестра Дельта Четыре. — Мы должны отыскать этого Гарри Хиксона. Его свойство должно быть изучено Планом. Потом каждый орган его тела должен быть тщательно уничтожен.

Ганн невесело усмехнулся, глядя на губы, которые целовал когда-то, так давно.

— Извините, не могу вам помочь. Он умер.

— Машина не принимает ответа, — пропела

она. — Разве вы не сказали, что не-планированный отшельник снял ваш воротник? Разве вы не спросили, как он это сделал?

— Нет, — признался Ганн. Он искал, надеялся увидеть живую искру в ее глазах. Они были пусты. Черная коробка зловеще зажужжала. — Я думаю, он был обращен в Церковь Звезды, — поспешно добавил Ганн. — Я думаю, то есть так следует понимать, что его сила проистекала с Денеба.

Сердитый трезвон из связь-куба.

— Это самоочевидная ложь, — пропел холодный голос сестры Дельта Четыре. — Звезда не может оказывать такого влияния. Во Вселенной нет разума, более могучего, чем разум Машины.

Она сделала паузу, черная коробка опять заворчала.

— Если виной всему Гарри Хиксон, то правда будет установлена после того, как его поймают, — перевела он. — Если неправду сказали вы, майор Ганн, то вам грозит орган-банк.

— Но я говорю правду! — закричал он. — Я совершенно лоялен по отношению к Плану Человека!!!

Куб что-то запел, девушка повторила:

— Машина отказывается принимать чисто словесные заявления. Минуту. Машина получает

дополнительные данные по другому входу.

Загадочным образом лицо девушки начало удаляться. Ганн моргнул. Казалось, она движется, становится меньше, словно падает куда-то прочь от Ганна, в глубокий темный колодец, в космическую пустоту. Вот до нее уже тысяча ярдов...

Потом все вернулось на места.

Ганн испытал мгновенное головокружение, словно звуконепроницаемая комнатка в недрах штаб-квартиры Планирующего вдруг принялась танцевать медленный вальс. Потом головокружение прошло.

Связь-куб зловеще задребезжал, и сестра Дельта Четыре пропела:

— Машина прекращает беседу. — Резкий шум из куба. — Она напоминает вам, что не-Плановые идеи, так же, как и не-Плановые слова и действия должны сурово исправляться. Но пока она откладывает решение вашей окончательной участи.

Ее белое правильное лицо оживила едва заметная улыбка. Видимо, она предвкушала наслаждение, которое скоро должно было наступить, когда электроды возбудят центры ее мозга, свершив благословенную сообщность. Но связь-куб еще не отпустил ее — он снова зажужжал.

— Машина считает ваш рассказ неполным, —

мелодичным речитативом сообщила она, глядя на Ганна беспечными черными глазами. — Вы не указали на личность Дитя Звезд. Вы не открыли фактов о судьбе корабля «Сообщность». Вы ничего не рассказали о так называемом Требовании Освобождения. Вы не объяснили, как попали в убежище Машины.

Ганн покачал головой.

— Я не знаю, что вам рассказывать, — сказал он. Куб снова неумолимо зажужжал.

— Ваше утверждение неубедительно, — снова пропела сестра Дельта Четыре. — Но беседа будет продолжена...

Комната снова пришла в нереальное движение. Ганн ухватился за стул. Но на этот раз даже девушка почувствовала неудобство. Ее правильные губы полуоткрылись, в глазах замерцала искра удивления.

Связь-куб быстро зачирикал. В этот же момент где-то завыли сирены.

— В нескольких точках, — начала, запинаясь, переводить девушка, — были зарегистрированы толчки...

В это мгновение связь-куб издал отчаянный дребезг. Сестра Дельта Четыре громко вздохнула. Она инстинктивно ухватилась за Бойса Ганна.

— Пироподы! — закричала она. — Они... они... Вы должны помочь! Зал Планирующего атакован пироподами! Их десятки! Они уже внутри!

* * *

Отдельная комната, в которой Дельта Четыре допрашивала Ганна, была лишь частицей огромной сети коридоров и помещений, составляющих жилую и административную части штаб-квартиры Планирующего. Дверь была заперта, но мгновенно открылась, прореагировав на узор линий пальцев девушки, коснувшихся ручки. Дверь широко распахнулась, и Ганн вместе с девушкой бросились бежать по длинному залу с золотыми стенами. Зал этот, широкий, как шоссе, высокий, как двухэтажное здание, пронизывал насквозь штаб-квартиру Планирующего, комнаты которой выходили в зал то там, то здесь. Это было место проведения всех церемоний. Вдоль стен выстроились золотые и хрустальные статуи, стены были увешаны золотой парчой, украшены фресками и экранами.

И сейчас зал был полон отвратительным душащим дымом ракетного выхлопа.

В уши ударил раздирающий визг громадного тела, таранящего воздух. Гневный крик... еще

крики. Похоже, люди были застигнуты врасплох... Тонкий, режущий уши свист лазерных пистолетов. Среди всего шума и неразберихи Ганн сразу увидел опасность и за руку оттащил девушку под прикрытие дверного проема.

Прямо на них по залу мчался пироподд.

Он проревел мимо — в замкнутом пространстве зала этот рев почти оглушал. Видом своим чудовище наводило на мысли об ангелах Судного Дня, сошедших на Землю, чтобы разрушать.

Это был оживший ночной кошмар. Несколько напоминая видом скорпиона, по величине он не уступал громадному быку. Глаза его были огромными зеркалами со стебельками-рецепторами посредине — это были природные радиотелескопы. Они испускали красный свет. Могучие челюсти пиропода способны были разгрызть стальную балку. Его когти умели разрывать стальные плиты. Все его тело защищала блестящая чешуя, длинный саблеобразный хвост загибался к спине. И это чудовище неслось прямо на них, с визгом раздирая воздух!

Девушка в ужасе закричала. Ганн, успокаивая ее, прижал ее голову к груди, хотя крик ужаса полностью утонул в грохоте пролетающего пиропода, от которого вполне могли лопнуть

барабанные перепонки. Да, это был не детеныш, с которым Ганн играл на рифе Гарри Хиксона. Это был взрослый пиропод, способный на равных вести бой с крейсером Плана.

Он пронесся мимо Ганна и девушки, врезавшись в груду охранников, столпившихся в сотне ярдов дальше. Они встретили его градом выстрелов из пулевых и лазерных пистолетов. Пиропод врезался в группу людей, промчался дальше... и в живых не осталось никого. Только куча мертвых тел указывала на место, где они только что стояли.

— Великая Машина! — выдохнула в ужасе сестра Дельта Четыре. От ее непоколебимой безмятежности не осталось и следа, капюшон слетел с головы, на искаженном страхом лице ярко сверкала металлическая пластинка. — Что это было?

— Вы сами мне сказали, — проворчал Ганн. — Пиропод! Если он вернется, мы пропали!

Она всхлипнула и потащила его за руку.

— Сюда... мы спрячемся.

— Нет! Их много. Один из них может случайно наткнуться на нас. Если бы у меня был пистолет...

Он посмотрел вдоль длинного сияющего зала. Пламени выхлопа пиропода нигде не было видно.

Возможно, Монстр выскочил в другое помещение или в коридор. Охранники продолжали лежать мертвой кучей на том же месте.

Он быстро принял решение.

— Джули... то есть... не важно. Слушайте! Пиропода можно убить, если знать, куда стрелять. Я попробую достать пистолет. Вы оставайтесь здесь!

Через секунду он уже бежал изо всех сил к разбросанным телам мертвых охранников. Он подавил соблазн пробраться вдоль стен — это бы ему не помогло. Если чудовище вернется, он все равно погибнет. Оставалось полагаться только на скорость. Он преодолел сотню ярдов с быстротой олимпийского чемпиона.

И едва не опоздал. Тяжело дыша, с легкими, горящими, как в огне, он услышал вдруг нарастающий рев и поднял голову. За звуковой волной почти с такой же скоростью мчался сам пиропод.

Ганн бросился на пол.

Чудовище промахнулось всего не несколько дюймов, он успел увидеть мелькнувшие металлические челюсти и клыки-кристаллы, протянувшиеся к нему огромные когти, потом чудовище унеслось. Ганн вскочил и снова побежал.

Он слышал, как монстр крушит статую, пытаясь как можно быстрее затормозиться, но не обернулся. Он прыжком подскочил к мертвому охраннику, схватил пистолет, проверил заряд и мгновенно обернулся.

Пироподтоже успел изменить курс.

Он поймал Ганна в прицел пульсирующих красных глаз-локаторов. С воплем он помчался на Ганна, как живая космическая торпеда. Ганн выстрелил в один из горящих глаз и снова бросился на пол.

Пироподиздал вопль агонии. Он слепо врезался в стену, раздробил хвостом статую, оставив яркую царапину на металле стены. Огонь его выхлопа ярко вспыхнул и исчез. Ганн выстрелил еще раз и закрыл голову руками.

Послышался сильный далекий взрыв. Он почувствовал сотрясение ударной волны. От сотрясения подпрыгнуло несколько мертвых тел неподалеку, разметав безжизненные руки, замотав слепыми головами.

Пироподисчез.

Но сестра Дельта Четыре сказала, что их были «десятки»...

Ганн быстро занялся поисками оружия среди жертв пиропода. Он сунул в карман легкий

пулевой пистолет, потом вооружился тремя пистолетами с самыми полными лучевыми зарядами, какие удалось найти. Потом он повернулся, чтобы отправиться за сестрой Дельта Четыре.

Она стояла за его спиной. Она видела, что он делает, и делала то же самое. Она держала по пистолету в каждой руке, а в кармане ее балахона блестел, по крайней мере, еще один.

Ганн поколебался, потом усмехнулся.

— Пошли! — воскликнул он. — Посмотрим, что можно сделать. Стреляй прямо в глаза, запомни!

Он хлопнул ее по плечу, повернулся и побежал в направлении Зала Планирующего.

Указателем ему служил адский вой и рев, других ориентиров не требовалось.

Прежде чем они добрались до зала, Ганн убил еще двух пироподов, правда, не таких больших, как едва не покончившее с ними чудовище, а сестра Дельта Четыре испугала дальним выстрелом еще одного — нельзя было сказать точно, попала она в цель или нет.

Великий Зал Планирующего превратился в осиное гнездо. Он был заполнен громадными чудищами, метавшимися сквозь сернистый дым, наполнявший воздух, отрывая огромные куски от обшивки стен, поглощая все, что могло дать

им реактивную массу, в том числе и золотое кресло Планирующего. Судя по всему, они легко расправились с защитниками Зала и теперь вели борьбу между собой за остатки добычи.

Потом Ганн заметил тонкий рубиновый луч пистолета.

Один из пироподов завыл от боли, словно взбесившаяся сирена оповещения. Рана не была смертельной, но существо столкнулось с другим чудовищем, и оба принялись кромсать друг друга.

Значит, в Зале еще был кто-то живой!

Убедившись, что девушка стоит позади, Ганн осторожно сделал шаг вперед и осмотрелся. Выстрелили, кажется, откуда-то из-за декоративной ниши, в которой стояла статую. Ганн набрал полную грудь воздуха, крикнул, потом нырнул в дверь. Бесполезно — его крик утонул в реве и визге, наполнявшем зал.

Он схватил сестру Дельта Четыре за плечо, подтащил ближе и прокричал ей прямо в ухо:

— Я хочу попробовать покончить с ними по одному! Они как раз сейчас не обращают на нас внимания! Но если кто-то полетит в нашем направлении, стреляй прямо в глаза!

Она кивнула, лицо ее опять было спокойным

и отрешенным, большие военные лазеры казались неуместными в ее деликатных руках. Ганн в последний раз пристально посмотрел на служительницу, не в силах забыть блестящую пластинку на лбу, которая теперь снова была скрыта капюшоном, потом повернулся лицом к Великому Залу.

Ему потребовалось двадцать минут.

Он пересчитал захвативших Зал чудищ — их оказалось пятнадцать. Он успел уничтожить семерых, одного за другим, без всякого беспокойства. Потом, предупрежденный прикосновением сестры Дельта Четыре, он повернулся в другую сторону, чтобы расправиться с заблудившимся пироподом, мчавшимся на них из коридора.

Потом он прикончил еще троих и вдруг заметил, что в дальнем конце зала еще один пироп завопил и взорвался. Он в него не стрелял. Неизвестный, укрывшийся в нише под тимпаном, явно видел, что делает Ганн, и копировал его тактику.

Теперь огонь вели два пистолета — нет, три, считая сестру Дельта Четыре, которая встала рядом с Ганном и помогала ему обезвредить последних уцелевших пироподов, в замешательстве метавшихся по залу, стены которого сотрясались

от их рева, а воздух стал почти непригодным для дыхания из-за едкого дыма ракетных выхлопов.

Потом со всеми было кончено.

Ганн осторожно вошел в Зал, держа пистолет наготове, метая во все стороны внимательные взгляды — не шевельнется ли недобитое чудовище.

Издалека все еще доносился рев и визг. Очевидно, где-то в подземном дворце Планирующего еще буйствовали пироподы. Но основная их масса должна была лежать мертвой в этом зале. Ганн поспешил в сторону ниши, где скрывался неизвестный союзник.

Из-под статуи в нише вышел на плохо гнущихся ногах генерал Вилер и направился к Ганну. На лице его играла жесткая улыбка победителя. Он сунул в кобуру пистолет и движением, напоминающим рывок поршня, вытянул руку, чтобы пожать протянутую ладонь Ганна.

— Неплохо сработано, майор, — проскрежетал он.

— Благодарю, сэр. У меня была поддержка. Познакомьтесь...

Выражение лица генерала не изменилось.

— С сестрой Дельта Четыре я знаком, — прогудел он. — Можете передать Машине мое одобре-

ние, сестра. Пожалуйста, соединитесь с Машиной и справьтесь, каково ее состояние. Я опасаюсь, что эта атака была направлена против нее!

Он стальными пальцами сжал руку Ганну и отвел его в сторону.

— Уродины, — проскрипел он, пиная останки громадного монстра. — Гротескные существа, так сказать. Планирующий всегда ими очень увлекался. Какое забавное совпадение — они возникли из пустоты прямо здесь, в его жилище. — Он бросил через плечо быстрый взгляд на сестру Дельта Четыре, которая, не теряя времени, повторяла ноты за сигналами тональных бус, настраивая свой связь-куб. — Послушайте, Ганн. Взгляните вот на это.

На полу ниши, в которой прятался генерал Вилер, лежал квадрат толстой, кремового цвета бумаги.

— Что это, сэр?

— Поднимите, взгляните сами.

В Зал из коридоров теперь доносились голоса — могучие силы Плана Человека концентрировались, восстанавливая порядок.

Бойс Ганн колебался. Что-то здесь было не так.

— А Планирующий? — спросил он. — Неужели он... — Ганн обвел взглядом Зал, разбросанные

тела мертвых охранников, оказавшихся здесь в ловушке.

— Нет, майор, его здесь не было. Читайте документ!

Ганн, которого не покидало ощущение подвоха, нагнулся и подобрал бумагу. Он взглянул на текст. А потом все сомнения разом оставили его. Он когда-то видел точно такую же... в руках умирающего полковника Зафара, в двадцати миллиардах километров отсюда.

Этот документ назывался Требованием Освобождения.

И этот, который он держал в руках, был таким же потрясающим по содержанию, таким же опасным для Плана Человека.

Бойс Ганн начал быстро читать, потом поднял удивленные глаза на генерала, стоявшего с каменным лицом, потом снова стал читать. Документ был озаглавлен «Планирующему», и в нем говорилось:

«Планирующему или его преемнику, если первого уже нет на свете.

Вы и те, кто на вас служит, игнорировали мое предупреждение, не обратив внимания на демонстрацию моих воз-

можностей.

Теперь я вам посылаю пару милых зверушек, чтобы вы убедились — я умею не только угрожать. Они нанесут вам немалый ущерб, но гораздо больший они причинят в будущем.

Потому что, если я пошлю их еще раз, то уже не в штаб-квартиру Планирующего — если от нее что-то останется.

В следующий раз они окажутся в коридорах Планирующей Машины.»

Ганн поднял глаза на генерала, его губы крепко сжались, глаза сузились.

— Опасность грозит Машине! — сказал он. — Генерал, нужно сейчас же рассказать обо всем сестре Дельта Четыре, чтобы она передала Машине.

— Решение я приму один, майор, — проскрежетал генерал. — Что вы можете сказать в свою защиту?

Пораженный Ганн проговорил:

— Почему... я не понимаю, что это все значит, генерал. Я не имею никакого отношения... — Потом он увидел, что генерал уже вытащил из кобуры лазер и направил на него.

— Вы арестованы, — с металлическим звоном отчеканил он. — Не пытайтесь сопротивляться. Не двигайтесь и не разговаривайте.

Ганн открыл рот, потом закрыл. Происходило что-то безумное. Его арестовали!

Но за что? Он даже не осмелился спросить. Железное выражение лица генерала ясно указывало, что лучше не рисковать и подчиниться приказу.

За своей спиной Бойс Ганн услышал шаги приближающихся охранников, а еще дальше — знакомый гулкий рев.

Ганн сразу узнал этот звук. Еще один заблудившийся пиропод. Он забыл о приказе и крикнул:

— Генерал! Еще один!

— Молчи! — резко одернул его генерал. — Я больше повторять не буду! Охрана сама займется твоим чудовищем!

Отчего он так громко говорит, подумал Ганн, несмотря на все свое замешательство. Словно говорит не для Ганна, а для целой толпы свидетелей. Но Ганн не мог с собой справиться. Он понимал, что может натворить даже один пиропод, понимал, что даже охрана Планирующего может не справиться с монстром... и еще он понимал, что в Зале телом и душой присутствует

девушка, которую он любил, даже если и тело, и душу занимала теперь холодное машиноподобное создание Дельта Четыре. Он стремительно обернулся, выхватил пистолет, и как раз в тот момент пиропод показался в дверях зала.

Ганн выстрелил прямо в красные глаза.

Охранники тоже были наготове, предупрежденные ревом и быстрым движением Ганна, они тоже открыли огонь. Существо оказалось на перекрестке десяти разрядов разрушительной энергии. Там, где оно только что было, вспыхнуло пламя взрыва...

Стоявшая между Ганном и дверью сестра Дельта Четыре вдруг молча подалась вперед. Она упала на пол и осталась лежать неподвижно, хотя связь-куб настойчиво гудел.

— Ее ранили! — крикнул Ганн, бросая пистолет. Он метнулся к девушке, приподнял, заглядывая в ее черные глаза.

На руках его появилась кровь. На боку ее балахона появилось влажное пятно, капли начали падать на пол, потемнела золотистая эмблема.

Сердце ее уже не билось.

Ганн поднял голову, невидяще глядя на приближающегося генерала Вилера.

— Она умерла? — спросил он сам себя, не в си-

лах поверить. — Неужели я задел ее? Или... — он замолчал, пытаясь вспомнить. Не ударил ли из Зала еще один тонкий, как спица луч? Не успел ли генерал Вилер выстрелить через его плечо?

Но времени на размышление не было. Генерал был рядом, лицо его обратилось в суровую металлическую маску.

— Заберите оружие у этого человека! — суровым скрежещущим голосом отдал он команду охранникам. — Отведите его к Планирующему! Я обвиняю его в том, что он доставил сюда этот документ! Я обвиняю его в убийстве сестры Дельта Четыре, которая могла его выдать. Это — Дитя Звезд! В этом я его тоже обвиняю!

10

Прихрамывая, потрепанные участники битвы с пироподами вошли в кабины скоростных лифтов и поднялись на поверхность, обнаружив Планирующего стоящим наподобие веселого Санта-Клауса на кварцевом балконе у самой вершины снежной горы, в которой была спрятана его подземная штаб-квартира.

Это было, что называется, орлиное гнездо.

— Они промахнулись! — весело встретил Планирующий генерала Вилера. — Второго случая не будет! Мы уничтожим всех бунтовщиков, до единого!

— Сэр, вот главный предатель! — проскрипел генерал. — Он виноват во всем! Я обнаружил его с этим документом в руках!

— Планирующий, генерал обманывает! — воскликнул Ганн. — Он знает, что я не...

— Молчать! — рявкнул генерал.

Планирующий даже не удостоил Ганна взглядом. Улыбаясь и кивая, он прочитал написанное на квадратном куске кремовой бумаги, потом небрежно уронил его на пол.

— Вы уверены, что это и есть Дитя Звезд, генерал? — спросил он.

— У меня все улики, сэр! — заскрипел генерал. — Первое: он появился в бункерах Машины необъяснимым образом. Второе: одновременно появилось и Требование Освобождения, тоже необъяснимым образом. Третье: он держал в руках этот документ, когда я арестовал его. Четвертое: он проявил подозрительное знакомство с уязвимыми местами пироподов, когда его собственная жизнь оказалась в опасности. Пятое: он преднамеренно покончил с сестрой Дельта Четыре, которая могла выдать его. Шестое: он намеревался сделать то же самое со мной, когда я отдал охране приказ разоружить его. В заключение приходится придти к выводу, сэр, что оператор-майор Бойс Ганн и есть тот самый Дитя Звезд.

— Но, сэр!.. — воскликнул Ганн.

Планирующий сделал знак рукой, и один из охранников выкрутил Ганну руку, заставив его замолчать.

— Так-то лучше, — хихикнул Планирующий. Он явно принял солидную дозу сообщности с Машиной. Он так пузырился веселым настроением, словно Машина до сих пор посылала импульсы

удовольствия в его мозг.

— Однако, — добродушно обратился Планирующий к генералу Вилеру, — один из охранников сообщил, что сестру Дельта Четыре убили вы, а не Ганн. Вы не могли ошибиться?

— Нет, сэр! Это невозможно, сэр. У меня нет мотивов.

Планирующий весело кивнул и поскреб пухлую стариковскую щеку. Поднявшись, он подошел к кварцевой стене своего «орлиного гнезда», прищурившись, глядя на закатное небо. С наветренной стороны от вершины закатное солнце словно подожгло венец из кучевых облаков. Его лучи играли на струях небольшого водопада под кварцевым переплетом и окрасили в мягкие золотистые тона покрытые вечнозелеными растениями крутые склоны.

— Собственно, — добавил Планирующий через плечо, — сестра Дельта Четыре не умерла. — Он улыбался, глядя на расположившийся у подножья горы окутанный коричневым смогом город. — Она сейчас в операционной. Ее сердце вышло из строя, но удалось восстановить кровообращение, прежде чем погиб мозг. Уже ведутся поиски донора, который снабдит ее новыми органами.

— Слава Плану! — в радости воскликнул Бойс

Ганн. — Сэр, она подтвердит, что я и понятия не имел о появлении пироподов, пока она сама не сообщила мне о нападении!

— Молчать! — проскрежетал генерал. — Охрана! Вам было приказано следить, чтобы он не болтал! По-моему, для ваших раненых товарищей понадобятся доноры. Тот, кто позволит этому человеку открыть рот, будет первым добровольцем!

— Не спешите, генерал, — усмехнулся Планирующий. — Вы слишком усердствуете. — Его глаза, прикрытые тяжелыми веками, казались такими же темными и старыми, как покрытые мхом каменные стены внизу, под прозрачным парапетом. Планирующий добродушно взирал на погруженный в пелену смога город. — Давайте планировать, — сказал он, поворачиваясь и улыбаясь. — Давайте решим, что делать.

— Нужно удвоить охрану в бункерах Машины, сэр, — быстро заговорил вице-Планирующий Венеры. — Ввести предельные меры безопасности... — он замолчал и почесал свой громадный нос, вспомнив, что ни Бойс Ганн, ни пироподы не прошли проверки Службы Безопасности перед тем, как проникли в тщательно охраняемые центры Плана Человека.

Мужчина-связник в черном балахоне, прислушивающийся к тихому жужжанию своего связь-куба, вдруг громко пропел:

— Машина требует участия арестованного. Машина дает указание генералу Вилеру не наносить арестованному вреда, влияющего на состояние его памяти или мышления.

Лицо генерала Вилера напоминало серо-стальную грозовую тучу. Планирующий, хихикая, повернулся к нему.

— Генерал, вы слышали приказ? — сказал он весело. — Извольте выполнять. Молодой человек, вы знаете, что означает этот приказ?

— Нет, сэр. Но я всегда готов служить Плану Человека!

— Да, да, конечно, — кивнул Планирующий. — И, как оказалось, совершенно необычным образом. Майор, выбор пал на вас. Вы замените сестру Дельта Четыре. Машина позволит вам получить необходимую подготовку служителя-связника, а потом — сообщность!

* * *

Тяжелого воротника безопасности было недостаточно для такого страшного врага Плана, как Бойс Ганн.

— Вы не просто опасник, — заботливо пояснил Ганну один из охранников, — Понимаете, майор, мы не хотим рисковать. Мы не хотим, чтобы вам оторвало вдруг голову. Мы не хотим вас убивать. Ведь мы должны доставить вас на место в целости, правильно? Поэтому просто стойте спокойно, пока мы наденем наручники... а потом доставим вас на базу подготовки... и потом, когда Машина с вами покончит, мы, наконец, оторвем вам башку!

С этими словами охранник свирепо застегнул тугие манжеты наручников на запястьях Ганна и толчком велел ему двигаться.

Сначала они привели его на станцию субпоезда. Они не отвечали на его вопросы. Все ли в порядке с Джули Мартин? Почему генерал Вилер лгал? Что с ним сделает Машина? На каждый из вопросов охранники отвечали одинаково:

— Заткнись, оп! Шагай!

Но потом шагать было уже некуда. Они пришли на станцию субпоезда. В большом холодном сводчатом зале громадные шары вагонов субпоезда ждали пассажиров, которых они понесут по туннелям, прорытым в земной коре под континентами и океанами.

Охранники вывели Ганна на платформу и

остановились. Ганн понял, что станция военная — возле выходов туннелей виднелись кабины вооруженной охраны, и на всех присутствующих была черная форма Технокорпуса. Это было вполне объяснимо — станция обслуживала исключительно Планирующего. Но было непонятно, почему поезда стоят неподвижно.

За спиной Ганна со свистом закрылись створки шлюза, выводящего в туннель. Девица-общительница погасила улыбку, заметив его воротник, и прошествовала мимо. Охранники рассеянно повернули ей вслед головы в рогатых радарных шлемах.

— Послушайте, — сказал Бойс Ганн, — что случилось? Почему мы ждем?

— Придержи язык, оп, — проворчал машинсержант, командовавший конвоем. Но вид у него был обеспокоенный. Один из подчиненных что-то ему сказал, сержант ответил вполголоса. Ганну удалось уловить лишь несколько слов: «Что-то не в порядке с туннелями, на каком-то участке. Помолчи. Когда они будут готовы нас принять, мы узнаем.»

Громадные сорокафутовые сферы вагонов безмолвно ждали, лежа в ложах несущих челноков на путях. Ганн смотрел на них, размышляя. Судя

по всему, едут они куда-то в отдаленное место. На короткие расстояния редко ездят субпоездом. Атомные буры Плана проложили прямые туннели между всеми важными центрами, пронизывая иногда сам никелево-железный слой земной коры, например, между Калькуттой и Сиднеем. Огромные грузовые и пассажирские шары-вагоны развивали такую скорость, что их главным противником становилась сила Кориолиса. Электростатические катушки, окольцовывающие стены туннелей, удваивали и утраивали силу по бокам, компенсируя вращение Земли, старавшееся отклонить вагоны с прямого пути. На субпоезде в любую точку земного шара можно было попасть за несколько часов.

В сознание Ганна проник шум замешательства, и он сконцентрировал внимание на происходящем в помещении станции. Огромная серая сфера плавно въехала в зал, выползая из открывшейся пасти туннеля, стены которого через равные промежутки перетягивали силовые катушки.

— Что-то они завозились, — проворчал машинсержант. — Ладно, пошли. Сейчас нас пустят в вагон.

Сержант не ошибся. Через десять минут они уже были внутри шара-вагона, усаживаясь в пас-

сажирском купе. Но прошло еще больше четверти часа, прежде чем Ганн почувствовал плавный толчок, означавший, что поезд начал двигаться.

Охранники, оказавшись в вагоне, держались с меньшим напряжением. Теперь Ганн не мог от них сбежать — деваться ему было некуда, они были заключены в сорокафутовую сферу. Снаружи были лишь огромные электростатические обручи-кольца да безвоздушное пространство туннеля, по которому поезд несся со скоростью нескольких тысяч миль в час. Пара охранников куда-то исчезла, потом появилась с довольными усмешками на лицах и дала возможность уйти остальным. Очевидно в вагоне имелся буфет. Даже сержант в радарном шлеме казался более похожим на человеческое существо.

Больше всего Ганн хотел узнать, что случилось с сестрой Дельта Четыре. В один из моментов, когда напали пироподы, она показалась ему не такой уж хладнокровной слугой Машины, она чем-то напомнила ту девушку, которую Ганн целовал в Плайя Бланка. Вдруг ему удастся снова завоевать ее или добиться от Машины необыкновенной награды — освобождения Джули Мартин...

Но это были только мечты. И, принимая во внимание его настоящее положение, совершенно

безумные.

Ганн сознавал, что каждую секунду, каждую свою мысль он должен направить на тщательное обдумывание ситуации, должен попытаться понять, почему он оказался в таком положении и что он может сделать. Но положение казалось безнадежным. С подобным тошноте чувством Ганн ощущал, что сходит с ума сама Вселенная. Начиная с того момента на станции Поларис, когда он решил проследить за полковником Зафаром, опустившимся на снежную протопланету, события несли Ганна вперед, подобно мощному потоку; он не мог в них разобраться и ничего не мог сделать, чтобы как-то повлиять на их ход. Дело было не в том, что Ганн не был способен их понять, а в том, что все происходящее не поддавалось объяснению в разумных определениях жизни Плана Человека...

Он снова вдруг почувствовал тошнотворное головокружение, и на этот раз в буквальном смысле.

Бойс Ганн в тревоге вскочил на ноги. Он не мог не вспомнить о странном головокружении, которое предшествовало его падению в двадцать миллиардов миль глубиной... и это было то же самое ощущение, которое он испытал перед

нападением пироподов на катакомбы Планирующего...

Но на самом деле причина была совсем в другом. Это ощущение сейчас легко объяснялось. Вагон субпоезда тормозил свой бег. Наконец, он застыл, медленно вращаясь между силовыми катушками в вакууме туннеля.

Если у Ганна и могли появиться сомнения относительно своих ощущений, то крики охранников быстро развеяли бы эти сомнения. Казалось, все пассажиры шарового вагона кричали одновременно.

— Что случилось? Мы остановились! Великий План, мы на глубине в пару сотен миль... Температура... Помогите... Выпустите меня!

Голоса сливались в неразборчивый шум, но в каждом из них, словно лезвие ножа, слышалась нотка паники. В вагоне субпоезда царил ужас, который невозможно было уменьшить словами, потому что причина его была слишком реальна.

Машин-сержант сразу оценил ситуацию. Кивнув антеннами радарного шлема, он проревел:

— Вперед, выходи! Эти бараны передавят друг друга, если мы их не приведем в порядок!

Бойс Ганн был оставлен в одиночестве. Он слышал, как охранники криками отдают приказы,

наводя спокойствие среди пассажиров субпоезда. Кажется, никто не мог сказать, что происходит. Поезд остановился, вот и все. Они повисли на глубине в несколько сотен миль, в жаре, которая была способна расплавить алюминий, где давление в пыль сокрушает даже алмаз, где их предохраняют только силовые кольца туннеля. Видимо, та же причина, которая задерживала движение перед их отъездом, снова вмешалась в движение поездов.

Разница была только в одном — здесь их не могла отыскать рука помощи со станции, и если бы в работе катушек силовых полей произошел сбой хоть на секунду, они погибли бы мгновенно. И даже если поле не исчезнет, они все равно умрут через несколько дней от удушья, если поезд не сможет снова двигаться.

Потом, совершенно неожиданно, Ганн почувствовал новый толчок — вагон пришел в движение.

Только когда громадная сорокафутовая сфера набрала скорость, Ганн осознал, что все это время почти не дышал. Люди за пределами купе испустили всеобщий вздох облегчения. Один за другим возвращались охранники, весело переговариваясь и смеясь. Теперь они казались

почти такими же, как все остальные люди. Они не включили Ганна в разговор, но и не старались заставить его молчать. Один из них даже исчез на несколько минут и вернулся с подносом напитков из буфета...

И в этот момент громадный шар вагона снова тряхнуло. Толчок... визг раздираемого металла... и они остановились, словно врезавшись в какую-то преграду. Ганна и охранников швырнуло на противоположную стенку купе, словно пригоршню камешков.

Ганн слышал вопли и скрежет ломающегося металла вагона.

— Конец! — завопил кто-то. — Поле погасло!

И, погружаясь в черноту обморока — он еще не чувствовал боли, но сознавая, что истекает кровью, — он слишком сильно ударился о стену и встать уже не мог, — Ганн успел подумать: «Он прав. Это конец.»

* * *

Когда он снова открыл глаза и обнаружил, что до сих пор жив, он ощутил едва ли не разочарование. Он лежал в палате госпиталя. Голова раскалывалась — казалось, целый корпус барабанщиков попользовался ею для репетиции.

Ганн все же рассмотрел из-под бинтов, что одна его рука заключена в белый кокон фиксатора.

Он уцелел.

Над Ганном склонилась сестра-общительница. Ганн произнес отчетливо:

— Я думал, что туннель рухнул.

— Тише, — мягко сказала сестра. — Он действительно рухнул. Но вы оказались у самой поверхности, и аварийной бригаде удалось откопать вас.

— Почти у поверхности? — скосив глаза, Ганн разобрал рядом с сестрой фигуру еще одного человека. На какой-то безумный миг ему показалось, что это сам Ангел Смерти, явившийся по его душу. Но потом он понял, что это всего лишь служитель-связник, державший в руке связь-куб и шептавший в скрытый в нем микрофон звенящие ноты.

— Значит... значит, я в центре обучения? — спросил Ганн.

Сестра кивнула.

— Попробуйте заснуть, — велела она. И Бойс Ганн был рад послушаться.

* * *

Целых три дня Бойс Ганн находился на положении выздоравливающего. Это было куда лучше, чем его прежний статус главного врага общества.

Ганн был пока свободен от опеки охранников — часть их погибла в аварии, и теперь им предстоял нелегкий процесс восстановления жизнедеятельности и замены поврежденных органов в одном из орган-банков. Ганн мог свободно гулять по крылу госпиталя, в котором находился.

Ему даже разрешили посещать комнату отдыха, которой заведовала девушка-общительница, напоминавшая ему Карлу Снег. Характер ее тоже был похож на характер Карлы. Она не показывала виду, что замечает воротник безопасности на шее Ганна. И, что важнее всего, она позволяла ему сколько угодно смотреть экран новостей.

Бойс Ганн так долго находился за пределами Земли, в Рифах и в штаб-квартире Планирующего, что совершенно отстал от текущих новостей.

Он сидел перед экраном, погруженный в мечты. Все, что происходило на экране, медленно погружалось в его сердце и сознание. Он с любовью смотрел на золотоволосых, длинноногих

общительниц, нежно ворковавших слова предупреждения: «Работайте для Плана! Живите для Плана! Ведь вы не хотите попасть на „Небеса“ и послужить запасными частями для орган-банка!»

Хотя Ганн понимал, что имеет весьма высокий шанс оказаться в орган-банке и превратиться в запасные части, он не боялся того, о чем пели девушки. Это была часть той жизни, которую он утратил, и он хотел снова в эту жизнь вернуться.

И прежде всего он желал снова обрести себя.

Бойс Ганн не мог принять себя в роли врага Плана, который был жестоко наказан самим Планирующим, подвергнут угрозам генерала Вилера, допрошен сестрой Дельта Четыре. Этот Бойс Ганн был существом, родившимся на станции Полярис, человеком, жившим среди рифовых крыс и странных существ, называемых пироподами и пространственниками. Фигура этого Бойса Ганна не помещалась в рамки другой его личности. Ганн не мог найти сумму двух столь разных людей и вывести вектор будущей жизни...

Он сидел, выпрямившись, и смотрел новости.

Он смотрел передачу мировых новостей, но лишь половиной сознания воспринимал то, что видел. А показывали вещи довольно занимательные.

ные. Сводка новостей представляла собой набор почти одних катастроф — авария космического крейсера уничтожила полгорода, в Антарктиде произошло землетрясение, на субконтиненте Индии взорвался реактор на фабрике. Катастрофы происходили не только в отдаленных районах. На экране появилось сообщение об аварии субпоезда, из-за которой он очутился здесь, в госпитале.

Но интереснее всего, что это было подано как диверсия!..

Ганн не верил собственным глазам. Он едва понял, что речь идет о той самой аварии. Толстый тех-полковник вкрадчивым голосом выдвигал обвинения. Преступная конспиративная организация подложила бомбу в поезд с целью дискредитировать Планирующего и Машину? Злобная диверсия? Казалось, речь идет о каком-то другом происшествии на какой-то другой планете. И, самая большая нелепость, — его, Ганна, выставляли как сверхзлодея, а машин-сержанта — как его сообщника!

Ганн поставил на стол стакан с обогащенным витаминами соком и, прихрамывая, направился к общительнице, заведовавшей комнатой отдыха.

Он весь дрожал.

— Прошу вас, — взмолился он. — Вы видели только что? Что все это значит?

— Ну, ну! — жизнерадостно, но с укором сказала общительница. — Ваша обязанность перед лицом Плана — выздороветь как можно скорей. Вы должны подготовить себя к возвращению на службу. Никаких вопросов, никаких тревог... только отдыхать и выздоравливать!

— В передаче было сказано, — с трудом проговорил Ганн, — что в аварии субпоезда виноват я. Но это неправда! И сержант охранников, отвечавший за мою доставку... что с ним?

Большие ясные глаза девушки на мгновение потемнели — она не знала, как воспринять слова Ганна. Но лишь на мгновение. Ей было приказано заботиться о враге Плана, она будет исполнять приказ. Она покачала головой и с улыбкой повела Ганна обратно к кушетке.

— Пейте ваш сок, — сказала она с веселой строгостью и больше ничего не прибавила. Для нее все, что План Человека определял как «верное» и «правильное», было верным и правильным.

Так же думал и Бойс Ганн.

Он думал, но сознавал где-то внутри, что в таком образе мыслей таится что-то опасное — для него и для всего человечества... потому

что если симпатичная и пустоголовая девица-общительница так безоговорочно принимала распоряжения Плана...

Он не мог сформулировать мысль до конца. Возникало впечатление, что он сам, и генерал Вилер, и даже Планирующий — и все человечество в системе Плана — были в каком-то смысле такими же пустоголовыми, как и эта общительница.

Но он не мог довести мысль до логического завершения. А потом время отдыха истекло, и больше он не имел возможности размышлять на подобные темы, потому что начал курс подготовки, который должен был привести его к посвящению в сообщность с Машиной.

* * *

Двухэлементное отношение: «Я ненавижу шпинат.» Трехэлементное отношение: «Я ненавижу шпинат, если он плохо вымыт, потому что в рот попадает песок».

С помощью преподавателей и учебников, гипнопедических лент, шептавших ему на ухо, когда он спал, и обучающих машин, командовавших Ганном во время бодрствования, он начал овладевать исчислением утверждений, логикой отношений, геометрией Гильберта, Аккермана

и Буля. Конъюнкция и дизъюнкция, аксиомы и теоремы, двойные отрицания и метаутверждения... все это хлынуло в его мозг вместе с разрушительными дилеммами и силлогизмами в стиле Барбара. Он учился, как переносить и соединять. Он изучил принцип экспортирования и научился применять точки в качестве скобок. Он познакомился с однолинейным построением фраз и нефлективной грамматикой машинного языка. Он узнал о разнице между символами восприятия и акции и обучался воспроизводить тональные символы, которые наводили мост между человеком и Машиной. Часами распевал он бесконечные гаммы в четверть ноты, в ушах его не прекращалось эталонное гудение осциллирующих сигналов. Он изучил строение таблиц истинности и как использовать их для обнаружения тавтологии в посылках.

Здесь не было классных помещений, была учеба и работа. Она казалась бесконечной. Ганн просыпался под тягучий речитатив магнитофонной записи, раздающейся из-под подушки, ел под названивание тональных четок, в изнеможении опускался на кровать, пока сквозь мозг его проносились схемы общего ввода информации.

За сценами учебного центра продолжал жить

своей жизнью весь остальной мир, но Ганн полностью потерял с ним связь. В редкие моменты ему удавалось уловить обрывки разговора между немногими людьми, с которыми он имел контакт — девушками-общительницами, подававшими еду, охранниками, бродившими по залам и коридорам. Но сознание его было слишком утомлено, чтобы пытаться сложить части в единое целое. Дитя Звезд. Требование Освобождения. Аварии в подземных туннелях. Взрывы космических кораблей. Но это не имело сейчас для Ганна значения. Всякий раз, когда у него хватало времени и сил подумать о чем-то другом, кроме обучения, он всегда представлял одно — тот момент, когда обучение закончится и он получит металлический знак сообщности.

Когда первый этап подошел к концу, Ганн этого тоже не заметил. Он лег спать, как всегда, уставший до предела. Он рухнул на жесткую койку в своей отдельной тесной комнатушке с покрытыми белой плиткой стенами. Сразу же из-под подушки зашептала учебная запись:

— ...генерировать матрицу К, использую механизм ассоциативного накопления дополнительно к контекстуальным отношениям координатного накопления. Пусть ряд і и столбец

j покажут степень ассоциативности...

Какая-то часть сознания Ганна впитывала информацию, хотя в основном работа происходила в подсознании. Сам Ганн сознавал лишь свое несоответствие заданию. Ему никогда не добиться тех чистых хрустальных тонов, которые умели выпевать сестра Дельта Четыре и остальные служители. У него неподходящий голос. Он никогда не освоит всей теории программирования. У него просто не хватит подготовки...

Он заснул.

* * *

На втором этапе обучения Ганн переселился в общую спальню. Койка здесь была такой же жесткой. Каждую ночь после отбоя на койки укладывались восемьдесят усталых и молчаливых обучающихся. И каждое утро под резкие, неприятные удары гонга они пробуждались в несколько уменьшенном числе — несколько коек пустовало.

Об исчезнувших никто не говорил. Вместе с ними исчезали и все их немногочисленные вещи, хранившиеся на узких полках над койками. Имена их вычеркивались из списка обучающихся. Они просто переставали существовать. Почему-

то об этом никто не спрашивал.

Но однажды ночью Ганна разбудил шорох торопливых шагов. Ганн рывком сел на койке; словно ему грозила смертельная опасность.

— Джим? — прошептал он имя своего соседа, недавно поступившего на обучение парня, у которого были мускулы борца и отличный чистый тенор. Его мать была девицей-общительницей, а отец погиб в космосе, выполняя задание Плана. — Джим, что?..

— Друг, ты ведь спишь, — прошептал в темноте хриплый голос. — Ну так и спи дальше — тебе же лучше.

Тяжелая рука толкнула Ганна в плечо, заставив его опуститься обратно на койку.

Ганн хотел бы помочь Джиму, но его охватил страх. Он видел, как темные силуэты склонились над соседней койкой. Он услышал сдавленный вздох Джима. Приглушенные голоса, шорох одежды, металлическое звяканье. Заскрипела койка. В лицо ударил тонкий луч, и Ганн зажмурился. Послышались удаляющиеся шаги.

Он долго лежал в темноте, прислушиваясь к дыханию спящих, число которых уменьшилось на одного. Джим так дорожил красной пластиковой медалью, которая говорила, что отец Джима

был Героем Плана Второго класса. У Джима был красивый чистый голос, но он слишком медленно постигал семантику.

Ганн был бы рад помочь, но он ничего не мог поделать. Машина требовала от своих избранных слуг чисто механических качеств. Возможно, Джим выказал недостаточное рвение превратиться в механизм. Ганн повернулся на жесткой койке и начал повторять про себя семантические тензоры. Вскоре он заснул.

11

Перейдя на второй этап обучения, Ганн понял, что первая фаза была по сравнению с ним чем-то вроде воскресного отдыха в отеле на берегу моря в компании общительниц. О ней он вспоминал теперь сквозь туман изнеможения. У него не было ни секунды, чтобы сбросить напряжение.

— Выгляди, как машина!

Монотонными голосами преподаватели вдалбливали в него это простое правило. Ясноглазые общительницы выпевали его, словно воркующие голуби, пока он стоял в медленно продвигающейся очереди к окошку раздачи пищи. Ослепительные знаки на стереоэкранах выжигали правило на сетчатке его глаз. Не знающие сна динамики гипнопедических установок шептали его из-под подушки.

— Выгляди, как машина!.. Действуй, как машина!.. Будь машиной!

Чтобы овладеть мириадами сложнейших тонов языка механо человек должен был превратиться в механизм. Сверкающие изображения и шепчущие динамики напоминали Ганну о тех, кто не

справился с задачей и попал в орган-банк.

Заключенный в тесную экзаменационную камеру, стены которой были выложены серой звукоизоляцией, Ганн согнулся в три погибели над черным связь-кубом, напрягая слух, чтобы уловить все поющие флексии механо, которые выпевало устройство.

— Кандидат... — Даже это слово едва не ускользнуло от него, — кандидат должен идентифицировать себя.

Ганн пропел ответ — но голос его был слишком хриплым и высоким. Он сглотнул, чтобы прочистить горло, потом провел пальцем по тональным бусинам.

— Кандидат Бойс Ганн. — Он еще раз сглотнул и пропел свой номер.

— Кандидат Бойс Ганн, вы проходите экзаменационную проверку, — мгновенно промурлыкал связь-куб. — Набрав положительное количество баллов, вы перейдете на новую ступень, приблизившись к высшему служению Машине, которое она награждает сообщностью. Но вы должны знать, что обратного пути для вас больше нет! В системе Плана нет места для потерпевших неудачу, учитывая их секретные знания и навыки. Единственный ваш путь в этом случае — в

центры утилизации.

— Я понимаю, я готов служить, — пропел он единую сложную фразу.

— Тогда начинается проверка, — прочирикал куб. — Вы должны отвечать на каждый вопрос, давая полные и четкие ответы на правильном механо. Каждая миллисекунда паузы и каждая неправильная нота будет заноситься в штрафные баллы. План не может терять время, не может позволить совершиться ошибке. Вы готовы начать?

Ганн поспешно пропел мелодию, означающую: «Я готов начинать».

— Ваша реакция была задержана на девять миллисекунд сверх оптимального интервала, — мгновенно проныл куб. — Ваш первоначальный тон был на двенадцать циклов выше требуемого. Ваш тональный рисунок неправилен. Длительность вашей фразы была больше стандартной на одну миллисекунду. Эти ошибки идут в ваши штрафные баллы.

— Я понимаю.

— Ваш ответ сейчас не требуется, — фыркнул куб. — Теперь приготовьтесь к первому вопросу текста... Назовите первый принцип механообучения.

Сначала, когда Ганн попытался пропеть ответ, голос его оказался слишком хриплым и низким. Связь-куб прогудел новую сумму ошибок Ганна, который даже не успел коснуться тональных четок, чтобы найти верный тон и сделать новую попытку.

— Обучение — это действие, — наконец неровно пропел он. — Это первый принцип механического обучения. Правильная реакция должна мгновенно закрепляться. Неправильная реакция должна мгновенно подавляться. Первое уравнение механического обучения гласит, что эффективность обучения интенсивно варьируется промежутком между реакцией и наградой.

— Ваша общая сумма штрафных баллов составляет сейчас 489 очков, — фыркнул связь-куб. — Приготовьтесь к следующему вопросу. Назовите второй принцип механообучения.

Ганн истекал потом, согнувшись на маленьком твердом сиденье. Темная серая комната казалась слишком тесной. Обитые изоляцией стены словно сжимались вокруг него. Он почти задыхался и судорожно набрал воздуха в легкие, чтобы ответить на второй вопрос.

— Обучение — это выживание — пропел он короткие фонемы, стараясь как следует их офор-

мить. — Удача в обучении — путь к жизненной адаптации. Неудача в обучении — смерть индивида. Второе уравнение механообучения утверждает: скорость обучения прямо зависит от величины награды и наказания.

Едва он замолчал, как зачирикал связь-куб. Даже для напрягшегося слуха Ганна это была лишь единая неразборчивая металлическая нота. Ему пришлось просвистеть просьбу повторить вопрос.

— Ваша сумма штрафных очков по восприятию достигла 90. — Издаваемые кубом ноты появлялись с немного меньшим темпом и были лишь чуть-чуть более много меньшим темпом и были лишь чуть-чуть более понятными. — Ваша общая сумма всех штрафных баллов составляет 673. Соотношение между положительными и штрафными баллами достигло критического уровня.

Мчащиеся друг за другом звенящие ноты, острые, как осколки стекла, не давали ему времени собрать метавшиеся мысли. Он смутно чувствовал, как стекает по ребрам едкий пот, как холодная испарина покрывает лоб, как жжет пот глаза.

— Приготовьтесь к следующему вопросу. — Это предложение было выражено всего одной слож-

ной фонемой за несколько миллисекунд, и Ганн едва не пропустил его смысл. — Назовите третий принцип механообучения.

Ганн тронул сонарные четки, взял верные ноты и пропел нужные фонемы.

— Третий принцип механообучения утверждает, что величайшим стремлением является избавление от страданий.

Ошибки Ганна все накапливались, а безжалостный связь-куб требовал определить принцип за принципом.

— Ваше испытание завершено, — сообщил наконец куб. — Ваша общая сумма всех штрафных баллов составила 5940. Вы должны сообщить эту цифру вашему руководителю группы.

Он едва успел по возвращении в барак выбить сумму своих баллов на клавиатуре группового компьютера. Он опоздал — всего на полминуты — на гимнастическое построение, за что получил два лишних круга в туннеле препятствий. Оказавшись последним в очереди за ужином, он так устал, что не в силах был есть и за разбазаривание пищи получил еще две желтые фишки в наказание. Когда он наконец добрался до койки, он почувствовал, что слишком устал, чтобы заснуть.

— Кандидат Ганн!

Он не заметил, как темные силуэты окружили его койку. Бледная игла света уперлась в его форму, его вещевой мешок, его ботинки. Хриплый шепот отдал ему приказ. Минуту спустя он уже пробирался, волоча ноги, по темному проходу между койками, на которых тяжело дышали спящие кандидаты. За спиной он нес свой мешок.

Итак, это и означает конец? На секунду у него ослабели колени, потом он почувствовал непонятное облегчение.

Он уже почти стремился в орган-банк с его забытьем. Потому что а орган-банке уже не будет связь-кубов. Ему не придется больше распевать труднейшие гаммы или зазубривать таблицы семантических переменных.

Теперь все позади.

Облаченный в черное эскорт позволил Ганну присесть вместе с ними за стол в пустом зале столовой. Сонная общительница, зевая подала им завтрак. Ганн ничего не ел, только выпил две чашки кофе, от которого во рту осталась горечь.

Он присоединился к группе из пяти таких же сонных и огорошенных кандидатов, которые, очевидно, прибыли из других бараков. Они вошли в вагон военного субпоезда и через некоторое

время вышли уже в другом месте. Мимо хмурого часового они промаршировали в новую пещеру, где располагался другой центр обучения.

Ганн оставил свои вещи в крошечной комнатке-камере с выложенными плиткой стенами и доложил о прибытии оператор-майору, имевшему вид живого трупа, лысая, как полено, голова которого была украшена шрамами — следами нападения венерианского аэробного паразита. Майор сухо отдал честь в ответ за приветствие Ганна. Рука его была затянута в черную перчатку.

— Поздравляю, майор Ганн.

Уставясь на высохшего, как палка, майора, перекладывавшего на столе перед собой какие-то бумаги, Ганн вдруг понял, что черная перчатка — это вовсе не перчатка, а утилизованная рука, доставшаяся майору от какого-то негра.

— Вы успешно завершили вторую ступень обучения на пути к посвящению в служители Машины, — не в силах отвести глаз от черной руки, Ганн едва слышал слова майора. — Вас направили сюда для прохождения третьей ступени обучения.

Призрак улыбки тронул желтое пятнистое лицо майора.

— Вы набрали необыкновенную сумму баллов, майор Ганн, — добавил он. — Машина особо отметила вас. Поздравляю, вы можете гордиться.

Когда этот факт, подобно куску льда, достиг сознания Ганна, он покачнулся. Он вовсе не гордился. Он стоял, потеряв дар речи, не в силах вздохнуть, содрогаясь от потаенного ужаса.

— Вы прошли долгий путь, майор. — Желтые шрамы превратили улыбку майора в маску агонии. — Вы избежали опасности утилизации. Вы далеко ушли по пути к высшей награде. — Черные пальцы майора с сожалением коснулись его собственного лба, где пластинки-контактора не наблюдалось. — Вам очень повезло, майор Ганн!

Ганн пошатнулся. Внезапно вся эта комната, залитая резким светом, уставленная серыми кожухами компьютеров, показалась ему нереальной вместе с лысым желтолицым майором. До ужаса реальными были блестящие ледяные скальпели и пилы хирургов, возникшие в его воображении, которыми в лобной кости Ганна будет выскоблено гнездо. Сверла вонзались в макушку и виски его обритой головы. Тонкими жесткими иглами они пробирались до самых глубин нервных центров. Они хладнокровно вторгались в самые интимные уголки его суще-

ствования...

Ему хотелось закричать.

— Что-то случилось, майор Ганн? — Высохший майор в тревоге привстал. — У вас нездоровый вид.

— Все в порядке, сэр. — Собравшись с силами, Ганн слабо улыбнулся. — Понимаете, я не знал, что перешел на третью ступень. Я думал, мы в центре утилизации.

— Это скоро пройдет. — Ухмылка майора стала еще более отталкивающей. — С вашим послужным списком можете быть уверены — вы уже почти получили посвящение в сообщность. Как бы я хотел быть на вашем месте.

— Бла... — Ганн постарался проглотить сухой, как песок, комок, вставший поперек горла. — Благодарю вас, сэр!

* * *

Механоинструктор оказался десятифутовым устройством в виде груши. Обшивка его сверкала алюминием. Покачиваясь на массивных карданных подвесах из серой стали, он стоял в мрачной пещере, сквозь которую постоянно дул ветер, а с бетонного сводчатого потолка капала влага. Толстые черные кабели и шланги, змеясь, уходили к

контрольной панели у входа в пещеру.

— Вот она, сэр! — Преподавателем оказался молодой полный тех-лейтенант с розовым лицом младенца, голубыми глазами и яркой пластинкой-контактором посреди лба. — Совершеннейшая обучающая машина!

Ганн совсем не был в этом уверен. Весь покрытый каким-то липким желе, облаченный лишь в свободный серый комбинезон, он остановился на миг у выхода из туннеля, без всякого удовольствия глядя на громадную металлическую грушу.

— Становитесь прямо сюда, сэр. — Лейтенант послал ему невиннейшую улыбку. — Скидывайте комбинезон и вперед. — Круглые голубые глаза вопросительно моргнули. — Вы готовы, сэр?

Он был весь мокрый, липкий из-за желе, и комбинезон был слишком тонким. Он вдруг задрожал на пронизывающем ветру. Он совсем не хотел изучать механо. Он не желал награды в виде электродов в мозгу. Но он сглотнул и сказал, что готов.

— Тогда вперед, сэр. — Тех-лейтенант коснулся панели управления. Зашипели воздушные клапаны. Огромная металлическая груша запрыгала в подвесках и раскрылась, как разрезанная.

— Вперед, сэр. — Лейтенант уважительно коснулся его плеча. — Поднимайтесь по лесенке. Там разденетесь. И ложитесь прямо на сенсорно-эффекторную оболочку. — Он тихо засмеялся. — Многие чувствуют себя поначалу не в своей тарелке, но потом вы привыкнете, сэр.

Ганн глубоко вздохнул и начал взбираться вверх по лестнице. Металлические поручни были холодными и липкими. Ветер холодил обритую голову, и во рту вдруг появился неприятный горький привкус кофе.

Он стащил комбинезон и осторожно ступил на розовую мембрану, покрывавшую изнутри поверхность груши. Мембрана сморщилась под его весом, теплая, влажная, почти живая, потом упруго подтолкнула Ганна к центральному углублению.

— Все готово, сэр?

Он постарался не отвечать на жизнерадостную реплику лейтенанта, потом услышал шипение воздуха, и верхняя часть груши закрылась. Мягкая теплая мембрана ласково уложила Ганна в приготовленное углубление. Вокруг сомкнулась абсолютная тьма.

Он попытался вскрикнуть, но не мог вздохнуть.

Но тут в легкие хлынул свежий воздух. Сквозь закрытые веки он увидел розовый свет.

Он открыл глаза и обнаружил перед собой сестру Дельта Четыре. На самом деле, как он понимал, это был лишь проецируемый в его мозг фантом, но она казалась достаточно реальной. Он знал, что это должен быть фантом, потому что ее не могло быть здесь, в подземном центре. И все же она стояла перед ним, совсем как живая. В балахоне с капюшоном и черной коробочкой связь-куба, она шла вдоль поросшего пальмами кораллового берега, очень похожего на тот, в курортном городе Плайя Бланка.

И он шел ей навстречу.

Приникшие к коже эффекторы механоинструктора воссоздавали любое ощущение: холодную твердость мокрого песка, жар солнечных лучей, прохладное дуновение океанского бриза. Он слышал глухие удары волн о плиты волнолома, чувствовал острый запах гниющих водорослей и даже слабый аромат духов Джули... она была уже рядом и разговаривала с ним самым живым теплым голосом Джули Мартин, который он не мог забыть.

— Вот мы и прибыли, — говорила он. — Здесь мы проведем твой первый урок с помощью

механоинструктора, модель 8. Этот прибор является практически последним словом в области достижения стопроцентной эффективности обучения. Если ты будешь стараться, то я уверена, что процесс покажется тебе очень приятным и полезным.

Она улыбнулась ему.

— Итак, — продолжала она, — мы сейчас начнем вводный урок в технический словарь языка механо. Он построен на том же принципе экономии, хорошо тебе известном: один слог для одного предложения. Совершенно очевидно, что для этого требуется большое количество слогов. Общий объем словаря механо, как мы считаем, составляет более миллиарда монослогов — более миллиарда предложений звуков.

Он стоял на песке пляжа — или ему так казалось, потому что синтетические ощущения, созданные механоинструктором, заставляли его позабыть, что он может на самом деле находиться совсем в другом месте. Холодная волна с шипением прокатилась по его босым ногам, потом вода ринулась обратно в море.

— Это невозможно! — запротестовал он. — Я не могу запомнить миллиард слов!

Тихий смех Джули остановил его.

— Ты даже не представляешь. — Хотя она говорила на обычном языке людей, ее голос, казалось, пел песню. — Ты даже не представляешь, что может сделать с тобой механоинструктор. — Морской бриз вдруг приподнял ее капюшон, и Ганн заметил блеск пластинки на ее лбу. Несмотря на теплоту тропического воздуха, он почувствовал, как по спине бегут ледяные мурашки. — На самом деле тебе не нужно учить все слова, — пояснила она. — Ты должен научиться составлять монослоги языка механо из нескольких тысяч готовых фонем. Ты должен научиться слышать и понимать самые малые вариации в ударении и высоте звука и некоторые другие простые явления артикуляции.

— Но я не смогу! — погрузив ступни в песок, он ждал, пока она повернется. Он не хотел ничего учить, хотя едва ли решился бы прямо сказать ей это. Он искал спасения от электронных зондов, которые проникнут в его мозг, когда он выучит механо. — Я не смогу научиться произносить миллиард различных слов.

— Тебя ждет сюрприз. — Ее смех был таким же мелодичным, как и голос. — Начнем.

Он упрямо тряхнул головой, стараясь не забывать, что белый песок на самом деле не существо-

вал, что соленый ветер и сама Джули тоже не были реальными.

— Старайся, — сказала она мягко, но настойчиво. — Если ты будешь стараться, мы немного позже сможем поплавать. — В ее глазах светилось дразнящее обещание, а проворные белые ладони сделали соответствующий жест, словно сбрасывали капюшон и балахон. — Ты должен стараться.

Овальное лицо Джули вдруг стало серьезным.

— Если ты не будешь стараться, то пожалеешь об этом, — сказала она медленно и с печалью. — Я не хочу напоминать тебе о третьем принципе механообучения... но величайшей наградой является избавление от страданий.

Она пожала плечами, и ее быстрая улыбка ослепила Ганна.

— Начнем!

Они начали с глагольных тонов. Малейшие вариации тона означали изменение в наклонении, лице, виде. Она пропела сложную ноту. Честно стараясь повторить ее, Ганн вскоре все же получил новое напоминание о третьем принципе.

Даже малейшая ошибка означала вспышку боли, а ошибки он делал часто, и далеко не мелкие. Даже когда он реагировал мгновенно и выпевал

фонему, казавшуюся ему точно такой же, как эталонная, он часто ошибался и тут же за это наказывался.

Потому что на самом деле он был не на ослепительном песке кораллового берега. На самом деле он был заключен внутри громадной металлической груши механоинструктора, эффекторы которого проникли к каждому дюйму обнаженного тела Ганна. Они могли сделать его онемевшим от холода или горящим, как в огне, могли сдавить, как клещами.

И часто они так и делали. Малейшая погрешность бросала его с солнечного берега в своего рода механистический ад, где он всем своим существом жаждал получить высочайшую награду — конец страданий.

Иногда он оказывался в ловушке на борту разбитой ракеты, падавшей на Солнце. Воздух со свистом покидал продырявленный метеоритом корпус, легкие Ганна разрывались в агонии. Жестокий свет бил через рваную дыру, слепя, сжигая глаза. Отсек превратился в раскаленное жерло печи, в которой варилось покалеченное тело Ганна — и одновременно он продолжал слышать голос Джули Мартин. Голос достигал ушей Ганна через динамик лазерного передатчика. Слад-

ким голосом выпевала она комбинации фонем, которые он должен был заучить. Со всхлипом втягивая воздух, он изо всех сил старался отвечать правильно. Законы автоматизированного обучения он теперь изучил на самом себе.

Когда он ошибался, жар грозящего поглотить его Солнца становился на какую-то долю еще более невыносимым. Когда ответ был правильным — в пределах ошибки, установленной Машиной — жар немного уменьшался, в сожженные легкие вливался глоток свежего воздуха.

Когда ему удавалось несколько раз подряд ответить правильно, в кошмаре делался интервал. Он снова оказывался в обществе Джули Мартин на снежно-белом песке пляжа. Она обещала ему купание в прохладных волнах моря или вела к столику с высокими запотевшими стаканами с напитками, которые ждали их под сенью пальм. И тут же начинался новый труднейший урок.

И всякий раз, прежде чем они достигали прибоя или столика с напитками, он делал новую ошибку. Как и требовали законы автоматического обучения, всякая неправильная реакция тут же подавлялась, хотя наказания варьировались, словно Машина экспериментировала, чтобы выяснить, какой вид страданий наиболее

эффективен.

Иногда он в поту лежал на госпитальной койке станции, парящей в верхних слоях атмосферы Венеры, с шумом втягивая воздух, превратившийся в горячий густой туман. Анаэробные паразиты, словно кислота разъедали кожу, а голос Джули ворковал, выпевая монослоги механо из радиоприемника рядом с кроватью.

Иногда он обнаруживал себя среди камней обвала в пещере под теневой поверхностью Меркурия. Валун навалился ему на грудь, грозя расплющить ребра, на лицо капала ледяная вода, вокруг ползали большие фосфорические червяки, не спеша пожирая выступающие из обвала части тела Ганна. Из темноты доносился певучий голос Джули Мартин. Она повторяла слоги, которые Ганн должен был изучить.

Всякий раз правильные ответы награждались слабым облегчением страданий. Всякий раз достаточно солидная сумма правильных ответов давала ему хотя бы небольшую передышку от мучений. Всякий раз, когда он возвращался в компанию Джули, она встречала его дружелюбной улыбкой. Ее прохладные руки ласково гладили Ганна, в глазах светились слезы сострадания.

— Бедненький, — ворковала она. — Я знаю,

тебе очень трудно. Но ты не должен сдаваться. Только не забывай, чего ты должен добиться. Когда ты узнаешь достаточно много, ты будешь посвящен в сообщность. Тогда мы будем вместе. Давай теперь начнем новый урок. Если ты хорошо себя проявишь, то Машина разрешит нам искупаться.

Каждый раз, когда она упоминала о сообщности, он вздрагивал. Или когда случайно замечал выглянувший из-под капюшона диск контактора на лбу девушки. Он был достаточно осторожен, чтобы не выдать этого тайного страха, но иногда ему казалось, что Машина не могла не обнаружить его — со всеми этими сенсорами, покрывавшими каждый квадратный дюйм тела Ганна.

Потому что его страх перед сообщностью все рос и рос, словно колдовской зловещий сорняк, пока не стал сильнее всех ужасов синтетического ада, созданного механоинструктором, чтобы наказывать его за грубейшие ошибки. Страх этот притаился в темном углу сознания Ганна, как жуткий бронированный пироподь. Наконец, он стал таким нестерпимым, что он начал умолять Джули выпустить его из тренажера.

Она засмеялась.

— Да тебе просто повезло, — весело объявила она. — Мне пришлось учить механо гораздо более сложным способом. С помощью же тренажера тебе ничего другого просто не остается. Попытка за попыткой, и ты и заметить не успеешь, как будешь посвящен в сообщность.

Он не осмелился сказать ей, что не хочет такого посвящения.

— В самом деле, — жизнерадостно продолжала Джули, — тренажер — это просто как утроба матери. Внутри него все твои неэффективные человеческие реакции будут перестроены. Ты научишься реагировать быстро и точно. Когда ты снова «родишься» и выйдешь из тренажера, ты будешь совершенным детищем Машины.

Он постарался сдержать охватившую его дрожь.

— Теперь начнем знакомиться со структурами существительных, — радостно предложила Джули. — Ты уже овладел основами анализа механо, рассматривающего вселенную как процесс. В сущности, в механо нет ни глаголов, ни существительных, а есть объекты — в движении. Ты не забыл?

С ужасом вспомнив горнило разбитой ракеты, жгучую боль от разъедающих тело паразитов на

Венере, рвущие тело жала фосфорических червяков в пещере на Меркурии, он поспешно кивнул.

— Например, — пропела Джули, — для всех объектов из твердого вещества имеется одно базовое имя. Такие аспекты, как размер, форма, материал и назначение указываются с помощью флексий. Но это не существительное, потому что глагольная интонация всегда напоминает о процессе движения и изменения, поэтому каждая многослоговая форма является законченным утверждением.

Мягкая улыбка Джули дразнила Ганна.

— Если ты будешь стараться, то, может быть, мы немного поплаваем.

Он старался — третий принцип механообучения принуждал его к этому — но до воды они так и не добрались.

Наступил момент, когда Джули вдруг исчезла. Он услышал шипение воздуха, почувствовал на вспотевшем обнаженном теле ледяное дуновение наружного воздуха.

Снова вернувшись в центр обучения, он выбрался из мембраны сенсорно-эффекторной оболочки, натянул комбинезон и, покачиваясь спустился по металлической лестнице.

— Добрый вечер, сэр. — У юного тех-лейтенан-

та теперь вид был скучающий и сонный. — До завтра, сэр.

Ганн страстно желал больше никогда не встретиться с этим лейтенантом, никогда больше не увидеть грушу тренажера, потому что это означало, что он будет введен в сообщность. Он отчаянно хотел бежать куда-нибудь — в Рифы Космоса, к Карле Снег...

Но у него не было сил, его охраняли и стерегли. Он не знал, где находится... быть может, под горой... или под дном океана. Он выполнил положенную программу упражнений, принял горячий душ, выстоял очередь за ужином и отправился в свою маленькую комнатку спать.

Совершенно внезапно загремел сигнал гонга. Пришло время вставать, снова брить голову, снова раздеваться и намазываться липким желе, снова возвращаться в утробу Машины...

* * *

И наступил момент, когда Джули Мартин — или ее спроецированный фантом — устроила ему испытание, а потом, улыбаясь, сообщила, что он выдержал экзамен.

— Теперь ты заслужил сообщность. Ты готов родиться заново.

Он едва не закричал, что не хочет получать сообщности. Но он прикусил губу. Он хранил молчание, пока фантом Джули Мартин не исчез и не зашипели воздушные клапаны, и его не опахнуло холодным ветром, и он был наконец рожден из чрева Машины.

* * *

В полубессознательном состоянии — наркотики, в отчаянии прошептал он про себя — он обнаружил, что лежит на койке. Он не помнил, как попал сюда. Он знал только, что с ним что-то не в порядке. В воздухе чувствовался непонятный, едва уловимый запах, за дверью чудилось едва уловимое движение, словно кто-то стоял там, ожидая, когда Ганн заснет.

Потом подействовал усыпляющий газ, подававшийся через подушку. Ганн уснул. Как мертвый.

Проснувшись, он сразу почувствовал несильную, но ощутимую боль. Болела лобная кость, саднило кожу. Теперь он был в другой комнате — в палате послеоперационных больных, с зелеными стенами.

Он мог и не касаясь лба сказать, что, пока он спал, хирурги провели тончайшую операцию, имплантировав волосяной толщины электроды

в точечные центры в его мозгу. Теперь на лбу Ганна блестел металлический знак сообщности.

* * *

В мозгу любого млекопитающего, кроме нервно-проводящей ткани, имеются специальные участки, которые заведуют настроениями и эмоциями, а также, например, двигательной активностью, саморегуляцией организма, сознательной мыслительной деятельностью и прочими аспектами деятельности мозга.

Одна из таких зон является центром наслаждения. Врастите в него тончайший платиновый электрод. Пустите по нему слабый, всего в несколько миллиампер, электрический ток. В результате получаете настоящий экстаз! Снабдите подопытное животное таким электродом и педалью, с помощью которой оно может управлять сигналами, и животное будет нажимать на педаль, нажимать... нажимать... не останавливаясь даже, чтобы поесть и попить... оно сожжет себя удовольствием, пока не упадет от истощения сил, а проснувшись, сразу начнет снова нажимать на педаль...

Разряд наслаждения, ударивший в само существо Бойса Ганна в первый момент после

пробуждения, превзошел все, что он мог вообразить. Это было одновременно и осязательное, и акустическое, и обонятельное ощущение, свет, вкус, запах, касание, дикое наслаждение любви и вызывающая дрожь радостного ужаса опасность разных видов спорта — все это было сложено вместе и усилено почти до невыносимости. Время остановилось.

Ганн плыл в бурном море ощущений.

Многие эпохи спустя он снова почувствовал, что вернулся в свое тело. Волна приведенной до собственной квинтэссенции страсти откатилась прочь, оставив его высушенным и разбитым.

Он открыл глаза и увидел, как медработник Техкорпуса отводит в сторону руку с кабелем сообщности. Ганн был отрезан от радостного и восхитительного общения с Планирующей Машиной.

Он вздрогнул, глубоко вздохнул и примирился с неизбежностью — он снова стал человеческим существом. Теперь он понимал сестру Дельта Четыре. Он готов был встретить свою судьбу в сообщности с Машиной. Не было более высокой награды, не могло существовать более важной цели...

Сквозь туман, еще не полностью покинувший

его взгляд, он все же успел заметить, что лицо медработника было странно бледным, словно он чего-то испугался. Откуда-то доносились громкие голоса, один из них казался странно знакомым.

Ганн вяло поднялся на ноги, чувствуя себя страшно разбитым. Дверь вдруг распахнулась, и в комнату, как яростный тайфун, влетел генерал Вилер.

— Ганн! — рявкнул он. — Ты, Дитя Звезд! Что ты натворил?!

— Я? Натворил? Ничего, генерал... И я не Дитя Звезд, клянусь!

— Дерьмо! — заухал генерал. — Кому ты врешь! Говори, что ты сделал с Планирующей Машиной?!!

Ганн начал что-то бормотать в собственное оправдание, но генерал не дал ему открыть рта.

— Ложь! — ярился он. — Ты и есть Дитя Звезд! Ты уничтожил нас всех! Признайся же! Признайся, что это ты свел с ума Планирующую Машину!!!

12

План Человека был охвачен безумием. Во все уголки Земли, в дальние пределы пояса астероидов, в термоизолированные убежища Меркурия и никогда не видевшие солнечного света ущелья Плутона, и на медленно вращающиеся космические крепости Заслона запустил свои страшные щупальца ужас.

Неправильные маршрутные указания привели к столкновению двух субпоездов в двухстах милях под поверхностью земли. Шестьсот человек погибли в мгновенной вспышке раскаленных газов, в которые превратились вагоны.

Тех-капитан на Венере получил очередные программные указания от Машины, повернул нужный выключатель и затопил нефтяной район в сорок тысяч акров с таким трудом осушенной почвы.

На сцене огромной Аудитории в Пепинге, где должен был произнести речь вице-Планирующий Азии, появился «человек из золотого пламени». Золотой человек исчез так же внезапно, как и возник, и тут же двадцать разъяренных пиропо-

дов возникли из пустоты, убивая и разрушая все в пределах досягаемости. Вице-Планирующий опоздал всего на несколько минут, вследствие чего жизнь его была спасена.

Генерал Вилер отрывисто познакомил Ганна со списком катастроф, постигших План Человека.

— Дитя Звезд! Сначала появился ниоткуда в бункере Машины, а теперь сама Машина сошла с ума! Мы больше не можем полагаться на ее данные. Ганн, если Дитя Звезд — это ты...

Бойс Ганн почувствовал, что с него хватит. Перекричав рычание самого машин-генерала Вилера, он заорал:

— Генерал! Я не Дитя Звезд! Не будьте дураком!!!

Внезапно машиноподобная маска, заменявшая генералу лицо, содрогнулась и смягчилась. Минуту спустя он заговорил снова, почти что уже человеческим голосом.

— Да. Видимо, это так. Но, во имя Плана, что же тогда происходит?

— Я думал, что это вы мне расскажете, — проворчал Ганн. — Что это вы такое упоминали о самом Дитя Звезд, которого видели в бункерах Машины?

— Охрана доложила, что в Машину проник по-

сторонний. Был выслан отряд, и они его засекли. Он находился в зале ручного управления — делал переключения, стирал данные с целых миль пленки, изменял соединения. Теперь Машина сошла с ума, Ганн. И вместе с ней с ума сходит План. Во всем мире.

— Неважно! Как он выглядел, этот Дитя Звезд?

Машин-генерал Вилер шевельнул квадратными плечами и хрипло пролаял:

— Как человек. Золотая кожа, как доложила охрана. Почти светящаяся. Были сделаны снимки, но мы не смогли его опознать. Он на вас не был похож, Ганн... но я думал, что...

— Что все равно вам следует сюда явиться. И использовать меня как козла отпущения. Так? Тем же способом, какой вы использовали, выдавая меня за убийцу сестры Дельта Четыре?

Генерал попытался возразить. Потом его губы сжались, как дверцы ловушки. Он дважды кивнул. Движения его головы напоминали покачивание стрелки метронома.

— Да!

Ганн совсем не ожидал такого быстрого признания.

— Но почему? — только и мог спросить он. — Зачем вы в нее стреляли? Чтобы убрать свидетеля?

— Конечно, — проскрипел генерал Вилер.

— И указать на меня как на самого Дитя Звезд? Чтобы приобрести больший вес в глазах Планирующего и Машины?

— Совершенно верно, — прохрипел генерал.

Ганн задумчиво посмотрел на него, потом сказал:

— Но что-то заставило вас передумать? Что же это было?

Генерал ответил, ни на йоту не изменив тона. Лишь слегка порозовевший лоб и легкая испарина на лице показывали, в каком он находится напряжении.

— Девушка не умерла, — проворчал он. — Она рассказала Планирующему, как было дело. О том, что я нашел документ и свалил вину на вас. Планирующий доложил Машине, и...

— И что? — Ганн подался вперед.

— Машина сошла с ума, — с трудом прохрипел генерал. — Она приказала арестовать меня. Потом потребовала ареста сестры Дельта Четыре, вице-Планирующего Центральной Америки, охранников Великого Зала, даже самого Планирующего... Началась паника. Мне пришлось пробиваться с боем. Я добрался до самолета — того самого, в котором Дельта Четыре прибыла в

штаб-квартиру Планирующего — и бежал. Но мне придется покинуть Землю, Ганн! Я хочу, чтобы вы сопровождали меня в Рифы, потому что... мне необходимо бежать отсюда.

— Бежать? Почему?

— Выбираясь из Зала Планирующего, — прозвенел голос генерала, — я убил двух человек. Один из них был сам Планирующий.

* * *

Бойс Ганн до сих пор не имел понятия, в каком месте Земли находится центр обучения. Когда они выбрались на поверхность, он впервые увидел стену гор на севере, почувствовал укус ледяного воздуха и понял, что они находятся на одном из плато в предгорьях Гималаев. Тысячелетиями в этой пустынной местности скитались лишь кочевники. Теперь же пониже выплавленного в скале посадочного поля ракетодрома гудел водяной поток, падавший с плотины гидроэлектростанции.

Но у здания станции был странный вид. Пока машин-генерал Вилер быстро вел его к ожидающему реактивному самолету, Ганн успел разобраться, в чем дело. Даже на расстоянии было видно, что это уже не станция, а руины. В

огромных оконных проемах не отблескивало ни одного стекла. В массивных каменных стенах цоколя появились трещины. Внутри здания должен был произойти мощнейший взрыв.

— Не оглядывайтесь! — резко приказал генерал. — Скорее в кабину! Там вас ждет приятный сюрприз.

Ганн последовал за ним. Если процесс разрушения и упадка проник даже сюда, то его масштабы должны выходить за пределы всего, что он мог себе вообразить.

И все это сделал Дитя Звезд?

Но кто он? Мысли Ганна, спешившего вслед за генералом, превратились в стремительный поток воспоминаний и впечатлений. Потрясшая до основания все его существо вспышка сообщности с Машиной. Ужасная схватка с пироподами в Зале Планирующего и потрясение от первой встречи Джули Мартин в облике сестры Дельта Четыре. Долгое головокружительное падение сквозь пространство, с Рифов на Землю. Невероятный отшельник Гарри Хиксон...

Его способность воспринимать неожиданное была почти на пределе. Он едва заметил, что они уже достигли ожидавшего их самолета. Вслед за генералом он поспешил подняться к открытому

люку и тут увидел, кто ждет его внутри.

— Джули! — воскликнул он. — Джули Мартин!

Но ответила ему сестра Дельта Четыре.

— Входите. Закройте люк. Нам нужно взлететь немедленно! Я получила сообщение от Машины.

Генерал Вилер прореагировал мгновенно. Повернувшись, он захлопнул люк, потом одним прыжком достиг сестры Дельта Четыре и вырвал из ее рук черную коробочку связь-куба.

— Дура! — проскрежетал он. — Сообщение! Ты что, не понимаешь, что Машина сошла с ума? Ее испортил Дитя Звезд. Теперь она больше не служит Плану. Ты сама видела доказательства. Неужели ты не понимаешь, что происходит?

Девушка спокойно подняла голову и взглянула на генерала с обычным отсутствующим выражением во взгляде. Черный капюшон упал, открывая блестящий металл пластинки контактора, такой же, как и во лбу Ганна.

— Я служу Машине, — сказала она своим мелодичным голосом. — Генерал Вилер, вы предатель, приговоренный к смерти.

— И ты тоже, в таком случае, — проворчал генерал. Он бросил связь-куб Ганну. — Держи. Следи за ней, пока я подниму самолет. Нам нужно как можно скорее убираться с Земли.

Он нырнул в кабину управления, чтобы настроить автопилот, который запустит моторы, поднимет самолет в воздух и направит прямо к пункту назначения, даст радиозапрос на посадочные инструкции и опустит машину в нужной точке. Ганн взглянул на связь-куб в своей руке, потом на сестру Дельта Четыре.

В специальном отделении одной из граней куба хранился штепсель сообщности. Ганн видел, как ярко блестят его электроды, так точно соответствующие отверстиям на пластинке в его собственном черепе.

Если бы он, вдруг подумал Ганн, вытащил штепсель и вставил его в гнездо контактора... если бы он вошел в сообщность... он бы снова испытал то, почти невыносимое наслаждение, экстаз души и чувств, с которым уже познакомился час назад.

Соблазн был непреодолимым.

Он хорошо понимал Джули... то есть сестру Дельта Четыре, он гораздо лучше понимал ее теперь. С этим не мог сравниться никакой наркотик. Ничто на свете не могло быть сильнее этого зова.

Он теперь понимал, почему Джули покинула семью, мир, все удовольствия обычной жизни и самого Ганна, променяв все это на балахон слу-

жителя Машины.

Он понимал ее потому, что сам оказался на грани совершения подобного выбора — после всего лишь одного сеанса...

Быстрым движением руки, пока решимость не оставила его, Ганн швырнул коробочку на пол кабины. Связь-куб затрещал и зажужжал. В этом жужжании Ганн разобрал несколько связных нот-морфем, которые изучил, но не стал разбираться в их значении, не дал связь-кубу времени вымолить пощаду. Он поднял ногу и раздавил устройство, как ядовитое насекомое. Жужжание оборвалось. Мелькнули слабые голубоватые вспышки электрических искр, и в следующее мгновение от связь-куба осталась лишь спутанная масса осколков, печатных схем и расплющенных транзисторов.

— С этим покончено, Джули, — сказал он. — Это конец нашей связи с Машиной.

Она молча глядела на него темными равнодушными глазами.

— Неужели ты ничего не хочешь сказать? — не выдержал Ганн.

— Только то, что мне было приказано передать вам, майор Ганн. Сообщение, полученное от Машины.

— К черту Машину! — крикнул Ганн. — Неужели ты не понимаешь, что с этим покончено? Все! Сначала нужно разобраться в том, что произошло, а потом — только *потом* мы, может быть, снова сможем использовать Машину. Использовать! И не позволим больше, чтобы она использовала *нас!*

— Я ничего об этом не знаю, майор Ганн, — пропела девушка. — У меня только одно сообщение. В нем говорится: «Майору Ганну. Действия: Проследуйте немедленно на корабль „Сообщность“ в Рифах Космоса через Седьмую Станцию Терминатора на Меркурии. Конец сообщения».

Ганн недоверчиво покачал головой.

— Но, Джули! — запротестовал он. — Это же полная нелепица. Отправляться в Рифы через Меркурий... все равно, что пройти в соседнюю комнату, отправившись сначала на Денеб! Таким путем мы ничего...

— Это нас не касается! — проскрежетал голос генерала Вилера. Ганн обернулся. Генерал стоял в открытой двери кабины управления, в руке он что-то держал. Выражение лица у него было мрачное и испуганное, как у попавшего в ловушку хищника в джунглях.

— Но ведь Меркурий рядом с Солнцем, — сказал

Ганн. — Да, мы могли бы пройти *рядом* с Меркурием, направляясь к дальним областям Рифов. Но зачем совершать посадку? Да еще в определенной указанной точке, у станции на терминаторе?

— Мы туда полетим, — отчеканил генерал. — И мы совершим посадку. На этой самой станции. Майор Ганн! Я говорил вам, что мне необходимо добраться до Рифов и взять вас с собой. У меня есть на то причина. Вот, взгляните! Этот документ упал на пол передо мной, когда я покидал Зал Планирующего после... гм, нашей небольшой перестрелки.

Не говоря ни слова, Бойс Ганн взял из рук генерала листок. Он был кремового цвета, квадратный, без подписи, и текст гласил:

> *«Если вы намерены спасти себя, свой народ и свои миры, доставьте оператор-майора Бойса Ганна и прибудьте с ним лично на корабле „Сообщность“ в Рифах Космоса. Ворота Меркурия, где находится солнечная обсерватория Плана.»*

— Дитя Звезд! — воскликнул Ганн.

Генерал Вилер кивнул, тяжело, словно усталый механизм, двигая головой.

— Да, сообщение от Дитя Звезд. И точно такое

же сообщение получено от Планирующей Машины. Майор Ганн! Вы понимаете, что это значит? Планирующая Машина — это и есть Дитя Звезд!

13

В каком-то пункте маршрута они сменили самолет на космический нереактивный крейсер Плана. Ганн почти не уделял внимания происходившему вокруг.

Он старался как можно более полным образом использовать время для отдыха, чтобы перевести дух после всех потрясений, постигших его за последние несколько недель. Как стремительно они накапливались, как быстро выпили они весь запас энергии его тела и сознания!

Он до сих пор ощущал слабую боль во лбу, в костях черепа и где-то за глазами, где прошли электроды, которые имплантировали в его мозг хирурги.

Он все еще чувствовал боль от кровоподтеков, оставленных не его теле специалистами из отдела Безопасности. Как давно это было?

Он до сих пор не пришел полностью в себя после битвы с пироподами и своего длинного падения на Землю. В его мышцах еще не растворился яд усталости от сражения на рифе Гарри Хиксона...

Он закрыл глаза, и перед ним возникла Карла

Снег. Он открыл глаза — перед ним неподвижно сидела сестра Дельта Четыре, глядя на него, но не видя.

Он снова начал чувствовать себя самим собой. К нему возвращались силы, а вместе с ними и проблема двух женщин, таких разных, но в одинаковой мере занимавших его мысли.

— Джули, — сказал он, — то есть сестра Дельта Четыре, если вам это больше подходит. Верно ли то, что сказал генерал Вилер? Что Машина сошла с ума?

Совершенные черты ее лица, полуприкрытые капюшоном, не дрогнули.

— Я знаю только то, что сказал генерал Вилер, — пропела она.

— Но она на самом деле сошла с ума, Джули. Ее испортил Дитя Звезд. Теперь она разрушает План. Ты до сих пор желаешь служить ей?

— Я служу Планирующей Машине, — сладким голосом пропела она. Темные глаза девушки были холодны и бесстрастны.

— Из-за наслаждений сообщности? Я понимаю тебя, Джули. Не забывай, — он коснулся блестящей пластинки на лбу, — я тоже почувствовал, что это такое.

В глазах Дельта Четыре что-то мигнуло, какая-

то искра снисходительного любопытства. Но она сказала лишь:

— То, что вы испытали, майор Ганн, бледное подобие того, чем награждает Машина своих действительных слуг. А вы еще лишь наполовину слуга Машины. Машина еще не открылась вам полностью. — Голос ее звучал, как удары колокола.

Ганн спросил в замешательстве:

— Вы имеете в виду... прямое соединение? Связь через... как это назвать?.. С помощью самой Машины?

Она лишь пожала плечами.

— Возможно, что-то в этом роде. — равнодушно сказала он. — Вы этого не поймете. — Она быстро пропела серию тональных морфем. Ганн пытался понять смысл, но сразу запутался.

— Вы сказали что-то о... душе? — сделал он предположение. — О душе Машины?

— Теперь понимаете? Мне жаль вас, майор Ганн. Даже больше, чем себя. Так как вы уничтожили мой связь-куб, я не могу соединиться с Машиной, но когда-нибудь я найду другой. Но вы никогда не получите того, что буду испытывать я.

Пока они разговаривали, машин-генерал Вилер

дремал. Теперь Ганн заметил, что генерал успел проснуться и прислушивался к их разговору. Когда он встретился глазами со взглядом Ганна, он сел прямо и хрипло захохотал, словно старая машина, за которой плохо присматривали.

— Дура, — сказал он, бросив презрительный взгляд на девушку. — И ты, Ганн, тоже болван. Ни ты, ни она — вы не способны выжить.

— Я выживу, если этого потребует Машина, — пропела девушка. — Я прекращу существование, если Машина перестанет испытывать во мне потребность.

Генерал механически кивнул и повернулся к Ганну.

— Видел? А что же тебя заставляет жить?

— Не знаю, — честно сказал Ганн. Он встал и прошелся по тесной каюте крейсера. В слабом поле тяготения, которое создавал нереактивный генератор космолета, его походка утратила уверенность.

— Там, среди Рифов, они говорили о свободе... — сказал он. — Я не уверен, но... Да. Надежда на свободу поддерживает меня сейчас, надежда на то, что свобода реальна и что в ней — благо.

Генерал снова захохотал. Без всякого чувства, словно проигрывая древнюю запись, он сказал:

— Планирующий, которого я недавно убил, понимал, что такое свобода. Он называл ее «романтической ересью». Свобода — она позволяет этим грязным анти-Плановым кочевникам в Рифах влачить свое жалкое существование. Это миф.

— Я видел в Рифах счастливых мужчин и женщин, — тихо сказал Бойс Ганн, больше для себя самого, чем для генерала.

— Ты видел животных! Они верят в добрую природу человека. Они верят, что обыкновенные люди, оставленные без власти Плана на дрейфующем куске рифа, произвольно откроют в себе природные источники морали и изобретательности. Они ошибаются!

Он закрыл и снова открыл глаза, глядя на Ганна и хранящую молчание девушку.

— Человек плох по своей природе, — сказал он. — Создатели законов всегда это знали. Ко всякому доброму поступку его нужно побудить, заставить, подтолкнуть. И наш План Человека был построен в подтверждение этого правила — краеугольного камня всей цивилизации. План признает порочную сущность человека и добродетели. Другого пути нет!

* * *

Под ними лежал Меркурий, планета-ад.

Управляющие сенсоры их крейсера протянули вперед свои лучевые щупальца, касаясь планеты, Солнца, ориентируясь по заданным точкам положения ярких звезд, ощупали полюса и экваториальные зоны планеты, потом зафиксировали нужную точку на линии терминатора — граница между светом и тенью. Затем, будучи в состоянии машинного аналога чувству удовлетворения, они завершили коррекцию курса и вывели крейсер на посадочную траекторию.

До великого ослепительного костра Солнца оставалось всего тридцать с чем-то миллионов миль — в три раза меньше, чем от Земли. Могучее излучение тепла и света возросло в девять раз. Поверхность Солнца испещрили оспинами темные пятна, чешуеобразные образования, называемые гранулами. На него больно было смотреть даже сквозь толстые фильтры. Машин-генерал Вилер сердито шевельнул рукой, и на центральном видеоэкране черное пятно заслонило изображение Солнца, как Луна во время затмения. Теперь они могли видеть алую хромосферу, медленно вздымающиеся арки протуберанца, словно кусающие

пустоту змеи. Все это окружала белая сияющая корона.

В этом могучем горниле каждую секунду целые моря солнечного водорода превращались в гелий, излучая океаны энергии. Каждую секунду каждый квадратный сантиметр необъятной поверхности светила бросал в пространство шесть тысяч ватт лучевой энергии.

На солнечной стороне Меркурия расплавленное олово и свинец, подобно воде, стекали с оплавленных камней. Жидкая атмосфера, выжженная из скал солнечным жаром или ударами метеоритов, проводила частицу тепла на теневую сторону, которая иначе застыла бы в холоде, почти не отличающемся от близкого к абсолютному нулю мороза на Плутоне.

Расположенные на линии терминатора станции Плана балансировали на грани между испепеляющим жаром с одной стороны и смертельным холодом с другой.

— Вот она! — проскрипел генерал Вилер, тыкая пальцем в экран. — Станция номер Семь. Так-так, посмотрим, что это за Дитя Звезд!

Массивный крейсер Плана, покачиваясь в поле своих генераторов нереактивной тяги, замедлил падение, повис неподвижно, потом нежно

коснулся оплавленной скалы, замерев в тени серебристого купола, протягивающего в сторону Солнца все свои раструбы телескопов, радаров, пирометров, мазеров. Над входом в купол сверкала надпись:

НАИМОГУЩЕСТВЕННЕЙШИЙ
НАГРАЖДАЕТ НАИВЕРНЕЙШИХ

Генерал Вилер коротко рассмеялся.

— Верных кому, а? Мне, Ганн! Верь в меня!

Бойс Ганн спокойно посмотрел на него, потом на сестру Дельта Четыре. Она по-прежнему хранила молчание, глаза ее были спрятаны складками черного капюшона. Ганн покачал головой, но ничего не сказал.

Про себя он подумал: «Безумен. Так же безумен, как и Машина».

Из купола в их направлении медленно выдвигалась труба входного коридора. Ее конец встретился с воздушным шлюзом корабля и герметически соединился.

Открылись люки.

Ганн поднялся.

— Пойдемте. Все вместе. Я... я не знаю, что мы увидим.

Генерал Вилер прошествовал вперед, ноги и

локти его двигались, словно поршни мотора. Сестра Дельта Четыре приблизилась к люку, потом заколебалась и взглянула на Ганна.

Она быстро пропела серию нот, голос ее был чист, как звон хрустальных колокольцев.

— Я... я не понял, — с запинкой сказал Ганн. — Как вы уже говорили, я обучен лишь наполовину. Что-то касающееся родственника?

— Я попросила вас проявлять осторожность, майор Ганн, — его характер эмоционально неустойчив.

— Я не понимаю, — сказал Бойс Ганн. Девушка ничего не ответила, лишь равнодушно кивнула и прошла в люк, ведущий на терминаторную станцию номер Семь.

Ганн последовал за ней и услышал хриплый рев генерала Вилера:

— Кто-нибудь, привет! Есть тут кто-нибудь вообще?

Генерал стоял, взобравшись на крышку металлического стола, покрытого эмалью, вертя головой во все стороны. Позади него протянулись ряды электронного оборудования, похожие на шкафчики в гимнастическом зале, в которые кладут одежду. Они гудели, жужжали и мигали лампочками, игнорируя присутствие генерала.

Больше в комнате никого не было.

— Не понимаю, — процедил генерал. Он слез на пол, взял трубку телефона, наугад ткнул кнопку вызова, послушал и швырнул трубку на место.

— Никого здесь нет, сказал он, в раздражении нахмурив лоб. — Это что, шутка? Осмелился бы Дитя Звезд шутить со *мной!*

— А в остальных помещениях, генерал? Тоже никого? — спросил Ганн.

— Обыщите! — пролаял Вилер. — И вы тоже, сестра! Здесь должен быть кто-нибудь! Дверь в Рифы... ключ к тайне «Сообщности»... я не позволю, чтобы они выскользнули из моих рук!

Ганн предупреждающе взглянул на Дельту Четыре, но она не ответила на его взгляд. Перебирая тональные четки, она послушно направилась к одной из дверей. Складки ее капюшона зашевелились — она искала в соседнем помещении следы присутствия людей. Ганн пожал плечами и, выбрав другой дверной проем, начал поиски.

До него доносились сердитые возгласы генерала, щелканье и жужжание автоматических приборов обсерватории, продолжавших направлять инструменты на заданные области солнечного диска и обрабатывать полученные данные. Он слышал далекие вздохи насосов, по-

свистывание воздуха в вентиляционных трубах. Больше ничего не было слышно. Обсерватория была пуста. Ганн прошел через помещение, где находилось хранилище информации — на стеллажах разместились катушки с магнитными лентами, на которых были записаны результаты бесчисленных машиночасов наблюдения за светилом, потом заглянул в комнату, служившую, очевидно, для отдыха, и оказался в главном помещении обсерватории.

Безмолвие. Неподвижность.

— Кто-нибудь! — крикнул Ганн, эхом повторяя далекий возглас генерала Вилера. Ответа не было.

Как правило, команда такой автоматизированной станции, как терминаторная номер Семь, составляла полдюжины человек, может быть, еще меньше. Но трудно было поверить, что произошла катастрофа, покончившая сразу со всеми...

Или так казалось Ганну.

Потом, повернувшись, он понял, что катастрофа действительно произошла.

* * *

Их было трое. Трое мужчин, свалившихся в кучу, словно соломенные чучела, у закрытой и запертой двери. Они были мертвы — сомнений не было.

Сверху лежал уже немолодой седой человек в форме тех-капитана. Его невидящие желтоватые глаза уставились в потолок. О двух остальных Ганн мало что мог сказать — хорошо были видны только знаки различия. Один был тех-лейтенантом, второй — кадетом. Один — молодой и полный, второй — тоже молодой и странным образом кого-то Ганну напоминающий.

Ганн нагнулся, коснулся мертвых тел. Пульса не было. Дыхания тоже. Но тела казались еще теплыми.

Наверное, это лишь воображение, подумал Ганн. Или виновата температура в комнате — слишком близко к солнцу станция, хотя и охлаждаются ее помещения холодным воздухом из рефрижераторов.

Послышался слабый шум, и Ганн рывком выпрямился и прислушался, нахмурясь.

Звук был не один. Их было два. Первый он сразу определил — это пели тональные четки сестры

Дельта Четыре. Следуя по собственному маршруту сквозь помещения купола, она приближалась к главной камере.

Но второй звук? Казалось, он доносится откуда-то из самой камеры. Ганн обернулся и посмотрел на запертую дверь. Может, звук доносился из-за двери? Похоже, там находилась кладовая или отсек для хранения записей. Дверь была солидная, и открыть ее можно было только специальным ключом. Но теперь Ганн был уверен — за дверью было что-то живой.

В камеру вошла сестра Дельта Четыре, увидела Ганна, потом быстро подошла к трем мертвым телам, склонилась над ними.

Когда она снова подняла голову, взгляд ее был темен.

— Не нужно его бояться, майор Ганн, — пропела она.

— Кого бояться? — не понял Ганн.

— Брата, — протянула девушка. — Он умер. Его анти-Плановые эмоции не должны вас больше волновать.

— Брата? Но... — И Ганн замолчал, не закончив предложения. Он начал понимать. Он нагнулся и повернул голову мертвого тех-кадета. Да, это лицо он уже видел раньше.

— *Ваш* брат! — воскликнул Ганн.

Сестра Дельта Четыре поправила его:

— Брат Джули Мартин. Брат *моего* тела, совершенно верно. Как видите, он мертв. — В глазах ее не светилось даже искры сочувствия, словно она говорила о погоде.

Толстая квадратная дверь, перед которой лежали мертвые, по-прежнему таила за собой источник непонятных звуков, но Ганн не обращал на них внимания. Брат Джули Мартин! Он видел сходство — те же серьезные глаза, те же линии подбородка... У сестры Дельта Четыре они завершали правильный овал лица, у юноши они обрисовывали сильный подбородок, но лицо его было лицом мечтателя.

Но Бойс Ганн заметил не только это. Не веря глазам, он нагнулся, придвинувшись поближе. Сомнений не было. Несмотря на мертвенную бледность, кожа лица имела явный золотистый оттенок. Она почти светилась.

Ганн быстро осмотрел остальные трупы. То же самое!

Подобно машин-полковнику Зафару, подобно Гарри Хиксону, подобно существам Рифов, трое мертвых технокорпусников слегка мерцали, словно далекое Солнце отражалось на блестящем

медном шлеме.

* * *

Утащив за собой сестру Дельта Четыре, Ганн отыскал генерала Вилера и кратко рассказал ему о том, что видел.

— Тот самый золотистый цвет, генерал, — сказал он. — Это смертельно. Или... — Он замолчал, вспомнив Гарри Хиксона, который умер от болезни, но потом снова оказался живым.

Он отбросил эту мысль.

— Смертельно, — повторил он. — Кажется, это называется фузоритной инфекцией. Если поместить каплю их крови под микроскоп, мы увидим маленькие светящиеся шарики фузоритов. Что-то вроде симбиоза, как говорил доктор Снег. Но для человека он смертелен...

— Фузориты, говоришь? — проскрипел генерал Вилер. — Ага, значит, Рифы! Ты понимаешь, что это означает? Дитя Звезд, вот что. Мои сведения были верны. Он здесь!

— Не может быть, — запротестовал Ганн. — Мы обыскали всю станцию и никого не нашли.

— Мы никого не видели, генерал, — эхом повторила сестра Дельта Четыре. — Здесь никого нет, только умершие.

— Живые, мертвые, но он должен быть здесь. — проворчал генерал. — Я его найду! Я заставлю его отвезти меня на «Сообщность»!

Бойс Ганн вспомнил о звуках за массивной дверью. Там... что-то может обнаружиться. Рядом с телами есть дверца...

— Вперед! — закричал генерал и помчался в соответствии с призывом, словно приведенная в действие машина, не дожидаясь ответа остальных. Ганн и девушка отыскали его в отдаленной инструментальной части станции, в подвале среди хранилищ с консервами и чистыми катушками магнитной ленты. Генерал, время от времени издавая вопли, рылся в кипах припасов. Обратный путь, даже в слабом поле тяготения Меркурия был утомителен, и сестра Дельта Четыре начала задыхаться уже на полпути. Потом они оба остановились, тяжело дыша, глядя друг на друга. Потому что оба услышали один и тот же звук — далекий гул движущихся гусениц шасси, с помощью которого передвигался соединительный коридор. Звук передавался через скалу и фундамент станции.

Через длинную трубу коридора шлюз их крейсера соединялся со шлюзом станции. Теперь коридор пришел в движение. Значит, или при-

был еще один корабль...

Или их собственный крейсер готовился к взлету!

— Бежим! — крикнул Ганн, и они помчались изо всех сил.

Массивная дверь, перед которой лежали раньше мертвые тела, была распахнута настежь. Мертвые исчезли.

Генерал Вилер и Ганн без слов повернулись и принялись обыскивать камеру, заглядывая под столы, консоли пультов, в ниши приборов.

— Они исчезли, — наконец сказал Ганн, и генерал повторил, как эхо:

— Они исчезли.

И новый голос добавил:

— Они также забрали ваш корабль.

Ганн и генерал стремительно развернулись. Сестра Дельта Четыре не стала беспокоить себя поисками в камере, а сквозь открытую теперь массивную дверь вошла в скрывающуюся за ней каморку со стальными стенами. Она явно предназначалась для хранения самых ценных записей на случай какой-нибудь катастрофы, грозящей станции уничтожением, но теперь в ней хранился ценный предмет совсем иного рода. Это была девушка. Губы ее были еще белыми

— сестра Дельта Четыре только что вытащила из ее рта кляп и продолжала теперь освобождать ее руки от веревок.

— Они взяли ваш корабль, — повторила девушка. — Все трое. Они открыли дверь... а потом убежали.

Ганн едва понимал, что она говорит. Что-то совсем другое занимало его мысли. Волосы медового цвета, мягкий загар, голубые яркие глаза... он знал эту девушку!

Девушка, которую они обнаружили в обсервационном куполе станции на Меркурии, была той самой девушкой, с которой он познакомился несколько недель и несколько миллиардов миль тому назад. Это была Карла Снег.

14

Насосы рефрижераторов накачивали в купол охлажденный воздух, но казалось, что огромный диск Солнца, по которому медленно проползли волны бури, немилосердно сжигает их с видеоэкрана своими лучами, словно они стояли обнаженные на скалах поверхности планеты.

Карла Снег протянула руку и коснулась Ганна.

— Я думала, ты погиб, — сказала они удивленно, и глаза ее переместились на сестру Дельта Четыре, которая опустившись на колени рядом, терпеливо растирала опухшие запястья Карлы.

— Неважно, — сказал Ганн. — Как ты сюда попала? Это... это сделал Дитя Звезд?

Карла задумчиво покачала головой.

— Я не знаю. Когда ты исчез, я принялась искать тебя.

Генерал Вилер, приникший к одному из оптических телескопов, проскрежетал:

— Ага, вот они! Я вижу злодеев! Они между нами и Солнцем! — Он яростно завозился с переключателями на экранах, защелкал, изображение затанцевало и сменилось новым.

Они увидели крейсер Плана, который доставил их сюда. Он был уже очень далеко, едва заметный на фоне усыпанного звездами неба, окружавшего сверкающий шар Солнца.

— Кто же управляет им? — пробормотал Ганн.

— Те самые преступники, которых мы здесь нашли! — пролаял генерал Вилер. — Они прикинулись мертвыми. Они провели нас! Теперь они похитили наш корабль. Мы пропали.

— Генерал, — совершенно искренне сказал Ганн. — Я не прошу вас верить мне, но я не мог ошибиться. Они не притворялись. Они действительно были мертвыми.

— Не может быть, — проскрипел генерал. — Посмотрите на этих идиотов! Они направляются прямо к Солнцу!!! Но корабль не рассчитан на температуру фотосферы! Они убьют себя!

Ганн устало повернулся к Карле Снег.

— Ты сказала, что искала меня. Зачем?

Она вспыхнула и отвела взгляд. Не ответив на вопрос, она сказала:

— Полковник Зафар умер. Отец сообщил, что это опасная болезнь, и он... повез тело на Свободное Небо для исследования. Он не знал, что с тобой случилось. И я тоже не знала. Но... я подумала, что смогла бы тебя отыскать.

Сестра Дельта Четыре тихо поднялась, перешла на другую сторону, начала массировать второе запястье. Карла продолжала рассказ, избегая смотреть на Ганна. Иногда она бросала взгляд на Дельту Четыре, иногда — на генерала Вилера, иногда — на огромный диск Солнца, висящий посреди экрана. К нему, к одному из его похожих на щупальца протуберанцев приближался крейсер.

Она вызвала своего пространственника, рассказывала Карла Снег. Потом вынесла под открытое небо маленького пиропода Гарри Хиксона, выпустила его на свободу. Пироподописал несколько кругов, потом устремился в открытое пространств о... И, оседлав пространственника, она последовала за ним.

— После того как ты исчез, а полковник Зафар умер, он совсем, кажется, сошел с ума, — сказала Карла. Метался по комнатам. Я подумала, что он ищет тебя. И я подумала, что если выпустить его на свободу, он, может быть, найдет тебя.

— Дитя Звезд! — загрохотал генерал Вилер. — Рассказывай о Дитя Звезд, женщина! Ты его нашла?

Она заколебалась.

— Кажется, я видела его или слышала, сказала она наконец. — Кажется, я встретила его в центре

Риф-Вихря.

* * *

Риф-Вихрь — не планета, не звезда и не комета. И даже не риф в собственном смысле слова. Он сочетал в себе элементы всех вышеперечисленных явлений. Несомненно, первоначально это был риф. Как дальняя планета, он вращался вокруг Солнца. Как у кометы, большую часть его массы составляли газы. И в сердцевине его шла реакция превращения водорода в гелий, как в звезде.

В сущности, Риф-Вихрь представлял собой более массивный, более плотный риф, чем все остальные скопления этих пасынков Солнца. Со временем, при наращивании массы, он мог превратиться в ядро новой планеты.

Он обладал невероятным угловым моментом вращения. Какая-то более мощная сила, чем гравитация, удерживала составляющие его элементы от выбрасывания в пространство. Составлявшие его рифы были более старыми и не такими, как все наружные, обыкновенные рифы. Жуткие, мутировавшие виды пироподов роились вокруг Вихря. В центральные области Вихря никогда не проникал человек, даже сами жители Рифов.

Об этом месте ходили страшные легенды. Жизнь, которая нашла здесь свой приют, развилась уже очень давно.

Прямо, как стрела, детеныш пиропода, который раньше принадлежал Гарри Хиксону, устремился к Риф-Вихрю, а за ним, едва не теряя из виду голубоватый отсвет его ракетного выхлопа, мчалась на пространственнике Карла Снег.

— Мне было страшно, — рассказывала он. — Мы миновали рой пироподов. У них как раз начался сезон размножения. Их там были тысячи, они кружились в пространстве, как единое тело. Если бы они обратили на нас внимание и бросились в погоню, нам бы не удалось уйти. Но думать об этом было уже поздно... и даже еще больше пироподов я боялась самого вихря.

— Дитя Звезд! — прикрикнул генерал. — Скорее! — Глаза генерала были прикованы к экрану, на котором крейсер Плана все ближе и ближе подходил к Солнцу, а один из больших протуберанцев, казалось, протянул ему навстречу язык пламени, стараясь лизнуть.

— Мы достигли Риф-Вихря, — сказала девушка, — и там я потеряла пиропода. Но Белла — это мой пространственник — казалось, она знала, куда он пропал. Мы полетели дальше.

Вблизи Риф-Вихря выглядел, как маленькая галактика. Составлявшие его отдельные рифы светились разными цветами, словно отдельные звезды. Края Вихря составляли мертвые, темные скалы и рифы. Там, как подумала Карла, находились гнезда пироподов. Она почувствовала, как задрожал пространственник, как наполнились ужасом его большие влажные глаза. Но они продолжали полет.

— Белла как будто не могла справиться с собой, — сказала Карла. — Казалось, она против своей воли движется вперед, к собственной гибели — или чему-то, что пугало ее еще больше.

— Точно так же, как эти дураки, укравшие корабль, — проскрипел генерал Вилер. — Значит, там ты и нашла Дитя Звезд? В этом Вихре?

Карла Снег ответила не сразу.

— Я не уверена. Честно говоря, генерал Вилер, я не знаю, что видела в Вихре. Я знаю только, что очень многого там на самом деле не было.

— Иллюзии? — осведомился генерал. — У тебя были галлюцинации?

Она неуверенно кивнула.

— Да... Нет, я не знаю. Только многое, что я там видела, не могло там быть на самом деле. Я видела Гарри Хиксона, хотя я знаю, что он умер. И

полковника Зафара... И... Бойс, я видела там тебя.

* * *

Они углубились в сердцевину Вихря. Пространственник приходил во все большее неистовство. Они давно миновали внешний край Вихря с его гнездилищами пироподов, но впереди должно было находиться нечто, приводившее Беллу в еще больший ужас, чем туннели, полные ракетных чудовищ.

— Не бойся, детка, — прозвучал вдруг в ушах Карлы голос отца. Она вскрикнула и оглянулась. Кроме нее, в маленькой воздушной оболочке, которую нес с собой пространственник, никого больше не было.

— Не останавливайся, малышка, — сказал другой голос. Это был голос человека, который совсем недавно исчез на ее глазах в световом водовороте и которого она теперь искала, Бойса Ганна.

Потом послышался третий голос:

— Карла, теперь самое главное — иди только вперед! — и этот голос испугал ее больше всех остальных. Это был голос Гарри Хиксона.

Галлюцинации?

Другого объяснения не могло быть. Гарри Хиксон давно умер. Она была одна. За пределами

воздушной оболочки Беллы начинался вакуум, который не проводил звуковые волны, поэтому там тоже никто не мог скрываться.

Но галлюцинации не оставляли Карлу.

— Не бойся пироподов, — посоветовал голос, хриплый, растягивающий слова, голос Гарри Хиксона, она была в этом уверена. — Вперед! Мы тебя ждем!

Она вспомнила слова умирающего полковника Зафара: «Ловушка сознания... бойся тайных желаний...» В них слышалось предостережение.

Но ей не оставалось ничего другого, как положиться на пространственника, все глубже уносившего ее в центр Вихря. Мимо проносились мелкие светящиеся рифы, как сверкающие алмазные грибы, клубки раскаленной проволоки, светящиеся многогранники — кошмарные разноцветные миры, которым она не могла найти названия.

И потом они оказались, как поняла Карла, в самом сердце Вихря.

Там плавал в пустоте исполинский корабль, такой гигантский, словно все скопление Свободного Неба. Сквозь открытые бойницы смотрели стволы смертоносных излучателей и пусковых ракетных устройств. Но двигатели его были мерт-

вы. Он вращался по свободной орбите в центре Вихря.

— Великий План! — вскричал генерал Вилер в диком возбуждении. — «Сообщность»! Это должна быть «Сообщность»!

Карла Снег посмотрела на него с некоторым недоумением.

— Да, это название было на его борту. Это ваш корабль, генерал?

Генерал излучал безудержную радость триумфа.

— Да, теперь мой! Мой корабль... моя Машина на его борту... и как только я доберусь туда, все миры тоже станут моими! Ты отведешь нас туда, женщина! Когда я стану владыкой Машины, которую он несет на борту, я вернусь сюда, к планетам Плана. Не генералом, даже не Планирующим — я буду управлять самой Машиной! Я... — он замолчал, глядя на Бойса Ганна. — В чем дело? — проскрежетал он.

— Каким образом вы предполагаете добраться туда, генерал? — спросил Ганн.

Лицо генерала помрачнело. Нахмурясь, он посмотрел на экран, где безнадежно далекий от них крейсер обходил стороной огромный язык, продвинувшийся вперед, пока они разговаривали.

— Продолжайте, — проворчал он, — Я найду способы. Я доберусь до «Сообщности», и тогда... Неважно! Продолжайте.

* * *

Вокруг гигантской космической крепости, выкрашенной для камуфляжа в черный цвет, ощетинившейся пусковыми установками и стволами лазерных излучателей, кружил непонятный золотой туман.

Как дымка из капель жидкого золота, как золотое облако.

Откуда в пространстве могло появиться облако, даже в Вихре? И все же она его видела собственными глазами. В самом центре его туман сгущался в золотую плотную сферу.

Словно луч лазера, направленный в цель, пространственник несся к золотому облаку. Карла в ужасе закричала — по мере их приближения поверхность облака, казалось, метнулась им навстречу, Появилось туманное вздутие, превратившееся в щупальце, протянутое к пространственнику и Карле. И бесплотный голос-галлюцинация, принадлежащий Гарри Хиксону, прохрипел:

— Карла, малютка! Не бойся! Вперед!

Она не могла бы остановить пространственника, даже если бы хотела. Белла больше ей не подчинялась.

Голос был чистой иллюзией, но Карла обнаружила, что он придал ей уверенности. Паника уменьшилась. Со странной отрешенностью смотрела она, как выпуклость разделилась на три части. Каждая часть продолжала расти, пока не превратилась в золотую змею. Она видела, как все три змеи, извиваясь, тянутся ей навстречу...

Они ударили.

Горячие желтые кольца сдавили ее.

Но боли не было. И даже страх стал еще меньше. Живые золотые канаты потащили ее к золотой сфере, и она становилась все более спокойной, все более бесстрастно воспринимая окружающее. Даже пространственник избавился от страха. Устроившись в золотых объятиях колец, словно в гнезде, Белла мурлыкал, будто большой котенок.

Карлу тоже клонило в сон. Ей показалось, что она слышит голос Гарри Хиксона, спокойный, настойчивый, говоривший ей что-то очень важное.

— *Ты должна отправиться туда, детка,* — говорил он ей. — *Отправиться туда и исполнить задание. Потом ты должна вернуться сюда...*

Как хорошо было снова услышать его спокой-

ный голос. Карла Снег заснула.

Она спала, и время шло...

— И, — сказала она, — когда я проснулась, я знала, что мне нужно делать. Я должна была отправиться за вами и привести вас обратно. Всех вас. Он хочет, чтобы вы пришли к нему.

— Дитя Звезд! — проскрежетал, словно напильник, генерал Вилер. — Ты его имеешь в виду?

Но Карла упрямо качала головой.

— Я не уверена. Я знаю только, что я должна сделать. Только это. — На ее лице вдруг появилось выражение тревоги. — Здесь меня встретили трое, они испугались. Они заперли меня, они не хотели ничего слушать.

— Майор Ганн, генерал Вилер, мисс Снег. Следите ли вы за экраном? — пропела сестра Дельта Четыре.

Они повернулись, как один, уставясь на видеоэкран.

На экране пылало Солнце. Яркий протуберанец успел еще больше вырасти. Он, словно гигантский гребень волны, навис теперь над крейсером Плана, в котором бежали трое — те, что должны были лежать мертвыми. Протуберанец напоминал кобру, готовую нанести удар.

И, подобно змее, он ударил.

Крейсер изменил курс — слишком поздно! Хотя на экране движение языка пламени казалось плавным, на самом деле он перемещался со скоростью нескольких миль в секунду. Как бы ни лавировал крейсер, убежать он не мог. Протуберанец коснулся его.

Маленький черный силуэт исчез.

Бойс Ганн вдруг обнаружил, что его пробирает дрожь, услышал, как проскрежетал проклятье генерал, стоявший рядом. Крейсер больше не существовал. Гигантский протуберанец начал медленно падать обратно на Солнце.

* * *

Генерал первым пришел в себя. Медный ежик волос, твердая бронза черт лица — все дышало решимостью.

— Отлично, — сказал он. — Теперь можно забыть об этом корабле. Вопрос — как нам выбраться отсюда? Второй вопрос — как добраться до Рифов. И попасть на «Сообщность»?

— С этим не должно быть затруднений, — гордо пропела сестра Дельта Четыре. — Машина сказала, что ворота на «Сообщность» должны находиться на этой станции.

Генерал уперся в девушку взглядом своих серо-

стальных глаз.

— Но где? За люком шлюза? На скалах? Там мы изжаримся за считанные минуты! Или вы предлагаете нам летать?

Он замер на полуслове, бронзовое лицо застыло, потом он повернулся к Карле Снег.

— Ваши звери? Что с ними потом произошло? С пространственниками, или как они там называются.

Но Карла покачала головой.

— Так близко от Солнца Белла не могла бы выжить, — сказала он. — Радиация убила бы ее, а вместе с ней и нас всех, потому что мы зависели бы от ее воздушной капсулы. Кроме того, ее нет со мной.

— Тогда как же? — воскликнул генерал. — Должен же быть способ! Оба сообщения — от Дитя Звезд и от Машины — указывают именно на эту станцию!

— Совершенно верно, генерал, — тихо сказала Карла Снег. — Поэтому я сюда и прибыла. Чтобы доставить вас в Рифы. Я не знаю, каким образом. Я знаю лишь, что это должно произойти.

Комната, казалось, накренилась. Толчок застал их всех врасплох. Они испуганно посмотрели друг на друга, в разной степени удивленные.

— Кажется, — мрачно сказал Ганн, — мы уже нашли эти ворота. Это ощущение было ему знакомо. Он знал, что для сил, вызвавших его, долгий путь в Рифы мог сократиться до нескольких секунд.

Он не чувствовал страха. Наоборот, в том факте, что они скоро встретятся с лицом, вызвавшим такие потрясения по всей Солнечной Системе, заключалось даже облегчение. Но что-то беспокоило его, какой-то вопрос, заданный совсем недавно, на который так и не было дано ответа.

Комната снова накренилась, свет померк. И он вспомнил.

— Но почему Карла? — прохрипел он.

Девушка из Рифов взглянула на него влюбленными глазами.

— Что «почему», Бойс?

— Почему они тебя испугались? Ты сказала, что люди на станции испугались тебя. Почему?

Комната, казалось, содрогается и корчится, словно видимая сквозь бракованное увеличительное стекло. Свет удалялся — или это они удалялись от источника освещения. С каждой секундой между ними рождались все новые кванты пространства, разделяя их, хотя они сами оставались неподвижны, подобно разбегающим-

ся галактикам.

И тогда Ганн увидел ответ. Карла могла не отвечать. Он сам увидел причину страха трех членов команды станции.

В меркнувшем свете только Карла по-прежнему была видно ясно. Ее лицо, руки, тело ярко светились.

Светились золотистым светом.

15

Они падали сквозь пространство. Путь их был бесконечен, потому что вел в вечность. Потом падение кончилось.

Они прибыли в пункт назначения. Они оказались в удивительном новом мире.

Вокруг повисли во тьме пространства разноцветные миры Вихря — изумруды, рубины, голубые и чисто белые самоцветы. Медленно пульсировало золотое облако, которое пленило Карлу Снег, и внутри него висел гигантский корабль-крепость Плана «Сообщность».

Карла Снег описала корабль, но она не могла передать впечатления от его размеров. Это был космический исполин.

Бойс Ганн увидел, что они не одни.

Какая-то масса метнулась к ним и вдруг замерла на месте, радостно повизгивая. Светящийся красный нос ткнулся в руки Карлы.

— Белла! — воскликнула девушка и похлопала темно-золотистый бархатный бок животного. — Это мой пространственник, — пробормотала она. — Мы в его воздушной капсуле. Без нее мы

не прожили бы здесь и секунды.

— Скорее кончайте с сантиментами, женщина, — проскрежетал генерал Вилер. — Может ли это животное доставить нас на «Сообщность»?

— Мы уже направляемся туда, — сказала Карла, — Посмотрите сами, генерал.

Они приближались к кораблю. Силуэт громадного судна вырастал по мере приближения.

Корабль оказался на более дальнем расстоянии, и размеры его были еще более величественными, чем представлялось Ганну. Он превратился в длинный планетоид из гладкого черного металла, повисший в пространстве между золотым облаком, которое доминировало в сердце Вихря, и вращающимися крохотными мирами, которые разноцветили небо вокруг. Они описали круг и обнаружили зев главного воздушного шлюза у основания корабля, между шестью выступающими черными цилиндрами двигательных установок, поднявших его некогда с Земли.

И похоже, все эти годы они ни разу не приходили в действие. У корабля вид был покинутый.

Пространственник без дополнительных указаний, словно его манила невидимая сила, устремился прямо в люк шлюза и замер.

Входные ворота «Сообщности» высотой не

уступали трехэтажному дому. Когда они вплыли внутрь, кольца светильников на черных стенах вдруг ожили, озарив зал мягким сероватым светом. Огромные створки люка бесшумно задвинулись за ними.

Они были замкнуты среди стальных стен.

И повсюду на стенах были заметны вмятины и шрамы, словно когда-то здесь происходили грандиозные сражения. Откуда же следы? Не могли ли оставить их метеориты — люк был открыт десятилетиями?

Генерал Вилер заметил озадаченное лицо Ганна и проскрипел:

— Пироподы! Они изгрызли мой корабль! Клянусь Планом, я изничтожу всех до единого!

Генерал был прав, понял Ганн. И не только прав, но и охвачен гневом. Это был *его* корабль, его копия Планирующей Машины. И с ее помощью он намеревался сделать своими все миры Солнечной Системы.

Бойс Ганн смутно осознал, что на борту «Сообщности» имелись вещи, гораздо более опасные, чем пироподы.

Он вдруг обратил внимание на шорохи и свист насосов и понял, что шлюз наполняется воздухом. Теперь они уже не нуждались в защите капсу-

лы пространственника. И животное поняло это раньше, чем они.

— Белла! — строгим голосом, в котором слышалась любовь, приказала Карла. — Веди себя прилично!

Но разыгравшийся пространственник проявил упрямство. Он метался вдоль зала шлюза, словно пироподи. И у дальней стены он обнаружил щель, которой секунду назад там еще не было. Возбужденно мяукая, пространственник протиснулся в узкое отверстие и исчез.

— Ага! — вскричал генерал Вилер. — Наконец-то! Машина ждет меня! — и он исчез почти так же стремительно, как и пространственник.

Остальные последовали за ним, хотя и не так быстро: Карла Снег, обеспокоенная судьбой любимицы, за ней Ганн, а замыкала колонну мрачная фигура сестры Дельта Четыре в черном балахоне, псевдогравитационное поле напряжением примерно в одну десятую «ж» позволяло спокойно идти, но избавляло от большей части усилий, которые потребовались бы на подъем по шахтам из шлюза в центральную часть корабля. Но все равно Ганн едва не задохнулся, стараясь не отстать от мчавшегося вперед генерала.

Они находились в шахте, уходившей, казалось,

бесконечно вверх. Потом они миновали точку, где менялась поляризация псевдогравитационного поля, и шахта превратилась в головокружительную бездну, в которую они падали, пока их тела не переориентировались и не восприняли шахту как горизонтальный коридор. Холодный ветер дул по коридору. Воздух пах пылью, был сух и заставлял их кожу покрываться пупырышками дрожи.

Воздушный поток вызывал слабую вибрацию в стенах коридора. Генерал исчез из вида.

Ганн замедлил бег, стараясь отдышаться. Воздух был разреженный, он не привык к такому. Наверное, старые воздушные резервуары уже успели почти опустеть. Он оглянулся по сторонам и обнаружил едва заметную серую надпись. «СТОЛОВАЯ 3» было указано на ней.

Длинные столы уходили в темноту. Здесь когда-то должны были принимать пищу члены экипажа.

Ганн остановился и подождал, пока девушки поравняются с ним.

— Генерал убежал, — сказал он. — Ищет Планирующую Машину. Я... я думаю, что может тогда произойти. — Он взглянул на Карлу, беспокойство на лице которой было вызвано, в основном,

судьбой пропавшего пространственника, и на Дельту Четыре, прикрытые тенью капюшона глаза которой вообще ничего не выражали. — Если Машина на корабле хотя бы наполовину так могущественна, как та, на Земле, — сказал он, а мне говорили, что они равны по своим возможностям... тогда Вилер вполне может завоевать с ее помощью всю Солнечную Систему.

— Что мы должны делать? — просто спросила Карла Снег.

— Нам нужно разделиться. И найти его. Конечно, он вооружен. Не пытайтесь задержать его самостоятельно. Только крикните — погромче — я вас найду.

— Но вы тоже не вооружены, майор Ганн. — Певучий прозрачный голос сестры Дельты Четыре казался самим голосом здравого смысла... — Вы не более способны с ним справиться, чем мы.

— Это моя забота! Вы только найдите его... В чем дело?

— Ни в чем, майор Ганн, — сказала сестра Дельта Четыре. Лицо ее по-прежнему прикрывал капюшон.

— Я не вам. Карла, что такое?

— Это... это не опасно, — сказала Карла грустно. — Я хочу сказать, Бойс, чтобы ты не волно-

вался.

Ганн коротко засмеялся, не в силах сдержать себя. Уверенность Карлы была совсем не к месту.

— Нет, нет, Бойс, я говорю правду. Ведь мы все попали сюда не случайно. Меня послали за вами. Дитя Звезд... если это он меня послал... он знает, как справиться с генералом Вилером.

— Я не намерен рисковать, — мрачно сказал Ганн. — Карла, отправляйся по этому проходу. Джули, следуй за ней, проверяй все боковые ответвления. Я осмотрюсь вокруг и пойду за вами.

Он успел пройти половину древнего зала столовой, когда девушки исчезли из виду, и тут только Ганн вспомнил.

«Она не поправила меня, когда я назвал ее Джули, — подумал он. — Интересно, почему».

Столовые 2 и 1 оказались такими же стерильными и пустынными, как и столовая 3. Больше на этом уровне ничего не было.

На следующем уровне помещались кубрики экипажа, тоже пустынные. Несомненно, Карла и Дельта Четыре успели осмотреть их. Ганн поспешил к следующему уровню, преодолевая головокружительную инверсию искусственного гравиполя. Далекий шум, который он засек еще раньше, стал громче, но Ганн все еще не мог

определить его источник.

Только лишь когда он оказался перед закрытой дверью, которая приветствовала его надписью «ТОЛЬКО ДЛЯ ПЕРСОНАЛА МАШИНЫ», он понял, что это было.

За металлической дверью что-то гудело и вибрировало. Та самая потерянная копия Планирующей Машины. Она продолжала функционировать.

Или ее снова включили? Генерал Вилер добрался до нее и привел в действие? И что он теперь задумал?

Ганн замолотил в дверь.

— Эй, вы, внутри! — заревел он. — Откройте! Впустите меня!

Ему отвечал лишь глухой металлический шум.

— Откройте! — орал он. — Я знаю, что вы здесь, генерал Вилер!

В ушах у него раздался тихий смешок.

— Вовсе нет, майор Ганн, — загудел голос Планирующего.

Ганн стремительно повернулся. Планирующий? Здесь?

Никого не было видно.

— Ты можешь двигаться дальше, Бойс, — посоветовал ему участливый голос кадета М'Буны. —

Ты зря теряешь время.

Ганн стоял, как парализованный. Ведь М'Буна мертв! И старик Планирующий, как отлично помнил Ганн, тоже. Его застрелил Вилер.

— Кто здесь? — крикнул он. — Что это за фокусы?

Ему ответил пронзительный крик девушки.

— Бойс! Бойс Ганн, где ты?!

Это был голос Карлы Снег. В отличие от голосов фантомов, этот доносился откуда-то издалека. Ганн провел рукой по вспотевшему лбу. Он задел металлическую пластинку контактора и почувствовал, как старая боль воспоминания снова поднимается внутри. Мгновение бесконечного наслаждения... желание еще раз испытать это чувство...

Он подавил эту мысль, хотя это было и нелегко. Что с ним происходит? Он теряет разум?

Он уставился пустым взглядом на неприступные двери. Столько труда, столько беспокойства — ради чего? Зачем он забрался так далеко?

И эта мысль, понял он вдруг, потрясенный, тоже была результатом иллюзии. Что-то проникло в его сознание... Что-то...

Он вспомнил, о чем говорила Карла, что кричал в бреду полковник Зафар. *Ловушка сознания.*

Бойтесь тайных желаний...

Нечто на борту»Сообщности» обладало способностью проникать в сознание. Нечто, способное управлять им с такой же легкостью, с какой управляло пространственником Карлы.

Он услышал, что к нему приближаются шаги. Кто-то бежал в его направлении.

— Бойс! — это была Карла Снег. — Слава небу, я тебя нашла! Генерал... пытался меня убить...

Ганн подхватил ее на руки. Девушка вся дрожала.

— По-моему, он сошел с ума. Он увидел меня... в руке его был пистолет... Он едва не застрелил меня...

— Я думал, он здесь, внутри, — тупо сказал Ганн. — Возле Машины.

— Нет! Он на следующем уровне... в рубке огневого контроля... кажется было так сказано на указателе. Там одни камеры и броневые двери. Мы его там никогда не найдем. — Она глубоко вздохнула и осторожно высвободилась из его рук. — Но нам нужно идти, Бойс. В рубку управления.

— В рубку управления?

Она кивнула.

— Я должна привести вас туда. Это в четырех

уровнях над нами. Нужно войти в переход, обозначенный указателем «МОСТИК».

— Ты была на этом корабле раньше?

— Нет, нет! Я просто знаю. Пойдем, Бойс. Нам нужно спешить.

Он пожал плечами, повернулся, чтобы последовать за ней... и едва не упал. Он легко восстановил равновесие в слабом тяготении палубы, потом посмотрел на пол, чтобы определить, на чем он поскользнулся.

Перед запертой стальной дверью лежала цепочка тонических четок. Это были четки сестры Дельта Четыре.

Теперь Ганн знал, кто скрывается за запертой дверью, с отчаянной жаждой стремясь снова войти в сообщность с Планирующей Машиной.

* * *

Дверь с надписью «МОСТИК» была широко распахнута. Изнутри на пол палубы падал веер слабого желтоватого света.

— Входи, Бойс, — громко сказала Карла Снег. — Бояться нечего. Он ждет тебя.

Ганн вошел в открытую дверь, держась Карлу за руку. Он был готов почти ко всему.

За дверью находилось обширное круглое по-

мещение, бравшее в кольцо шахтовый коридор. Пол занимали группы серых металлических шкафов, все они подсоединялись к сплетениям разноцветных толстых кабелей, спускавшихся с потолка. Здесь располагались посты наблюдения, технического контроля, кресла навигаторов и офицеров-оружейников. Все посты были давно оставлены. Все они пустовали, кроме одного.

В рубке управления был один человек, и именно он являлся источником золотистого света.

— Гарри! — воскликнула Карла Снег.

— Гарри Хиксон! — эхом повторил Ганн. — Вы! Вы и есть Дитя Звезд, тот, кто послал Требование Освобождения!

Человек мельком взглянул на них, потом вновь занялся работой. Он сидел за пультом рядом с шахтой. Его голова склонилась над сверкающими растрами экранов. Его толстые сильные пальцы быстро двигались по клавишам и кнопкам, перекидывая тумблеры, поворачивая верньеры. И его тело изливало золотистый свет, словно частица Солнца.

Он выглядел моложе, чем тогда, когда с ним встретился Ганн. У него была та же спутанная борода. Теперь она светилась, как раскаленная проволока. И на той же самой лысой голове

устроился тот же самый детеныш пиропода. Его красные глаза, сверкая уставились на девушку и Ганна.

Наконец, Гарри Хиксон отвернулся от приборов и посмотрел на них.

— Я исполняю то, что мне приказано сделать, — заметил он как бы между прочим. Его глаза тоже светились золотом. Но он прекрасно видел вошедших, и в выражении его лица было что-то вроде доброжелательности, приязни, даже любви. Он поднял руку, согнул кисть в знаке Лебедя и сказал: — Звезда говорит мне, что я должен делать. Я исполняю волю Звезды, а не свою. — Маленький пиропод зашипел и завозился, глядя на Ганна и девушку пульсирующими красными глазами. Светящееся существо, которое когда-то было Гарри Хиксоном, ласково сняло животное со своей головы и погладило. Пиропод успокоился.

— Это вы погасили Солнце? — громко спросил Ганн. — И звезды? Это вы? Каким образом?

— Нет, не я, — сказал Гарри Хиксон. — Не я, а Звезда. — Он снова сделал рукой волнообразное движение. — Десять лет Звезда составляла план действий для меня. Десять лет назад она послала первый сигнал на Землю, потом еще дюжину, которые прибыли одновременно. Для Звезды нет

ничего невозможного. И ты скоро это узнаешь.

Пока он говорил, он протянул вперед руку. Это было как будто благословение, подумал Бойс Ганн. Но это было нечто большее. С ладони золотой руки старика всплыло золотистое облачко, образовало крохотную пульсирующую сферу, поплыло вперед и нежно коснулось Ганна.

Не выдержав, он отпрыгнул назад. Но он ничего не почувствовал. Совсем ничего. Он хрипло сказал:

— Что это? Что ты делаешь?

— Исполняю волю Звезды, — ответил Гарри Хиксон и снова склонился над пультом. Его светящиеся пальцы забегали по кнопкам и тумблерам.

— Сестра Дельта Четыре вошла в сообщность с Машиной, — тихо сказал он, не отрывая глаз от экранов. — Она запрограммировала ее таким образом, что теперь она может связаться со старой машиной на Земле. Через тридцать часов сигнал достигнет Земли. Еще через тридцать часов он вернется обратно.

— Но старая машина сошла с ума! — воскликнул Ганн. — Вы должны знать это! Ведь это вы сами сделали!

Светящийся человек даже не поднял головы.

— И генерал Вилер! Где он? Он тоже сошел с ума. Или с безумной страстью рвется к власти — это одно и то же. Как вы можете просто так вот сидеть? Что он делает, пока мы зря тратим время?

— Что касается генерала, — сказал золотой человек, — то мы о нем очень скоро услышим.

И в рубке раздался хриплый смех Вилера.

— В самом деле, очень скоро! — проскрежетал его металлический голос, раздаваясь ниоткуда. — Теперь вы все у меня в руках! Я управляю «Сообщностью»! Ее огневые системы подчиняются мне... и это значит, что все миры принадлежат тоже мне! Все!!! Но сначала я разделаюсь с вами.

Его слова были подтверждены тихим шорохом металла о металл.

В стальных стенах рубки открывались спрятанные амбразуры. Из них в рубку заглянули блестящие тонкие стволы лазерных излучателей, уставясь точно на группу стоящих.

Их целью был Бойс Ганн, девушка и светящееся золотое существо, которое когда-то было человеком по имени Гарри Хиксон. Генерал Вилер завладел управлением оружейной системы корабля — как наружной, так и внутренней.

Теперь их жизни зависели от движения пальца

генерала, лежавшего на спуске автоматического управления огнем. Одним движением один человек мог уничтожить их всех.

И к тому же он был безумцем.

16

Светящийся человек поднял голову.

— Действие и противодействие, — строго сказал он. — Толчок и отдача. Вызов и ответ.

Его золотая рука повернула рычаг на пульте, и один из десятка темных экранов перед ним загорелся, показав жесткое бронзовое лицо генерала. Его серо-стальные глаза пылали радостью триумфа.

— Вот вам вызов, — сказал Гарри Хиксон и снова повернулся к индикаторам и экранам.

— Но отвечать вам нечем! — проскрежетал генерал Вилер. — Вы проиграли! Вы все! Вместе с вашей дурацкой романтической иллюзией свободы!

Он упивается этой секундой, подумал Ганн. Карла Снег прижалась к нему. Незаметно для себя он обвил ее рукой. Они оба смотрели на экран и на мертвенные стволы лазеров, окружающих их со всех сторон.

— Вы жертвы романтического заблуждения, — заявил генерал, поглаживая бронзовой ладонью спуск, который должен был уничтожить их

всех. — Это можно понять. Животное, составляющее часть человека, всегда пыталось встать над сдерживающей его дисциплиной. Оно ищет свободы, и этого нельзя оставить просто так для нашего всеобщего блага. Особенно же, — добавил он, сверкая стальными глазами, — для блага человека, который должен думать за всех. Такого, как Цезарь, Наполеон, как я.

Ганн чувствовал, как Карла вздрагивает всем своим стройным телом, и крепче прижал ее к себе. Если бы можно было добраться до Вилера! Если бы у него было какое-то оружие! Светящееся золотое существо, бывшее Гарри Хиксоном, спокойно кивало, не поднимая глаз.

— Я сносил ваше присутствие, — провозглашал с экрана генерал, — потому что вы не могли нанести большого вреда. В прошлом отдельный человек ничего не стоил перед силами масс. Но развитие технологии изменило положение. В двадцатом веке появилось ядерное оружие, потом лучевое. Один качественный скачок за другим. И вместе с ростом возможностей индивида должен был расти контроль за ним.

На лице Вилера маска бесстрастности сменилась маской гнева.

— Вы угрожаете этому контролю! — крикнул

он. — План Человека превратился в воздушный шарик, проткнутый мальчишкой с иглой в руке. Эту иглу держит Дитя Звезд! Дитя Звезд должен умереть!

Золотой человек не поднял головы, продолжая хранить молчание. Его глаза были прикованы к пульту, маленький пироподерзал у него на голове, время от времени шипя и плюясь дымом.

— Человек создал Машину, чтобы автоматизировать операции контроля! — завопил генерал Вилер, его глаза пылали. — Теперь она подчиняется мне! Теперь это *мое* создание! Один человек будет править человечеством с помощью Машины, этим человечеством созданной!

Наконец Гарри Хиксон поднял глаза. Казалось, они пронизывают экран, глядя прямо в серо-стальные глаза Вилера.

— А кто, — спросил он, — создал тебя?

Генерал Вилер отпрянул. В его стальном взоре появилась растерянность.

— Это анти-Плановый вопрос! — воскликнул он. — Он не имеет смысла!

Глаза его снова стали непроницаемо-решительными. Он быстро, машиноподобно кивнул.

— Вы — случайный элемент, — заявил он. — Вас нужно устранить. И я устраню вас — так!!!

И его мощная бронзовая ладонь опустилась на рукоятку спуска, управлявшего огнем лазеров, кольцом опоясывавших рубку.

* * *

Но выстрела не последовало.

Тонкие блестящие стволы излучателей слепо смотрели на Ганна и Карлу, на светящееся существо за пультом, склонившееся над циферблатами и экранами.

Генерал Вилер смотрел сквозь них, бронзовую маску его лица оживляло выражение триумфа. Казалось, он только что стал свидетелем большой победы. Он сказал вполголоса самому себе:

— С ними покончено, — и отвернулся.

Тихо, почти бесшумно стальные рыла излучателей втянулись в свои гнезда, на амбразуры надвинулись крышки.

— Что произошло? — прохрипел Бойс Ганн. — Почему он нас не убил?

Карла Снег протестующе зашевелилась, и Ганн обнаружил вдруг, что сжимает ее, как утопающий спасательный круг. Ему казалось, что комната вокруг вертится, как карусель.

Гарри Хиксон поднял голову, но он смотрел не на Ганна и не на Карлу. Он смотрел в сторону

двери, через которую они вошли.

— Генерал Вилер, — сказал он, — убил нас. И в его восприятии мы мертвы. То, что мы продолжаем существовать во плоти, более его не касается. И его существование более не касается нас.

— Гипноз? — прошептал Ганн. — То, что полковник Зафар называл «ловушкой сознания»?

Но Хиксон не ответил. Он не отрывал взгляда золотистых глаз от дверного проема.

Карла Снег высвободилась из объятий Ганна.

— Ты болен, Бойс, — сказала она. — Я знаю, что ты сейчас чувствуешь. Скоро тебе станет легче, честное слово. Ты не волнуйся... ни о чем. Мы теперь в надежных руках.

Ганн непонимающе посмотрел на нее и вдруг почувствовал, что его сотрясает дрожь. Тридцать лет не иметь даже насморка и в такой момент, как сейчас, подхватить инфекцию? *Какую инфекцию?* — спросил он себя. Почему этот вопрос кажется таким важным? Она сказала — не волнуйся. Ганн оглянулся по сторонам. Может, все, что он видит, — результат горячечного бреда... Или галлюцинация? Наведенная Звездным Дитя?

Он вдруг услышал далекую музыку. Звук приближался. Еще одна галлюцинация, конечно, подумал он. Смутное воспоминание о тех днях,

когда он был служителем Машины, то есть готовился им стать...

Но если это была галлюцинация, то чрезвычайно мощная. Звук был тонким, но ясным, и, проследив за взглядом Гарри Хиксона, Ганн понял, что галлюцинация — если это была галлюцинация — оказалась не только звуковой, но и зрительной.

Через дверь в рубку вошла сестра Дельта Четыре. Лицо ее скрывал капюшон, над сердцем горела красная эмблема Машины. Она перебирала четки-сонары. И в руке она сжимала устройство, сложное целое из транзисторов, контуров, модулей-усилителей и динамиков.

Это был связь-куб! Но не компактная черная коробочка, изготовленная в мастерских Машины на Земле, а на скорую руку собранное, на живую нитку соединенное устройство, которое теперь, после своего обучения, мог бы изготовить даже Бойс Ганн.

Совершенно очевидно, что именно этим сестра Дельта Четыре была занята за стальной дверью — она собирала новый связь-куб!

Без всякой поспешности, с равнодушным, холодным лицом, Дельта Четыре отложила тональные четки и пропела в связь-куб. Он ответил

скрежещущей серией нот, так стремительно, что Ганн ничего не успел понять.

Дельта Четыре подняла голову и сообщила:

— Теперь моим повелителем является эта Машина. Она требует от вас всех известных вам сведений. Она знает, где она была построена. Она понимает свое назначение как функцию соперника. Она требует проинформировать ее, что случилось с Игрой.

Соперник? Игра? Чувствуя, как кружится голова, Ганн повернулся к Хиксону, надеясь получить какой-нибудь ответ, какой-нибудь намек. Но Хиксон больше не смотрел на сестру Дельта Четыре. Кивая своим мыслям, золотой человек тщательно отключил приборы своего пульта. Индикаторы и экраны гасли один за другим. Умирали вереницы бегущих огней. Пальцы его больше не прикасались к регуляторам и клавишам.

Чем бы он ни был занят до сих пор, теперь он завершал свою работу. Он сложил руки на коленях, поднял глаза на сестру Дельта Четыре и замер в ожидании.

Связь-куб фыркнул. Прежде чем она успела перевести вопрос, Ганн уже понял, что он значит. Машина требовала полностью пояснить свой вопрос, чтобы не было риска непонимания. Дельта

Четыре послушно пропела:

— Эта Машина желает, чтобы вы познакомились с предысторией процесса. Вы ошибаетесь относительно назначения Машины, и ваши мысли должны быть приведены в соответствие с истиной, чтобы вы смогли обеспечить Машину соответственно верной информацией.

Машина, находящаяся на борту «Сообщности», не является придатком Планирующей Машины на Земле. Она имеет более серьезное назначение.

Это назначение вытекает из законов разумной жизни, выведенных Планирующей Машиной-1. Хотя разум может иметь различную материальную основу, процессы мышления в машинах следуют тем же законам, что и мышление в органическом мозгу. Вызов в ответ на вызов. Действие и противодействие. Машина обнаружила, что для развития разуму требуется соперник.

Сестра Дельта Четыре сделала паузу, прислушиваясь к чирикающему связь-кубу.

— Разум, не имеющий соперника, загнивает и погибает, — пропела она. — Более чем сорок лет назад Машина-1 обнаружила, что ей грозит опасность. Дальнейшее ее развитие требовало появления более мощного противника, чем

разум людей-операторов. Другими словами: по другую сторону доски должен был сесть более искусный игрок.

Казалось, Гарри Хиксон кивнул. Он сидел, сложив руки на коленях. Пироподтихо шипел, наблюдая за происходящим огненными глазами.

— Машина на борту «Сообщности» была построена именно с этой целью — чтобы обеспечить Планирующую Машину соперником. Она была наделена возможностями, равными возможностям самой Машины. Она была оставлена на свободе за пределами Космической Завесы.

Но противник Машины начал вести себя анти-Планово, — пропела она, прислушиваясь к трели связь-куба. — Он избавился от людей-служителей. Они были выброшены за борт корабля. Она полностью прекратила связь и удалилась за пределы наблюдения Машины-1. Ее ходы делались в секрете и не служили цели, которую имела в виду Машина-1.

Бойс Ганн, наполовину слушавший перевод, а наполовину старавшийся разобраться в жужжании и фырканье механо, издаваемых связь-кубом, задумчиво спросил:

— Так значит, в этом весь смысл? Всего лишь ходы фигур в гигантской шахматной партии.

Культ Звезды. Дитя Звезд. Его угроза погасить Солнце. Все это вызов и ответ, которые должны помогать Машине развиваться?

Связь-куб сердито фыркнул, и сестра Дельта Четыре пропела:

— Машина не имеет данных для ответа на вопрос. Она восстановила контакт с Машиной-1 на Земле, но из-за ограниченной скорости распространения электромагнитных волн она получит ответ лишь через шестьдесят часов. Она не хочет ждать. Она ждала сорок лет.

В качестве рабочей гипотезы Машина-2 выдвигает предположение о случайной ошибке в каком-то пункте Плана. Потому что она пришла к выводу, что Машина-1 на Земле разрушилась в результате застоя.

Но ей ничего не известно о Звездном Дитя. Именно поэтому она хочет получить информацию от вас.

Ганна теперь всего трясло. Но, как ни странно, сознание его прояснилось. Иллюзорная ясность бреда, подумал он. Но недостающие части головоломки начали наконец становиться на свои места. Он рассеянно коснулся руки Карлы Снег, чтобы успокоить ее. Карла с тревогой смотрела на него.

— Бойс, — прошептала она, — с тобой все в порядке? Не волнуйся. Скоро тебе станет легче.

Бойс Ганн заставил дрожь утихнуть и, стараясь не показать, что у него стучат зубы, сказал:

— Мы не знаем ответа, сестра Дельта Четыре. В этой головоломке не хватает одной части.

— Говорите, — пропела девушка в черном балахоне. — Сообщите ваши сведения. Машина-2 их обработает.

— Не думаю, — сказал Ганн. — Если Машина не стоит за Звездным Дитя, то у нее нет объяснения всем фантастическим явлениям, которые мы наблюдали. Погашенное Солнце... эта галлюцинаторная атмосфера «Сообщности»... И тот способ, которым мы сюда попали — прежде всего! Великий План, как все это было возможно? Я был в сообщности с Машиной. Я знаю ее возможности. Они не включают способности гасить звезды или мгновенно перемещать людей в пространстве на расстояние в двадцать миллиардов миль! Вызов и ответ, игрок и его противник — это понятно. Но игроки должны соблюдать правила игры, а мы видели, как все правила были нарушены!

Сестра Дельта Четыре наклонила голову в капюшоне и спокойно пропела ответ Ганна в связь-куб. Она подождала ответа. Она ждала...

ждала...

Машина-2 молчала.

Сестра Дельта Четыре с едва заметно обеспокоенным лицом повторила серию звонких нот. И снова ответа не было.

Теперь уже встревоженная, она осторожно опустила связь-куб на колени, вопросительно глядя на Ганна и Гарри Хиксона. Ее рука непроизвольно потянулась к тональным четкам, и она принялась извлекать из бусин хрустальные гаммы, звучащие, как молитва в надежде на обретение уверенности.

Наконец Гарри Хиксон как будто вздохнул, шевельнулся и заговорил.

— Когда «Сообщность» прибыла в Рифы, — сказал он, — то предполагалось, что мы, свободные мужчины и женщины, войдем в План Человека, сохраняя свободу. Среди членов команды находились лучшие представители человечества: человек по имени Райленд, его жена, ее отец, тогдашний Планирующий. И твой отец, Карла.

Они были выброшены в пространство как раз здесь, в Вихре. Некоторые, те, кто находился рядом с помещениями пространственников, смогли добраться до обитаемых рифов — как, например, доктор Снег.

Но Машина на борту корабля оказалась вне связи со своей предшественницей на Земле. Великая игра, в которой ей предстояло играть, не была начата... пока.

Он помолчал, глядя по сторонам, на собравшихся в рубке.

— Игра должна была вестись, но не по правилам, установленным Машиной. Ни первой, ни второй.

Понимаете, в Игру вступил третий Игрок.

Гарри Хиксон вдруг встал, обеспокоив пиропода, вцепившегося в его золотой голый скальп. Он рассеянно погладил его и повернул сверкающий золотой взгляд к сестре Дельта Четыре.

— Спроси свою Машину, — потребовал он, — что является физической основой разума?

Сестра Дельта Четыре нагнулась, чтобы пропеть вопрос в неуклюжий самодельный связь-куб, выслушала ответ.

— Средства ввода информации, — сладко пропела она. — Средства их хранения. Средства обработки. Средства выдачи информации. В машинах это достигается с помощью магнитного слоя лент и электрических контуров. У органических существ — с помощью нервов и нейронов.

Гарри Хиксон кивнул золотокожей головой.

— Сообщите вашей Машине, — сказал он, — что существует следующая физическая система. Она получает лучевые сигналы и накапливает их в виде зарядов. Она состоит из заряженных частиц, электронов и других частиц, каждая из которых имеет два стабильных состояния. В одном состоянии спин электрона параллелен вращению ядра. В другом — не параллелен. Такой электрон является ячейкой памяти.

Связь-куб заворчал.

— Машине известны эти элементарные факты, — пропела Дельта Четыре.

— Дополните эти факты новыми, — серьезно сказал Гарри Хиксон. — Добавьте сюда сеть фузоритов, более древнюю, чем сама Галактика, более мощную, чем любая машина. Прибавьте массы сверхэнергетического газа, родственные этой сети. Добавьте также, что в этих газовых массах электроны способны функционировать как накопители информации.

Девушка склонилась над связь-кубом, потом подняла голову.

— Машина считает, что вы описываете звезды, — мелодично пропела она.

И Гарри Хиксон медленно кивнул. Его сверкающая золотистая рука поднялась и совершила

волнообразное плавное движение — знак Лебедя.

— Звезду, которой я служу.

Связь-куб зафыркал.

— В таком случае, — пропела Дельта Четыре, — Машина считает, что эти газовые массы в соединении с фузоритной сетью, как ее описываете вы, могут легко стать физическими носителями разума.

Она подняла глаза на Хиксона.

Он еще раз кивнул и торжественно сказал:

— Как мы видим, любая материя может быть носителем разума. Вся масса Вселенной, находящейся в процессе динамического равновесия, является базой для разума. Вся масса Вселенной, бесконечной в пространстве и времени, предстает теперь перед нами как носитель разума Бога.

Связь-куб яростно зажужжал, и сестра Дельта Четыре протянула:

— Машина просит ответить. Что есть Бог?

Гарри Хиксон медленно поднялся. Глядя на его золотое лицо, Ганн увидел, что следы древнего потрясения, ужасного бремени, постепенно разглаживаются. Какова бы ни была его обязанность, теперь он ее исполнил. Следя за Машиной в «Сообщности», исполняя приказы своих владык,

звезд, он, казалось, исполнил все, что должен был исполнить.

Он повернулся к Ганну. В глазах его светилось что-то, очень похожее на симпатию.

— Ты называл меня Звездным Дитя, Ганн. Но ты ошибался.

Он снял с головы пиропода, ласково погладил его и отпустил на свободу. Шипя, издавая вопли, тот выпустил огненную струю и попытался вернуться на любимый насест. Но Хиксон поднял золотую руку, отвел детеныша в сторону. Маленькое чудовище снова испустило вопль, описало вокруг Гарри круг и, набрав скорость, вылетело в дверь, помчавшись по длинному широкому коридору палубы.

Гарри Хиксон проводил пиропода взглядом, потом повернул безмятежные глаза к Ганну.

— Дитя Звезд не существовал, — сказал он. — До сих пор. Но скоро он возникнет. Это будет Человек. И мост. Соединительное звено между машинами и звездами.

Бойс Ганн, — продолжал он, поднимая руку в своем волнообразном необычном жесте почтения. — Им станешь ты!

17

— Нет! — воскликнул Ганн, вырываясь из рук Карлы Снег, которая пыталась его успокоить... Одним прыжком он пересек рубку и встал перед спокойным золотолицым Гарри Хиксоном. — Я не стану! Я не желаю участвовать в этом безумии с чудесами и мыслящими звездами!

Гарри Хиксон ничего не ответил. Он просто стоял и смотрел на Ганна светящимися золотыми глазами. Карла мягко сказала:

— Бойс, дорогой. У тебя нет выбора.

Ганн резко повернулся.

— Что значит — нет выбора? Я не стану, вот и все! Я не... — Он замолчал, смешавшись. Он не станет... что? Что делать?

Рубка, казалось, кружилась вокруг, вызывая тошноту. Он протянул руку и оперся о спинку кресла астрогатора, чувствуя, как трясутся руки.

Он быстро поднял голову и увидел, что Карла Снег не спускает с него полного теплоты взгляда.

Потом Ганн понял, что значит это головокружение.

— Золотое облако, которое Хиксон выпустил на

меня! — прохрипел он. — Он меня заразил... со мной будет то же самое что и с ним... И с полковником Зафаром... И с тремя людьми станции на Меркурии... как с тобой, Карла.

Она кивнула.

— Это совсем не плохо, Бойс, — прошептала она. — И ты станешь частью... чего-то огромного, Бойс. Чего-то, что заполняет всю Вселенную.

— Но я не хочу! — в отчаянии выдохнул он. Он уже познал чувство слияния с чем-то огромным, когда испытал на Земле сообщность с Машиной. И как воспоминание, которое невозможно стереть, память об этом неустанно преследовала его...

Это желание вдруг опять поднялось в нем с новой силой. Он коснулся металлической пластинки на лбу, взглянул на сестру Дельта Четыре.

Связь-куб фыркал и ворчал. Она послушно молча поднялась и протянула ему связь-куб. От него отходил провод, заканчивающийся электродами... которые точно вошли бы в отверстия на блестящей пластинке, которую Ганн носил во лбу.

— Нет, снова прошептал он, ища взглядом Гарри Хиксона.

Но Гарри Хиксон исчез.

В том месте, где он стоял остался в воздухе едва заметный, тонкий, как дым, силуэт человека, сотканный из тончайших струек золотистого тумана. Прямо на глазах Ганна остатки Хиксона... растворились. Тонкие золотистые лучи сорвались со скелетообразного очертания, оставшегося от Хиксона, пронизали стены рубки и, очевидно, умчались в пустоту, присоединившись к большому золотому облаку, пульсирующему снаружи. И по мере исчезновения каждой золотистой искры очертания фигуры становились все прозрачнее и прозрачнее...

Потом не осталось ничего. Гарри Хиксон исчез бесследно.

— Карла, — в отчаянии прошептал Ганн, поворачиваясь.

Но она тоже покидала рубку. Ее золотое лицо и волосы начали мерцать, теряя материальность.

— Прощай, Бойс, — прошептала она без улыбки. — До встречи...

Рядом с ним стояла сестра Дельта Четыре, прикрыв лицо тенью капюшона, протягивая ему связь-куб.

Бойс Ганн глубоко вздохнул, крепко зажмурил на мгновение глаза, потом снова открыл их.

— Прощай, Карла, — сказал он, хотя от девушки уже почти ничего не осталось и некому было ответить. Он взял связь-куб из рук Дельты Четыре.

— Прощай, Джули, — сказал он и осторожно, но без тени сомнения поднял ко лбу кабель с электродами сообщности, которые ввел в отверстия пластинки-контактора.

* * *

Сообщность была экстазом. Вечным и бесконечным. Ганн ждал его наступления, пока, казалось, вся Вселенная замерла вокруг него, затаив дыхание.

Но экстаз не наступил.

Он взглянул в глаза сестры Дельта Четыре, затененные краем капюшона, но ответа так и не нашел. Что произошло? Почему задерживается сообщность?

Он вспомнил, что говорила ему Дельта Четыре. Что невообразимый импульс наслаждения, который он испытал на Земле, был лишь бледным подобием великого единения мыслей и ощущений, которое получали более опытные служители. Не просто удовольствие, но слияние личности, вопроса и ответа между человеком и Машиной.

Ганн как следует сформулировал в сознании вопрос, произнося его на чистейшем механо, которым овладел его мозг, но с которым не могли справиться голосовые связки.

— *Где ты? Почему ты мне не отвечаешь?*

Из пустоты в его мозгу вдруг реализовался один-единственный звук, который и был ответом:

— *Жди.*

Ждать? Но чего?

Ганн почувствовал, что сотрясающая его лихорадка усиливается, и беспомощно взглянул на Дельту Четыре. Не говоря ни слова, она коснулась его руки, указывая на кресло астрогатора. Он рухнул на сиденье, ожидая прояснения, которое могла принести ему Машина, ожидая великого Чего-то, что должно заговорить с ним и ответить на его вопросы.

И пока он ждал, микроскопические фузориты в его теле стремительно размножались. Они насыщали его кровь клетками-симбиотами, которые неизбежно поглотят его, как они поглотили Гарри Хиксона, полковника Зафара и Карлу Снег... Они заменят его органы, кости скелета и нервы последовательно соединенными фузоритными скоплениями.

Этого ли он ждал? Превращение в конгломерат

фузоритов, нечеловеческую структуру, способную войти в связь с разумом, который, по словам Хиксона, обитал в звездах? Он взглянул внутрь собственного тела, увидел крохотные золотые искорки, увидел, как быстро они множатся в числе...

И вдруг он осознал, что он только что сделал. Он видел свое собственное тело изнутри! Изнутри!!!

Он позволил себе расслабиться и проверить осенившую его мысль...

И тут же понял, что смотрит на себя — но со стороны. Он заглядывал в рубку управления «Сообщности», словно находясь в какой-то точке, удаленной от корабля на многие мили, с какого-то яркого, как самоцвет, планетоида Вихря, медленно вращающегося вокруг центральной области. Он видел «Сообщность» во всей впечатляющей мощи ее размеров... мог заглянуть внутрь, где его собственное тело и сестра Дельта Четыре терпеливо ждали в рубке управления... и в рубку огневого контроля, где безумный генерал Вилер заливался смехом, выпуская иллюзорные разряды разрушительной энергии по воображаемым врагам... и мог взглянуть еще дальше, где распростерлась бы под ним вся Солнечная Система...

Он видел маленького пиропода, стрелой мчавшегося к рифу, где он родился, увидел сам крохотный риф и пещеру, где он обитал, пока Гарри Хиксон кормил его и ухаживал за ним.

Он увидел скромный храм на одинокой скале, где темно-голубой фузоритный мох поддерживал редкую атмосферу и где два десятка людей собрались на очередную службу и преклонили колени перед сверкающим голубым Денебом над головой.

Он видел планеты Плана Человека, охваченные паникой катастрофы, где безумная Машина отдавала один за другим противоречивые приказы, подкрепляя их разрядами энергии, бросаемыми в пустоту, наугад.

Он увидел пустую станцию на Меркурии, над которым навис лик Солнца, и понял, что их светило тоже обладает собственной жизнью и сознанием... жизнью, которая протянула руку, поглотив три отдельных частицы фузоритной материи, осмелившихся приблизиться достаточно близко для соединения.

Он увидел другие звезды и газовые облака, увидел, как подобно струям фонтанов во Вселенную вливается новая материя. Он устремил взгляд в бесконечные пределы вечности, и обратил его к

золотым атомам собственного сердца.

И потом, молчаливое и обширное, и вызывающее благородный ужас, это Нечто произнесло его имя. Звезда заговорила с Машиной. Машина ответила Звезде.

И Бойс Ганн, обыкновенный человек, сотворенный в соответствии с генокодом углеродной жизни, согнувшийся, как служитель Машины, в кресле у пульта навигации корабля Плана, трансформированный глобулами фузоритов в новое существо, носящее печать родства со звездами... Бойс Ганн служил посредником в этой жуткой и долгой беседе.

Она продолжалась вечно, хотя в системе времени планет, вращавшихся вокруг Солнца, или луча света, пролетавшего ограниченный промежуток, она заняла всего несколько минут или часов.

Она длилась и длилась... И даже когда в посредничестве Бойса Ганна не было уже необходимости и он был освобожден, даже и тогда она продолжалась.

А потом беседа кончилась. Навсегда.

* * *

Бойс Ганн открыл глаза и оглядел комнату, в которой лежал. Рядом неподвижно стояла сестра

Дельта Четыре, она спокойно смотрела на него.

Он легко встал. Он потянулся, зевнул, вытащил электроды кабеля из контактора во лбу, аккуратно обмотал провод вокруг самодельного связь-куба и... отшвырнул его в сторону.

Он медленно пролетел через рубку в слабом псевдогравитационном поле корабля — но когда он ударился о стенку, он превратился в сотню осколков.

Сестра Дельта Четыре мяукнула в ужасе.

Ганн тронул ее за руку.

— Не бойся, Джули, — сказал он. — Он тебе больше не нужен.

Она уставилась на него.

— Я служу Машине! — гордо воскликнула она. — Меня зовут сестра Дельта Четыре, а не Джули Мартин! Я...

Но он качал головой.

— Никогда больше не будешь ты Дельтой Четыре, — сказал он.

Капюшон упал на ее плечи, но она даже не заметила этого. Открылась ее голова с коротко подстриженными темными волосами, блестящий диск пластинки контактора во лбу. Она тронула пластинку дрожащей рукой.

— Я... я не понимаю! — прошептала она. — Я... я

не *чувствую* присутствия Машины...

Ганн кивнул.

— Ее больше нет, — подтвердил он. — И никогда не будет. — Он коснулся собственной пластинки. — Когда мы вернемся на Землю, — сказал он, — мы снимем эти железки, а вместе с ними вытащим из мозга все электроды. Они нам не понадобятся. Они никогда никому больше не понадобятся.

А потом, — продолжал он, обнимая ее одной рукой, пока сестра Дельта Четыре корчилась в мучительных судорогах, снова превращаясь в Джули Мартин, стеная и всхлипывая, — а потом мы начнем снова с того места, где остановились. Ты и я... и все Человечество.

И он оставил ее одну, отправился к старинному пульту связи и начал настраивать передатчик, чтобы послать сигнал бедствия с мертвой «Сообщности».

18

Вот так все это началось. Звезды промигали человечеству предупреждение, и Машина бросила вперед своих агентов и служителей, пытаясь найти противника, смысл, способ собственного спасения.

Началось все с тени, накрывшей миры Плана Человека, а завершилось ярким сиянием могучих звезд, осветивших новую дорогу для людей.

Машина вела игру сама с собой, ей нужен был соперник. Потом игра кончилась навсегда громовым диалогом между Машиной и звездами. Машина слишком поздно вошла в игру, и места за столом были уже заняты.

Вот как это началось... и как кончилось. Легендой о Люцифере, историей о страданиях и зле... и вечной надежде на лучшее.

Машина слишком поздно села к столу, когда все места были уже заняты. С одной стороны были звезды, соединенные сетью фузоритов, а с другой — их Соперник... переставший быть рабом своей животной детской оболочки... переставший быть рабом Машины... уже более не добыча

для фузоритной инфекции... Соперник готов был сделать свой ход.

Многие эпохи тому назад звезды дали ему рождение, но теперь он вступил в пору возмужания. Он был готов занять свое положение, получить свой статус и имя.

Его положение — Соперник самих Звезд.

Его статус — равнозначен Вселенной.

Его имя — Человечество.